

ISSN 2500–3682

СОВРЕМЕННАЯ НАУКА:
АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

ПОЗНАНИЕ
№ 6 2023 (ИЮНЬ)

Учредитель журнала
Общество с ограниченной ответственностью
«НАУЧНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ»

Журнал издается с 2011 года.

Редакция:

Главный редактор
Д.К. Кирнарская
Выпускающий редактор
Ю.Б. Миндлин
Верстка
Н.Н. Лаптева

Подписной индекс издания в каталоге агентства
«Пресса России» — 43288

В течение года можно произвести подписку
на журнал непосредственно в редакции.

Авторы статей несут полную ответственность
за точность приведенных сведений, данных и дат.

При перепечатке ссылка на журнал
«Современная наука: актуальные проблемы
теории и практики» обязательна!

Журнал отпечатан в типографии ООО «КОПИ-ПРИНТ»
тел./факс: +7 (495) 973-8296

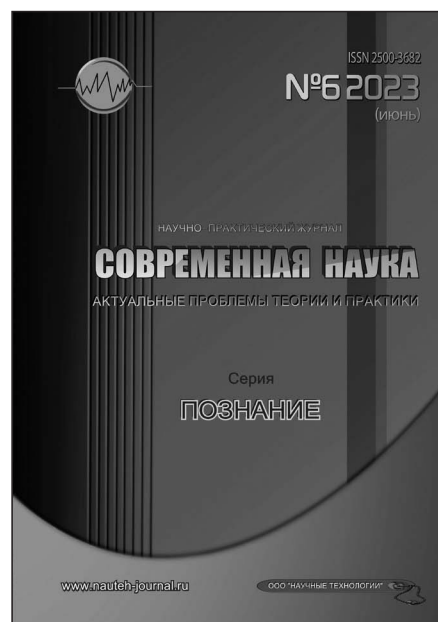
Подписано в печать 10.06.2023 г. Формат 84x108 1/16
Печать цифровая
Заказ № 0000 Тираж 2000 экз.

Серия: Познание №6 (июнь) 2023 г

Научно-практический журнал

Scientific and practical journal

(ВАК - 5.3.x, 5.7.x, 5.10.x)

В НОМЕРЕ:

КУЛЬТУРОЛОГИЯ
ПСИХОЛОГИЯ
ФИЛОСОФИЯ

Издатель:
Общество с ограниченной ответственностью
«Научные технологии»

Адрес редакции и издателя:
109443, Москва,
Волгоградский пр-т, 116-1-10 Тел/факс: 8(495) 142-8681
e-mail: redaktor@nauteh.ru
<http://www.nauteh-journal.ru>

Журнал зарегистрирован Федеральной службой
по надзору в сфере массовых коммуникаций,
связи и охраны культурного наследия.

Свидетельство о регистрации
ПИ № ФС 77-65429 от 04.05.2016 г.

ISSN 2500-3682

9 772500 368003 >

Редакционный совет

Кирнарская Дина Константиновна — доктор искусствоведения, д.псх.н., профессор Российской академии музыки им. Гнесиных

Миндлин Юрий Борисович — к.э.н., доцент, Московская государственная академия ветеринарной медицины и биотехнологии им. К.И. Скрябина

Бурлина Елена Яковлевна — д.филол.н., профессор, Самарский государственный медицинский университет

Вислова Аминат Даняловна — д.псх.н., Кабардино-Балкарский институт гуманитарных исследований, в.н.с.

Воронина Наталья Ивановна — д.филол.н., профессор, Национальный исследовательский Мордовский государственный университет им. Н.П. Огарева

Злотникова Татьяна Семеновна — д. искусствоведения, профессор, Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского

Кибальченко Ирина Александровна — д.псх.н., профессор, Южный федеральный университет

Кириллова Наталья Борисовна — д. культурологии, профессор, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б.Н. Ельцина

Комиссаренко Светлана Сергеевна — д. культурологии, доцент, Санкт-Петербургский Гуманитарный университет профсоюзов

Корнилова Ольга Алексеевна — д.псх.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Коротких Вячеслав Иванович — д.филол.н., профессор, Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина

Кургузов Владимир Лукич — д. культурологии, к.и.н., профессор, Восточно-Сибирский государственный университет технологий и управления

Куруленко Элеонора Александровна — д. культурологии, Самарский государственный институт культуры

Листвина Евгения Викторовна — д.филол.н., профессор, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского

Махаматов Таир Махаматович — д. филол.н, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ

Морозова Ирина Станиславовна — д.псх.н., профессор, Кемеровский государственный университет

Никольский Сергей Анатольевич — д.филол.н., Институт философии РАН, зав. сектором

Овсяник Ольга Александровна — д.псх.н, доцент, Российский экономический университет им. В.Г. Плеханова

Паршукова Галина Борисовна — д. культурологии, к.пед.н., доцент, Новосибирский государственный технический университет

Пономарева Галина Михайловна — д.филол.н., профессор, МГУ им. М.В. Ломоносова

Разлогов Кирилл Эмильевич — д. искусствоведения, профессор, ВГИК

Садохин Александр Петрович — д. культурологии, доцент, РАНХиГС при Президенте РФ

Сгибнева Ольга Ивановна — д.филол.н., профессор, Волгоградский государственный университет

Серов Николай Викторович — д. культурологии, Оптическое общество им. Д.С. Рождественского, действительный член

Синягин Юрий Викторович — д.псх.н, профессор, РАНХиГС при Президенте РФ, заместитель директора «Высшая школа государственного управления»

Сиюхова Аминет Магаметовна — д. культурологии, доцент, Майкопский государственный технологический университет

Соловьева Светлана Владимировна — д.филол.н., доцент, Самарский государственный институт культуры

Тихонова Анна Юрьевна — д. культурологии, доцент, Ульяновский государственный педагогический университет им И.Н. Ульянова

Фадеева Ирина Евгеньевна — д. культурологии, профессор, Сыктывкарский государственный университет имени Питирима Сорокина

Хренов Николай Андреевич — д.филол.н., профессор, Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, профессор, Всероссийский государственный институт кинематографии имени С. А. Герасимова

Черноризов Александр — Михайлович д.псх.н, профессор, МГУ имени М.В. Ломоносова

Экштут Семён Аркадьевич — д.филол.н., профессор, Институт всеобщей истории РАН, руководитель Центра истории искусств и культуры

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

Культурология

Афанасьев Н.В. – Миф в сознании российского общества: перспективы демифологизации
Afanasev N. – Myth in the mind of the Russian society: prospects of demythologization 5

Ван Янь – Исследование интеграции и дифференциации китайского и российского искусства ваяния на примере городской скульптуры
Wang Yan – Research on the integration and differentiation of Russian and of Chinese the Art of sculpturing on the example of urban sculpture 10

Дементьев О.В. – Становление К-поп и С-поп как современных жанров искусства в Китайской Народной Республике
Dementev O. – The formation of K-pop and C-pop as modern genres of art in People's Republic of China 15

Дин Вэйсин – Россия – Китай: интеграция русской певческой школы в Китае
Ding Weixing – Russia – China: integrating the Russian singing school in China 18

Пинигина О.Н., Слепцова Е.Г. – Обрядовый праздник «Эвинек»
Pinigina O., Sleptsova E. – The ritual holiday "Evinek" 22

Психология

Ипатов К.А. – Динамика смысло-жизненных ориентаций и мотивации к изменению поведения в отношении психоактивных веществ у пациентов медицинской реабилитации
Ipatova K. – Dynamics of attitudes and motivations to change substance-related behaviour in patients in medical rehabilitation 26

Кожевина А.П., Шаламова И.С. – Профессиональное выгорание сотрудников транспортно-логистической компании
Kozhevina A., Shalamova I. – Professional burnout of employees of transport and logistics company 32

Маринченко О.А. – Теоретические основы развития управленческих компетенций сотрудников ОВД: индивидуально-психологический аспект
Marinchenko O. – Theoretical basis for development of management competencies of its employees: individual psychological aspect 37

Минаев М.Г. – Психотехнологии обнаружения подмены ценностей
Minaev M. – Psychotechnologies for detecting substitution of values 40

Столбов М.М. – Причины производственного травматизма в контексте психологии труда
Stolbov M. – Causes of industrial injuries in the context of labor psychology 45

Чурсина А.В., Станкевичуте Е.П. – Индивидуально-психологические особенности студентов, занимающихся плаванием в бассейне при СПбГМТУ во взаимосвязи с их спортивной результативностью
Chursina A., Stankevichute E. – Individual psychological characteristics of students engaged in swimming in the pool at SPBGMTU in relation to their athletic performance 48

Шевеленкова Т.Д. – Экзистенциальные аспекты тревоги о здоровье и депрессивных состояний: особенности экзистенциальных защит
Shevelenkova T. – Existential aspects of health anxiety and depressive conditions: features of existential defenses 54

Философия

Грибков А.А. – Эволюционный рост сложности систем. Часть 1. Поэтапное структурообразование
Gribkov A. – Evolutionary growth of the complexity of systems. Part 1. Gradual structure formation. 63

Грибков А.А. – Эволюционный рост сложности систем. Часть 2. Сложность систем и энтропия
Gribkov A. – Evolutionary growth of complexity of systems. Part 2. Complexity of systems and entropy 68

Ковалева М.В., Телегин А.А. – «Философско-религиозное соло» В.В. Розанова
Kovaleva M., Telegin A. – "Philosophical and religious solo" by V.V. Rozanov 73

Рязанова Т.А. – Социально-философские основания исследования образования в контексте современной медиасреды
Ryazanova T. – Socio-philosophical grounds for the study of education in the context of the modern media environment 77

Скопа В.А. – Феномен «веры» в процессе научного познания: историко-философский анализ
Skopa V. – The phenomenon of "faith" in the process of scientific cognition: historical and philosophical analysis 81

Тамарзина Т.В., Цветус-Сальхова Т.Э. – Телесные практики в истории культуры
Tamazina T., Tsvetus-Salkhova T. – Bodily practices in the history of culture 85

Хуан Вэньци – Конструкция социально-этических идей в фильме «Блуждающая Земля 2»
Huang Wenqi – The narrative ethics construction in "The Wandering Earth 2" 89

Информация

Наши авторы. Our Authors 93

Требования к оформлению рукописей и статей для публикации в журнале 94

МИФ В СОЗНАНИИ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА: ПЕРСПЕКТИВЫ ДЕМИФОЛОГИЗАЦИИ

Афанасьев Ньургун Вячеславович

кандидат филологических наук, доцент, ФГАОУ ВО
«Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.
Аммосова», г. Якутск
n.v.afanasev@mail.ru

MYTH IN THE MIND OF THE RUSSIAN SOCIETY: PROSPECTS OF DEMYTHOLOGIZATION

N. Afanasev

Summary: Mythological beliefs in every socio-cultural environment are based on real events, but are essentially imaginary. Nevertheless, such fantasy realities capture and absorb people's thoughts for a long time. Fictions from fairy tales, epics, songs and works of other genres quickly lose their originality under the influence of real events and processes. In comparison with them, the belief in the supernaturalness of sociocultural myths is much more stable and durable, despite the transformation and evolution of social processes, the global change in social consciousness, the way of life of society and priorities. In this connection, in our understanding, in debunking the mythological beliefs of society, one should use various mechanisms of influence on human consciousness, which will fully rid it of the illusory perception of reality, and also form a deep understanding of the truth of natural phenomena and the structure of the world. This article discusses the factors interconnected with the indicated aspects, as well as the ways and tools to achieve them.

Keywords: mythological consciousness, Russian society, sociocultural environment, social processes, social knowledge, demythologization of consciousness.

Аннотация: Мифологические воззрения в каждой социокультурной среде основаны на реальных событиях, но по сути своей воображаемы. Тем не менее, такие фантазийные реалии надолго захватывают и поглощают мысли людей. Выдумки из сказок, былин, песен и произведений других жанров довольно быстро утрачивают свою необычайность в условиях влияния реальных событий и процессов. По сравнению с ними, вера в сверхъестественность социокультурных мифов гораздо устойчивее и продолжительнее, несмотря на преобразование и эволюцию общественных процессов, глобальное изменение социального сознания, уклада жизни общества и приоритетов. В связи с чем, в нашем понимании, в развенчивании мифологических верований социума следует использовать разнообразные механизмы влияния на человеческое сознание, которые полноценно избавят его от иллюзорного восприятия действительности, а также сформируют глубокое понимание об истинности природных явлений и устройстве мира. В данной статье рассмотрены взаимосвязанные с обозначенными аспектами фактора, а также пути и инструменты их достижения.

Ключевые слова: мифологическое сознание, российское общество, социокультурная среда, общественные процессы, социальное знание, демифологизация сознания.

Говоря о развенчивании иллюзорных верований человека в мифологию, мы не подразумеваем полное уничтожение мифологической сказочности и фантазийности в общественном сознании, так как понимаем, что это практически недостижимо. Невозможно на сто процентов вытеснить многовековые абсолюты как в мышлении одного человека, так и в мышлении целой культуры. Здесь подразумевается лишь снижение уровня важности социокультурной мифологии частично, а также расширение и углубление значимости обособленного и независимого мышления. Речь не ведется о внедрении и формировании автоматического мышления или снижении уровня общественной заинтересованности, подразумевается именно трансформация восприятия реальности через призму мифологического сознания без полноценной оценки и анализа реальности, с примесью иллюзорного представления.

Общее сознание, групповое верование в сверхъестественность мифологических представлений, их воображаемое содержание крайне неустойчиво, что не оспаривается специалистами и полностью совпадает с

их точкой зрения.

Главная задача интеграции усилий общественных структур, институтов государства, средств телекоммуникационного и массового сообщения сосредоточена на расширении субъектности у людей. Данная цель поставлена перед учебными заведениями, семьями, профессиональными ячейками, культурными сообществами и иными лицами, влияющими на сознание и формирование мировоззренческой позиции человека. Представляется, что преодолеть сложности в этом вопросе возможно посредством усиления коммуникации с гражданами, построения общественных диалогов, обеспечения «обратной связи», развития гражданского самоопределения.

В частности, внедрение в курс среднеобразовательной программы школьников дисциплин по развитию логики позволит развивать объективное мировосприятие, выстраивать рациональные представления об окружающих процессах, делать логические заключения. В итоге общественное действие, ориентируясь на духовные

воззрения своей культуры, почитая духовные традиции своего народа, должен осознать собственную общественную независимость, позволяющую выбирать, не зависеть от социального мнения, пережитков прошлых лет, не ощущать собственную ущемленность и закомплексованность.

Наряду с этим, требуется трансформировать подходы к воспитанию детей и молодежи. Они должны базироваться на правовых свободах, индивидуальных потребностях, ответственности, независимости, продуктивности, творческом потенциале, практичности. Действующие принципы социализации приоритетно направлены на автоматическое возвращение личностей с классической формой мировоззрения, которая мало конкурентоспособна на международном и внутреннем рынках труда. Ориентиром воспитания должна быть модель капитализированной личности с инновационными и креативными взглядами. Построение системы на основе подобных принципов обходит стороной классические подходы, культурные элементы (ритуалы, традиции, устои, обычаи), которые, по своей сути, выступают ключевыми аспектами, ограничивающими и искажающими эволюцию обществ периода СССР, включая российскую культуру.

Эффективная реализация обозначенных тенденций недостижима без поддержки со стороны деятелей науки, которые не воспринимают всерьез верования в проявления сверхъестественного из мифов, при этом отмечают факт значительного социокультурного недоразвития России по сравнению с другими государствами [7, с. 87]. Здесь следует подчеркнуть, что наблюдается рост интереса к мифологии как со стороны ученых, так и со стороны социума. Социокультурное содержание произведений все чаще выступает объектом научного и общественного изучения.

Тем не менее, в политических и социальных тенденциях отсутствуют принципы трансформации классических подходов, отражающих доминанту человеческого начала, его приоритет в государственной системе и переориентацию центрального места государства на главенство общества. Преобразование последнего имеет значительные расхождения с видами классических подходов, в частности политическим строем, где господа управляют подданными, коррумпированной экономической системой, правовыми санкциями, верховенством определенной нации, адаптивным форматом общественной жизни.

Лишь рациональные научные аргументы могут эффективно развеять верования в реальность иллюзорного содержания мифов в связи с отсутствием конкретики в тенденциях осуществляемых действий, очередности этапов их реализации, потребностью ограничения прав-

дивого восприятия сказочного вымысла мифов в общественном сознании. Основная задача научного подхода заключается в обосновании изменения классических взглядов, а также процесса их адаптации к текущим реалиям, формировании объективного отношения к пониманию человеком своей гражданской значимости, общественному взаимодействию и жизни в соответствии с законами государства. Таким образом, социально-гуманитарные предметы, в первую очередь, ориентированы на законодательные, политические и общественные аспекты.

Установление взаимосвязи между новыми преобразованиями и борьбой с верой в реальность иллюзорного содержания мифов в общественном восприятии предполагает, что социально-гуманитарные предметы будут направлены на создание средств, позволяющих осуществлять трансформацию. В данном случае возникает проблема выбора предпочтения использования общих европейских стандартов, либо задеирования принципов теории множественности модернов, на основе которой поддерживаются уникальные национальные традиции. С нашей позиции, наиболее актуален второй подход, так как он демонстрирует несостоятельность российской практики в вопросах преобразования социального пространства, все попытки оказались безуспешными, а в некоторых случаях сопровождались насильственными действиями (волюнтаристический подход). Поддержка обеспечения гражданского мира в условиях общественных и культурных преобразований, развитие межрегиональной конкуренции, эффективное преобразование взглядов в отдельном регионе принимается за стандарт в отношении соседних регионов, дает возможность поддерживать строгое взаимодействие в условиях трансформации многонационального общества [16, с. 67].

Главным результатом всесторонней трансформации станет формирование широкой конкурентной среды, охватывающей интересы субъектов государства теоретические подходы, обособленные методы. Можно сказать, что предоставляется свободное волеизъявление, на основе которой складывается выбор приоритета между новым и классическим подходами.

Бесспорным «арбитром» для всех них будут жизненные реалии, демонстрирующие степень адекватности той или иной стратегии, того или иного набора базовых ценностей.

Специфической чертой отечественного сознания является консервативный подход, предполагающий дестабилизацию верований в иллюзорность социокультурной мифологии посредством укрепления сложившегося социального статуса. Фигурально в мифологических сюжетах персонаж играет исключительно свою роль. В

отечественном социуме нет конкретно обозначенной стратегии общественного развития, однако, выражены антагонизирующие ей тенденции, содержащиеся в понятиях: «в чем смысл?»; «зачем прикладывать усилия?»; «так у всех?»; «хорошо не жили, так для чего это нужно?» и иное. Чаще всего потомки перенимают опыт старших поколений без приложения усилий к ускорению развития собственной общественной среды. Поэтому мы полагаем, что качество воздействия института семьи мало эффективно, так как ее влияние на общественные задачи человека зависит от спонтанных факторов.

С позиции М.Ф. Черныш, в большинстве случаев направленность воздействия внешних факторов выражается во внутреннем восприятии молодежи родительских наставлений, а также влияния других авторитетных лиц, в частности педагогов, наставников в рабочем процессе, которые видят в молодом человеке потенциал, позволяющий ему расти и расширять свой общественный статус [8, с. 38].

Тем не менее, наша точка зрения не совпадает с двойственностью данного подхода, поскольку специалист считает, что источником желания расширить свой общественный статус являются индивидуальные стремления человека, либо же подобные потребности формируются под воздействием социально-экономических условий. Мы полагаем, что в индивидуальных стремлениях и верованиях человека в сверхъестественность мифологических проявлений заключаются основные барьеры для расширения его общественного статуса и развития.

Трансформация этнокультурного кода с позиции иерархического построения уклада жизни и ощущения себя частью целого также является аспектом трактовки реальности в разрезе мифологической фантазийности. Средством реализации обозначенных задач можно считать трансформацию восприятия окружающих процессов, преобразование ценностей и традиций. Этнокультурные коды сильнейшим образом влияют на любые социальные процессы, выступают факторами управления общественных институтов и порядков [3, с. 99].

Преобразование этнокультурных кодов не сопряжено с уничтожением и уходом от обычаев и устоев своей этнической группы. Здесь подразумевается именно трансформация сознания и восприятия новой реальности. Полный уход от сложившегося на протяжении столетий порядка может повлечь образование пустот, нарушающих баланс бытия. В подобной ситуации отсутствие упорядоченности в кодах являлись бы более опасными, чем архаическое построение жизнедеятельности.

Преобразование кодов требует непрерывности и регулярности. Архаичное мировосприятие без должного контроля постепенно расширяется, а его новое зарож-

дение наделено цикличным и стабильным характером [5, с. 91]. Коллаборация текущих этнокультурных кодов с архаичными мировоззрениями углубит беспорядочность общественного сознания, а, следовательно, социального уклада жизнедеятельности.

Мы разделяем мнение экспертов в том, что формирование и трансформация порядка общественной жизни неразрывно сопряжены с реальным процессом жизнедеятельности общества сегодняшнего дня. Нам представляется эволюция общественных мировоззрений в ходе истории гибким и мобильным процессом, в котором прослеживаются неизменные знаки, отражающие остановку общественных преобразований. Следовательно, уклад жизнедеятельности не будет трансформироваться и сохранит свою форму аналогично текущему времени.

Снижение уровня верований в реальность иллюзорного содержания мифологемы предполагает содействие в социальной сфере. Проводимые мероприятия требуют поддержки со стороны общества и должны занимать ведущие позиции дифференциации общенациональных приоритетов, а также становятся примером действий обособленной личности. Смысл модернизации общественного сознания в РФ представляет собой основу идентифицирующего аспекта состояния отечественного общества в долгосрочной перспективе [6, с. 29].

Особое значение имеет внедрение принципов, снижающих уровень влияния мифологемы, на уровень социализации индивида на любом этапе. Дети, воспитанные с четким восприятием реальности, не будут так подвержены воздействию воображаемых мифологических сюжетов. К примеру, привычка построения иерархического уклада жизни с главенством одних лиц над другими существенно усложняет самовыражение личности в социальной среде. В процессе жизни такой человек не станет самостоятельным, непрерывно будет ждать господдержки, включая веру в построение равноценного общества на основе утопических взглядов. Здесь достоинство заключается в том, что представитель социально признанного сообщества является обладателем знаний в сфере социокультурных тенденций мифологии.

В нашем понимании трансформация действующей системы учебного процесса сопряжена с потребностью изменения ориентиров. В образовательных учреждениях не следует применять воспроизводство социокультурных мифологем, необходимо выражать независимую оценку и образовательные учения, благодаря чему проявляются требуемые умения. Построение жизнедеятельности учебных заведений подобным образом углубляет результаты снижения уровня демифологизации общества или наоборот, приводит к противоположному влиянию.

Особое значение во множестве социальных процессов отводится существованию системы мероприятий, ориентированных на развенчивание приоритета мифологических мировоззрений. При этом уменьшается степень влияния социокультурных мифов на граждан, происходит развитие гибкого и оперативного восприятия, наделенного творческим потенциалом, пониманием инновационных замыслов, здоровой критики к воплощению неэффективных и безнадежных замыслов, не принимая во внимание их автора. Вместе с тем обеспечивается преемственность ранее существующих порядков, сложившихся в течение многовекового развития социума [1, с. 112].

Иначе говоря, категория субъектов, на которых направлена деятельность по демифологизации общественного сознания, должна включать огромное количество учреждений, действия которых следует обобщать, что позволит достичь более глубокого эффекта, значительно превосходящего случаи обособленного влияния на человека. Постиндустриальные тенденции общественного развития имеют дополнительные источники, с помощью которых можно уменьшить уровень мифологических верований в сверхъестественное.

Особую роль играют социальные сети, в частности интернет-ресурс, предоставляющий неограниченный доступ к потоку данных, возможностям их передачи. С помощью интернет-ресурсов мифологические воззрения подвергаются оценке, имеют своих сторонников и антагонистов, находят противоположные социокультурные аспекты. Социальные сети оказывают интегрирующее воздействие на социум, объединяют граждан, выделяют представителей, выражающих позицию общества, углубляют явления мыслительного противостояния. В данном контексте соцсети формируют дополнительный ресурс, выявленный через определение культурного наследия и отсутствующий в других подсистемах социума.

Упорядоченное влияние на общественное сознание в целях снижения уровня верований в реальность сюжетность мифов требует структурированного рассмотрения.

Данное обстоятельство обусловлено тем, что существующее общество очень разнородно по национальному содержанию устоев и традиций, экономическим и социальным тенденциям. Главным минусом воздействия правительства и гражданского общества в анализируемом секторе считается равнозначное влияние на людей, не принимая во внимание их особенности.

Острая потребность в создании социально-демографической структуры, уточняющей обширный перечень категорий, требующих демифологизации, с детальным изложением их общественных, экономических, демо-

графических, психологических, культурных особенностей, места географического расположения. Видится не логичным лишь представлять процесс развенчивания веры в сверхъестественность мифов, следует предпринимать необходимые мероприятия для реализации данного процесса, благодаря чему он будет протекать гораздо оперативнее [2].

Существенное значение имеет схема использования инструментов для снижения уровня иллюзорного влияния социокультурных мифов. Наиболее эффективным является принцип текущего влияния, не связанный с происходящими случаями и воздействующий на восприятие гражданами той или иной информации. Главная задача данного механизма сосредоточена на уничтожении основ мифологического воззрения, мотивации правильного общественного отношения и выстраивании эффективного порядка действий.

Действия, обеспечивающие снижение уровня влияния мифов на общественное сознание в соответствии с указанным принципом, независимы от категории граждан, на которую должно быть направлено их влияние. Его эффективность устанавливается посредством проверки мировоззрения граждан, социологических опросов, отражающих взгляды людей, на основе чего можно доработать необходимые тенденции, удовлетворяющие условиям достижения основной цели [4].

Анализируемые процессы характеризуются активным темпоральным измерением, соответствующим определенному интервалу времени появления мифа. В данном контексте наиболее рационально мероприятия подразделить на три формы: профилактические, синхронные и ретроспективные.

Первая группа используется заблаговременно до начала сложных социально-экономических противоречий. Сюда относят развитие в понимании граждан представлений о нерациональности иерархического построения уклада жизнедеятельности, а также автономный поиск и борьбу с потенциальными сложностями, приводящими к усилению мобильности и улучшению психологического состояния граждан.

Так, активная пропаганда, связанная с расширением самостоятельности и «выпрашиванием» у правительства тех или иных благ ввиду приближения выхода на пенсию, призывает граждан самих откладывать средства. Подобная деятельность демонстрирует наличие эффективных механизмов, позволяющих развивать уровень финансовой грамотности населения и снижать влияние иерархической структуры организации жизненного уклада.

Синергия действий направлена на оказание социального содействия, наполняемость которого не соот-

ветствует мифологическим верованиями общественно-го сознания. Мероприятия реализуются наряду с ранее обозначенными действиями и сокращают уровень влияния мифологических сюжетов на сознание граждан и их общественное поведение.

К хорошему эффекту способно привести ретроспективное влияние на демифологизацию общественного сознания, направленное на переориентацию значимости определенного исторического опыта, учитывая ее независимость от мифологемы. Действия в данном контексте дают возможность преодолеть историческую закомплексованность, избежать отклонения в вопросах неверной трактовки исторических аспектов, противостоять в борьбе с конфликтами, в частности нередко снижается уровень значимости Победы СССР в ВОВ.

Таким образом, подчеркнем глубокий потенциал мероприятий, позволяющих осуществлять действия, ориентированные на снижение уровня верований в реальность мифологических сюжетов в сознании общества.

Сюда относят, социальные процессы, включая эволюцию общества в сторону постиндустриализма, меры, создаваемые на уровне субъектов Российской Федерации. Следует отметить ограниченность и вариабельность коммуникации социокультурной мифологии и усилий, прилагаемых для снижения уровня ее влияния, так как достигнутый итог невозможно предугадать.

Следовательно, наглядно прослеживается потребность вытеснения беспорядочного подхода архаической мифологии и ее переориентация в сторону продуманных и согласованных мероприятий гражданского характера с использованием различных средств. В частности, создание на национальном уровне специальных программ, внедрение принципов демифологизации в содержание других мероприятий. Достигнутый итог определяется реальной реализацией обозначенных задач, с которыми столкнулось сегодняшнее общество. От него зависит дальнейшее развитие общественного сознания, способность его к критике и анализу.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов А.Г. Социальная мифология и ее роль в развитии общества: дис. ... д-ра филос. наук: 09.00.11 / Иванов Андрей Геннадиевич – Липецк, 2017. – 291 с.
2. Иванов А.Г., Линченко А.А. Историческое сознание как фактор демифологизации исторической культуры: философско-методологический аспект // *Studia Humanitatis*. – 2016. № 1. [Электронный ресурс] <https://st-hum.ru/content/ivanov-ag-linchenko-aa-istoricheskoe-soznanie-kak-faktor-demifologizacii-istoricheskoy> (дата обращения 27.02.2023)
3. Киреева И.И. Этнокультурные коды как способ символизации окружающей действительности // *Поволжский педагогический вестник*. – 2015. – №2 (7). – С. 97–100.
4. Косов А.В. Мифосознание: функции и механизмы // *Аналитика культурологи*. 2007. № 2 (8). [Электронный ресурс] <http://analculturolog.ru/index.php?module=subjects&func=listssubjects> (дата обращения 03.03.2023)
5. Нигматуллина Т.А. Этнокультурная кодификация множественной региональной идентичности / Т.А. Нигматуллина. – М.: NOTE BENE, 2021. 207 с.
6. Никовская, Л.И. Гражданские инициативы и модернизация России: [сборник статей] / Л.И. Никовская, В.Н. Якимец, М.А. Молокова. — М.: Ключ-С, 2011. — 336 с.
7. Российское общество: проблемы социального согласия и развития / под ред. В.Е. Семёнова. — СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2014. — 260 с. (Человек и общество. Вып. 33).
8. Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты / отв. ред. В.В. Семенова, М.Ф. Черныш, П.Е. Сушко. ФНИСЦ РАН. — М.: ФНИСЦ РАН, 2019. — 512 с.
9. Шамякина, Т.И. Творческий поиск и мифы массового сознания в конце эпохи социализма / Т.И. Шамякина // *София: электронный научно-просветительский журнал*. – 2022. – № 2. – С. 63–68.

© Афанасьев Ньургун Вячеславович (n.v.afanasev@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИССЛЕДОВАНИЕ ИНТЕГРАЦИИ И ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ КИТАЙСКОГО И РОССИЙСКОГО ИСКУССТВА ВАЯНИЯ НА ПРИМЕРЕ ГОРОДСКОЙ СКУЛЬПТУРЫ

Ван Янь

доцент, Даляньская академия искусств, КНР
1114133607@qq.com

RESEARCH ON THE INTEGRATION AND DIFFERENTIATION OF RUSSIAN AND OF CHINESE THE ART OF SCULPTURING ON THE EXAMPLE OF URBAN SCULPTURE

Wang Yan

Summary: The article presents the results of a study of the processes of integration and differentiation of Russian and of Chinese The Art of sculpturing on the example of modern urban sculpture. This topic is highly relevant in modern conditions, as it is aimed at studying the processes of interaction and mutual influence of different cultures, which is an important part of the formation of an understanding of the characteristics of one's own culture. Of Russian and of Chinese The Art of sculpturing have a different cultural context, a solid historical basis, which makes it possible to conduct a comparative analysis and identify the influence of external cultural factors on the development of sculpture in both countries. The study of the integration and differentiation of Russian and of Chinese The Art of sculpturing using the example of urban sculpture can make a significant contribution to the study of cultural mutual influence, identifying common axiological foundations for the sculpting art of Russia and China, and special, unique traditions developing in each of the countries.

Keywords: sculpture art, Russian sculpture, Chinese sculpture, cultural integration, cultural differentiation, urban sculpture, monumental sculpture.

Аннотация: В статье приведены результаты исследования процессов интеграции и дифференциации китайского и российского искусства ваяния на примере современной городской скульптуры. Данная тема имеет высокую актуальность в современных условиях, так как она направлена на исследование процессов взаимодействия и взаимовлияния различных культур, что является важной частью формирования понимания характеристик собственной культуры. Китайское и российское искусство ваяния имеют различный культурный контекст, основательный исторический базис, что позволяет проводить сравнительный анализ и выявлять влияние внешне-культурных факторов на развитие скульптуры в обеих странах. Исследование интеграции и дифференциации китайского и российского искусства ваяния на примере городской скульптуры может внести значительный вклад в изучение культурного взаимовлияния, выявления общих аксиологических оснований искусства ваяния России и Китая, особенных, уникальных традиций развивающихся в каждой из стран.

Ключевые слова: искусство ваяния, российская скульптура, китайская скульптура, культурная интеграция, культурная дифференциация, городская скульптура, монументальная скульптура.

Китайское и российское искусство ваяния имеют различный культурный контекст, основательный исторический базис, что позволяет проводить сравнительный анализ и выявлять влияние культурных факторов на развитие скульптуры в обеих странах. Актуальность данной темы обусловлена направленностью на исследование процессов взаимодействия и взаимовлияния различных культур, что является важной частью формирования понимания характеристик собственной культуры. Исследование интеграции и дифференциации китайского и российского искусства ваяния на примере городской скульптуры может внести значительный вклад в изучение культурного взаимовлияния, выявления общих аксиологических оснований искусства ваяния России и Китая, особенных, уникальных традиций развивающихся в каждой из стран. Результаты исследо-

вания могут быть использованы в дальнейших исследованиях в области искусства скульптуры России и Китая.

В научной литературе рассматривается историческое развитие городской скульптуры в Китае и России, аксиология городской среды [2, 3, 4, 5, 6, 8, 12, 14, 15, 19], анализируется благопожелательная направленность образов, символика и тематика российской и китайской скульптуры [11, 20], резюмируются общие темы, например, материнство, благоденствие, процветание, героизм [13, 16, 17]. А.Ф. Ибрагимов формулирует принципы формообразования современной городской скульптуры. Лю Юйцзю исследует процесс становление монументальной скульптуры России и Китая как инструмента пропаганды, резюмирует влияние советской скульптуры на развитие китайской монументальной скульптуры

[10]. М.А. Бирюкова пишет, что для возможности взаимодействия и влияния одной культуры на другую, необходимо, чтобы каждая из них имела определенные культурно-цивилизационные особенности или культурно-исторические типы внутри себя [1]. Это подразумевает, что интеграционные процессы всегда предшествуют дифференциации, которая формирует каждую культуру как самостоятельную и независимую от других. Таким образом, интеграция и дифференциация являются взаимосвязанными процессами, которые способствуют развитию и формированию культурных целостностей. Процесс интеграции культур неизбежно приводит к выявлению различий между ними, это связано с различиями в культурных ценностях, религиозных убеждениях. В конечном итоге, процесс взаимодействия культур приводит к укреплению интеграции между ними. Обмен идеями и знаниями позволяет культурам обогащаться, становиться более сложными, создавать новые формы искусства.

Городская скульптура, как одна из форм выражения городской идентичности является важным элементом культурной и исторической наследственности города. Развитие данного вида скульптуры имеет большое значение для создания уникальной атмосферы и обогащения городской культуры. Городская скульптура является искусством, выведенным за рамки музеев в открытое пространство города, заключительным этапом поисков идеи и формы в искусстве ваяния [7, 12, 14].

Развитие городской скульптуры в России результат активной интеграции традиций российской национальной скульптуры с искусством ваяния, сложившимся в Европе к XVII веку. С этого времени происходит активное развитие городской скульптуры. Скульптура в городском пространстве может представлять памятники, бюсты, фонтаны, декоративные композиции и скульптурные ансамбли. Стили и направления городской скульптуры могут варьироваться от классических до современных и экспериментальных. Она может быть выполнена из различных материалов, таких как камень, металл, бронза, стекло, пластмасса и другие.

Развитие искусства ваяния в Китае характеризуется стремлением к выделению роли скульптуры в архитектурно-пространственной и природной среде, расширению типологических образно-содержательных признаков; стремлением к большой форме, синтезу архитектурных, скульптурных и декоративных элементов, выразительной насыщенности образов. Таким образом, взаимодействие монументальной и монументально-декоративной скульптуры Китая с архитектурным и природно-пространственным окружением является важным условием создания городской скульптуры Китая с Древних времен [14, 15].

Развитие городской скульптуры Китая второй половины XX века результат активной интеграции традиций китайской национальной скульптуры с искусством скульптуры Советской России. К этому времени Российская скульптура накопила опыт академической скульптуры, направленной на реалистическое изображение, создание анатомически, пропорционально и композиционно выверенных скульптур. В 50-х годах XX века шла активная интеграция в области искусства между Китаем и Россией, которая выражалась в обучении китайских скульпторов в лучших учебных заведениях Советской России и выездами именитых российских скульпторов в Китай для обучения китайской молодежи искусству ваяния. Китайским правительством были переняты учебные планы рабочих факультетов, в том числе и в области обучения искусству. При наличии академического базиса, китайская скульптура имела яркую национальную окраску, атрибуты и символику традиционную для Китая. В результате на улицах китайских городов появилась монументальная скульптура в стиле китайского социалистического реализма. Примеры такой скульптуры можно увидеть на главных площадях городов Китая [8, 16, 18].

Необходимо обратить внимание, на необходимость осознанной интеграции, как целенаправленной деятельности по освоению опыта, накопленного в недрах другой культуры, что и происходило между Россией и Китаем. Лу Хунюн резюмирует, что Русское искусство было очень легко принято китайским народом в силу созвучности, соответствия его культурным, эмоциональным и духовным потребностям. Это связано с тем, что начиная с середины XIX века в Китае происходили глобальные политические и культурные изменения, формировалась так называемая «китайская мечта», которая содержит дух настойчивости и стремления к достижению поставленных целей через борьбу и преодоление трудностей, которые пришлось преодолеть китайскому народу и этот дух преодоления был присущ российскому искусству [9]. Можно сформулировать такие условия культурной интеграции как добровольность и целенаправленность в перенимании опыта.

Для успешного процесса интеграции необходимы некоторые условия, например, чтобы каждая из культурных традиций была сформирована, имела сложившиеся культурно-цивилизационные особенности [1]. К 50-м годам XX века и российское и китайское искусство ваяния были исторически сложившимися школами внутри древних и сложных культур. Это обстоятельство привело к тому, что произошла именно интеграция, а не поглощение более слабой культурной традиции [20]. Можно сформулировать такое условие культурной интеграции как, каждая из культурных традиций должна иметь сложившиеся культурно-цивилизационные особенности.

Многие символы, используемые в традиционном китайском искусстве, имеют защитное значение и направлены на обеспечение удачи и благополучия, что соответствует исконным целям российского традиционного искусства, связанным с защитой и благополучием, святостью [11]. Китайская и российская культура имеют в своей основе ценности материнства, благоденствия, храбрости, преодоления трудностей. Олихова резюмирует, что среди «...ключевых ценностных доминант китайской культуры складывается как традиционный образ благородного мужа цзюньцзы, так и менее изученный образ идеальной матери муи» [13, с. 6]. В городской среде Китая можно видеть как религиозные (Гуань Ин), социалистические (Великая мать народа), так и садово-парковые (изображение простых женщин с ребенком) скульптуры, посвященные материнству. Важным является образ символа благородства цзюньцзы, качества которого воплощаются в различных изображениях героев (например, Лэй Фэн), участников восстаний и боевых событий, павших за процветание китайского народа [10]. Эти образы созвучны исконным ценностям российской культуры, подобную скульптуру можно видеть в российских городах. Данный факт делает возможным процесс плодотворной творческой интеграции между искусством ваяния России и Китая.

Общими символами России и Китая являются львы, скульптурные изображения которых можно встретить как в китайских, так и в российских городах. Б.Ш. Шмони-евский исследует образ льва в изобразительном искусстве Китая как связующее звено между Востоком и Западом [17]. Искусство создания скульптур охраняющих львов у входа в жилище – это важная часть китайской культуры, история которой насчитывает более двух тысячелетий. Некоторые скульптуры были выполнены с использованием традиционных поз в боевых искусствах, образами львов, которые атакуют своих противников. В настоящее время, скульптуры охраняющих львов по-прежнему являются важной частью китайской культуры. История создания скульптур охраняющих львов в городах России началась в XVIII веке. Львы были символом государственной мощи и власти, поэтому были установлены у входов во многие важные государственные и общественные здания. Первые львы были выполнены в стиле барокко и рококо, а позже, в XIX веке, стали популярны скульптуры в стиле классицизма и неоклассицизма. Скульптуры львов были созданы из различных материалов, камня, бронзы, выполнены в технике гальванопластики. Скульптуры львов до сих пор считаются символом силы, могущества и защиты. Единые глубинные ценностные основания культур являются условием успешной интеграции искусства ваяния России и Китая.

Процесс дифференциации школ скульптуры России и Китая является важным процессом самоидентификации, самоопределения, формирования индивидуальных

культурно-цивилизационных особенностей. В искусстве ваяния России и Китая присутствуют особенности, которые отличают их от искусства других стран и друг от друга, формируют национальную школу скульптуры. Китайские скульпторы при создании скульптурных изображений могут использовать форму иероглифов, которые представляют собой многозначные символы, имеющие не только языковую, но и художественную ценность за счет их пластичности и выразительности. Кроме непосредственно скульптур в виде определенных иероглифов в Китае существует практика создавать из иероглифов фактуру поверхностей реалистической и декоративной городских скульптур. Иероглифы используются в китайской скульптуре для достижения максимального художественного выражения, эстетического эффекта. Это является ярким примером проявления национальных традиций в скульптуре. Особенностью многофигурных композиций китайской скульптуры является экспрессия, широкое движение фигур, выраженное в их позах и расположении. Российская монументальная скульптура отличается от китайской большей сдержанностью, иногда суровостью, высоким мастерством обобщения и декоративной обработки скульптурного объема; что имеет истоки в российском традиционном народном и религиозном искусстве и расположении России на территории с суровым северным климатом. Вместе с этим Россия сохраняет школу академической скульптуры, следует реалистическим традициям в искусстве.

В городах России и Китая ставится большое количество памятников героям, деятелям культуры, в местах отдыха присутствуют фигуры героев мультипликационных и художественных фильмов. В городской скульптуре отражаются популярные образы культуры. На современном этапе развития городской скульптуры имеет место поворот в сторону гуманизации городской среды, внимание к человеку, который будет воспринимать скульптуру. В этом ракурсе, национальные особенности скульптуры уходят на уровень психологии восприятия, мировоззренческих вопросов, ценностных установок, в зависимости от которых выбирается метод и способ формообразования городской скульптуры. Ибрагимова А.Ф. формулирует принципы формообразования современной городской скульптуры, называя такие принципы, как: принцип нематериальной вещественности (метод, при котором свет, звук, видео являются объектом искусства), принцип использования готовой формы, принцип абстрактно-концептуального формообразования, принцип адаптации традиционной формы [3]. Эти общие принципы формообразования являются результатом дуалистического единства интеграции и дифференциации различных школ, традиций, результатом творческого поиска мастеров искусства. В результате выявляется некая интернациональность, общий подход, что не отменяет уникальности национальных школ скульптуры.

Выводы

В ходе развития и взаимодействия искусства ваяния Китае и России можно выделить два взаимодействующих процесса. С одной стороны, происходит процесс интеграции, который усиливается благодаря творческим обменам, студенческим программам обмена, организации симпозиумов по скульптуре и другим формам взаимодействия между странами. С другой стороны, происходит дифференциация, которая связана с поиском самоидентичности и характеристик собственной уникальности. Часто для этого используются древние формы искусства, характерные для собственной культуры. Оба этих процесса чередуются между собой и влияют на развитие искусства скульптуры в России и Китае.

Можно сделать несколько важных выводов:

1. В историческом ракурсе процессы интеграции и дифференциации культурной традиции искусства ваяния России и искусства ваяния Китая неизбежно чередуются.
2. В процессе интеграции неизбежно увеличиваются противоречия между культурными традициями, что позволяет максимально проанализировать отличия и характеристики искусства каждой из стран.
3. При углублении дифференциации неизбежно усиливается стремление к интеграции, увеличивается привлекательность взаимодействия и взаимообогащения.
4. При длительном дефиците процессов интеграции происходит спад, замедление процесса развития.

В результате проведенного исследования можно сформулировать условия успешной интеграции между

искусством ваяния России и Китая:

1. Добровольность культурной интеграции.
2. Целенаправленное заимствование опыта другой культуры.
3. Наличие сложившихся культурно-цивилизационных особенностей искусства.
4. Наличие единых глубинных ценностных оснований искусства ваяния России и Китая.

Результаты процесса интеграции между искусством ваяния России и Китая:

1. Активизация процессов развития данного вида искусства.
2. Появление новых свойств, качеств и форм скульптуры.
3. Выявление общих аксиологических оснований культур двух стран
4. Популяризация искусства скульптуры.
5. Поддержка на государственном уровне.

Активизация процессов развития искусства ваяния проявляется в поиске новых форм выражения идей, появлении новых свойств и качеств скульптур, которое обусловлено процессом сравнения, саморефлексии. Популяризация искусства скульптуры, повышение общественного интереса к данному виду искусства повышает его значимость в обществе, усиливает влияние скульптуры на сохранение и формирование культурных ценностей, как аксиологического базиса общества. Поддержка искусства скульптуры на государственном уровне влечет за собой улучшение материальных условий, использование более качественных материалов и инструментов, более качественное выполнение работ, повышение уровня устанавливаемой в городах скульптуры, улучшение городской среды.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бирюкова, М.А. Интегративные тенденции в культуре и проблема дифференциации культур: автореферат дис. ... кандидата культурологии: 24.00.01 / Моск. пед. гос. ун-т. – Москва. 2001. – 25 с.
2. Горелова Юлия Робертовна. Аксиология городской культуры: категория «прекрасное» в оценке городских пространств современными горожанами. Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. № 2 (31), 2021. – С. 16-24.
3. Ибрагимова А.Ф. Принципы формирования современной городской скульптуры. Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. № 1, 2018. – С. 93-97.
4. Каратайева Н.Ф. Исторические особенности развития русской скульптуры и связь её с декоративной народной. Традиционное прикладное искусство и образование, № 3 (25), 2018. – С. 134-138.
5. Котломанов А.О. Паблик-арт: страницы истории. Современное русское искусство в общественном пространстве. Часть 1. Монументальная скульптура. Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. № 4, 2015, – С. 55-65.
6. Котломанов А.О. Монументальность новой русской скульптуры. Эпизод 1: памятник князю Владимиру. Вестник Санкт-Петербургского университета. Искусствоведение. № 3, 2017. – С. 342-359.
7. Кривдина О.А., Тычинин Б.Б. Размышления о скульптуре. СПб. : Северная звезда. 2010. – 608 с.
8. Ли Бинь. Реалистическая монументальная скульптура Китая // Декоративное искусство и предметно-пространственная среда. Вестник МГХПА. 2019. № 4-1. – С. 322-331.
9. Лу Хунюн. Об искусстве Китая и России, историография взаимного влияния. Наука и школа, № 2, 2021. – С. 223-228.

10. Лю Юйцзю. Становление монументальной скульптуры России и Китая. Общество: философия, история, культура. № 3 (95), 2022. – С. 202-206.
11. Мартынова Н.В. К вопросу изучения феномена благожелательных изображений в традиционном искусстве Китая. The Scientific Heritage. № 42-2 (42), 2019. – С. 3-7.
12. Михайлов С.М. Дизайн современного города: комплексная организация предметно-пространственной среды: теоретико-методологическая концепция: диссертация ... доктора искусствоведения: 17.00.06 / Михайлов Сергей Михайлович; [Место защиты: Всерос. науч.-исслед. ин-т технич. эстетики]. – Москва, 2011. – 362 с.
13. Олихова Е.О. Образ матери в традиционной китайской культуре: автореферат дис. ... кандидата философских наук: 24.00.01 / Олихова Екатерина Олеговна; [Место защиты: Моск. гос. лингвист. ун-т]. – Москва, 2012. – 24 с.
14. Сунь Лунбэнь. Современные тенденции развития средовой скульптуры Китая: автореферат дис. ... кандидата искусствоведения: 17.00.04 / Сунь Лунбэнь; [Место защиты: С.-Петерб. гос. художеств.-пром. акад. им. А.Л. Штиглица]. – Санкт-Петербург, 2009. – 24 с.
15. Сунь Лунбэнь. Средоформирующая роль скульптуры как одна из актуальных тенденций архитектурно-художественной практики Китая конца XX начала XXI века. Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. № 97, 2009. – С. 290-295.
16. Цуй Иньин. Размышления о феномене китайско-российского обмена искусством в историческом зеркале // Art Criticism. 2020 (15). – С. 177-179.
17. Шмониевский Б.Ш. Образ льва в изобразительном искусстве Китая: связующее звено между Востоком и Западом (от Хань до Цин). Вестник культурологии, № 3 (70), 2014. – С. 146-153.
18. Cheng, H., Worrall, J. (2021). The Influence of Public Art in Developing Chinese Urban Public Space: Current Trends and Future Directions. In: Mahgoub, Y., Cavalagli, N., Versaci, A., Bougdah, H., Serra-Permanyer, M. (eds) Cities' Identity Through Architecture and Arts. Advances in Science, Technology & Innovation. Springer, Cham. https://doi.org/10.1007/978-3-030-14869-0_10 (Дата посещения 03.03.2023).
19. Jane Zheng. Contextualizing public art production in China: The urban sculpture planning system in Shanghai. Geoforum, Volume 82, June 2017. – С. 89 - 101.
20. Zhang Jinghua. Focus on the future development of the "Belt and Road" and strengthen cultural and artistic exchanges between China and Russia. China Culture News. 2017-12-06 (004). (In Chinese)

© Ван Янь (1114133607@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Даляньская академия искусств, КНР

СТАНОВЛЕНИЕ К-РОП И С-РОП КАК СОВРЕМЕННЫХ ЖАНРОВ ИСКУССТВА В КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКЕ

THE FORMATION OF K-POP AND C-POP AS MODERN GENRES OF ART IN PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

O. Dementev

Summary: In article, the authors examine the formation of the media phenomenon of Asian culture – Korean-pop and Chinese-pop in China. The study revealed that at first glance similar K-pop and C-pop are different genres with different sources. They appeared as independent modern genres in China in the 1990s. Mandopop, as the predecessor of C-pop, appeared much earlier than K-pop and is not its Chinese continuation. These genres exist all over the world and are still being improved.

Keywords: China, modern art, C-pop, Mandopop, K-pop.

Дементьев Олег Вадимович

*Преподаватель, Хэбэйский университет международных исследований (Хэбэйский университет иностранных языков), КНР, г. Шицзячжуан;
Соискатель, Краснодарский государственный институт культуры
pitepa83@mail.ru*

Аннотация: В статье авторы рассматривают формирование медиа-феноменов азиатской культуры – жанры Korean-pop и Chinese-pop на территории Китая. В ходе исследования выяснилось, что на первый взгляд схожие К-роп и С-роп являются разными жанрами, имеющие разные источники. В качестве самостоятельных современных жанров в Китае они появились в 1990-х годах. Мандопор, как предшественник С-роп, появился намного раньше чем К-роп и не является его китайским продолжением. Эти жанры существуют во всем мире и совершенствуются до сих пор.

Ключевые слова: Китай, современное искусство, С-роп, Мандопор, К-роп.

С начала 1990-х годов в Китайской Народной Республике появляется множество новых танцевальных, музыкальных и театральных жанров. Этому способствует политика открытости Китая и стремление страны к расширению культурных отношений с мировыми державами. Как следствие, в это время быстрыми темпами распространяются современные музыкальные жанры К-роп и С-роп.

К-роп или Korean popular music (южно-корейская популярная музыка) – это музыкальный жанр, ставший наиболее популярным сначала в странах Юго-восточной Азии, а теперь по всему миру, в основном в России, США, странах Европы. Волна популярности достигла и КНР.

К-роп – это своеобразный медиа-феномен, распространяющийся по различным социальным сетям и являющийся синтезом западных музыкальных жанров. Среди них электропоп, хип-хоп, различная танцевальная музыка, современный ритм-н-блюз. По эстетике К-роп ориентирован на американскую культуру, но как отдельный жанр возник в Южной Корее. Он одновременно включает в себя не только музыкально-вокальное исполнение и рэп, но и сложные хореографические постановки, театральные этюды, цирковую акробатику с использованием разнообразных декораций, визуальных и аудио эффектов. Тем самым, Korean-pop создает неповторимое разнообразие стилей исполнения, являясь не только музыкальным жанром, а целым пластом жанров и быстро развивающейся субкультурой.

В мире существует синоним названия К-роп – Халлю (Hallyu), что означает «корейская волна». В Южной Корее под К-роп понимаются практически все направления популярной музыки.

К-роп берет начало из театрального жанра самульнори (samulnori) и традиционного корейского «танца плеч». Самульнори – искусство XIX века, основанное на народных пениях нонак (nonak), театральное действие, сопровождаемое народными ударными музыкальными инструментами. «Еоккае-чум» («танец плеч») – это игровое действие, по мере нарастания музыки втягивающее зрителя, кульминацией которой является выплеск энергии хын (heung). Энергия хын представляет собой театральную и музыкальную энергию радости, вдохновения и азарта, возникающей во время игры [3, с. 56-61].

Появление понятия К-роп относится к 1990-м гг. Популярность жанра определяется по двум критериям. Первым является энергия хын, образующаяся благодаря тому, что артисты привлекают зрителя во время театрального действия легко запоминающейся музыкальной композицией, простыми текстами песен.

Второй критерий – культ «айдолов» («Idol»), т.е. артистов, имеющих определенные способности и поддерживающих не только продуманный идеальный имидж, но и стиль жизни в соответствии с этим образом. До получения статуса «айдола», К-роп артиста называют «трейни» («treinee») – учеником, стажером. Он практически живет несколько лет в компании, под чьим руководством рабо-

тает группа. Здесь стажер проходит подготовку к своему дебюту.

Такое обучение в странах Азии появилось еще в 1980 г., после того как японский режиссер Дж. Китагава определил его фразой «easier to handle» («легче управлять»). Воспитанием артистов для К-поп занимаются различные агентства по всему миру, а самые крупные из них – это агентства «большой тройки»: YG Entertainment, JYP Entertainment и SM Entertainment [1, с. 85-89]. Их задача – создание дорогого, популярного и продаваемого музыкального продукта – «айдола». Состоявшиеся артисты участвуют в шоу-программах, съемках дорам, рекламе и т.п. Подобное происходит и в Китае, филиалы агентств «большой тройки» занимаются воспитанием артистов для жанра С-поп.

Жанр С-поп или Chinese-pop (китайская популярная музыка) похож на К-поп, но отличается строгостью китайской цензуры. Это синтез музыкального, вокального, хореографического и театрального искусства и, как феномен китайской культуры, включает несколько направлений. Среди них Mandopop (Mandarin Chinese language popular music), Cantopop (HK-pop – Hong Kong popular music) и Hokkien-pop (Tai-pop, T-pop или Minnan-pop – Taiwan's Tai language popular music). Такой состав объясняется самоопределением населения КНР в музыкальном искусстве по трем основным музыкальным направлениям китайской популярной музыки, которые можно обозначить по трем ареалам распространения – материковый Китай, Гонконг и остров Тайвань.

Можно предположить, что единое понятие С-поп формировалось с начала XX века. Подтверждением этому является требование Коммунистической партии Китая в 2000 году, призывающее правительство КНР «улучшить политику в области культуры, укрепить строительство и управление культурным рынком и продвигать развитие индустрии культуры». С этого момента успешно копируется культура Японии, Южной Кореи и стран Запада, перенимается опыт и методы мягкой силы.

В 2001 году Китай присоединения к Всемирной торговой организации. С развитием международных торговых отношений, в стране начинает активно распространяться и популяризоваться иностранная культура, в том числе жанры музыкального искусства США и европейских стран, пополнившие репертуар артистов С-поп, например, джаз, рок, рэп и т.п.

С этого времени Китай переходит из позиции «сдержанности культуры», сохранения древних традиций с частичным принятием культуры соседних государств, в позицию «экспансии культуры» [2, с. 162-170].

Стоит отметить, что составляющие элементы С-поп

появились раньше, чем общее понятие этого современного жанра. Так, современный Mandopop, к которому относят всю популярную музыку материкового Китая, появляется в КНР с 1980-х гг. Уже тогда он был синтезом музыкально-вокального исполнения и хореографии, при этом больше ценилось танцевальное содержание шоу-программ.

Mandopop включает различные жанры, но основой являются тайваньские студенческие вокально-танцевальные композиции 1970-х гг. Им, в свою очередь, предшествовали различные музыкальные жанры Восточной Азии. Среди них шанхайский джаз 1930-х гг., японская энка, Т-поп (популярная музыка и песни на миньнаньском диалекте: taiyu gequ), Cantopop (кантонское популярное музыкальное исполнение) и китайское популярное вокально-музыкальное исполнение 1930-х годов.

В 80-х гг. XX века Mandopop был запрещен для исполнения в КНР. Правительство призывало бороться со «злыми влияниями» Тайваня и Гонконга. Жанр называли вульгарным, морально декадансным, сопоставляя его с порнографией и предполагая опасность разрушения коммунистического утопического идеала.

В конце 1990-х гг. об этом жанре негативно высказывались представители классической и рок музыки. Они называли его откровенно капиталистическим, связанным с большими расходами на выступления и музыкальное производство, а также музыкой, поддерживающей гегемонию западных стран. Музыканты отмечали, что китайское направление популярного вокально-музыкального исполнения является более сдержанным, в отличие от гиперсексуализированных американских вариантов. Анализируя положительные высказывания, можно увидеть, что в Mandopop отмечались простота звучания мелодий, очарование текстов, легких для пения в караоке, избегание синкопирования [7, р. 69-83].

Сегодня тайваньские творческие группы работают в направлении Global Mandopop, т.е. они делают музыкальный жанр популярным в мире в той же мере, как популярна сейчас «корейская волна» [6, р. 17].

Одна из наиболее известных групп – «Mayday», созданная в 1997 году. Они гастролировали по городам Китая, США, Японии, Малайзии, выступали в Сингапуре и Гонконге. Самой крупномасштабной шоу-программой стало выступление в 2012 году на Пекинском стадионе «Птичье гнездо», вместимостью 100000 человек [4]. По популярности треков и количеству концертов их сравнивают с корейской группой «BTS» – лидера в «корейской волне» [5].

Таким образом, К-поп и С-поп имеют разные источники возникновения. Mandopop, относящийся к китайско-

му популярному музыкальному исполнению, появился раньше, чем «корейская волна», но только сегодня догоняет К-поп по количеству фанатов во всем мире и продолжает свое развитие.

К-поп, С-поп и Мандопоп включают в себя множество стилей и жанров, тем самым являясь азиатскими медиа-феноменами. По музыкальному и вокальному исполнению они относятся к популярным жанрам. Композиции также могут исполняться в рок, рэп, джаз и др., образовывать музыкальные синтезы. Это легко запоми-

нающиеся мелодии и слова песен, в которых, кроме национального языка, используется английский. Концепт заключается в создании «идеальных» популярных образов – «idols». Главное отличие – цензура исполнения.

К основным элементам С-поп, как и других азиатских синтетических музыкальных жанров, относятся вокал и музыкально-инструментальное исполнение, различные жанры танцевального, театрального, циркового искусства. Важную роль играют декорации и костюмы, как современные, так и искусства прошлых столетий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Летина Н.Н., Логинова И.В. Idol как феномен современной корейской культуры // Верхневолжский филологический вестник. – 2017. – № 3. С. 85 – 89.
2. Тарасова Д.А. Экспорт массовой культуры как слабое звено мягкой силы Китая // Via in tempore. История. Политология. – 2019. – № 46. С. 162 – 170.
3. Титкова Н.Е. К-поп как феномен современной массовой культуры // Медицина. Социология. Философия. Серия «Прикладные исследования». – 2020. – №5. С. 56 – 61.
4. Bin-music. Сайт музыкальной группы «Mayday» на интернет платформе «Bin-music». – URL: https://www.bin-music.com.tw/artist_single/3. (In English and Chinese).
5. BTS website. Сайт музыкальной группы «BTS». – URL: <https://ibighit.com/bts>. (In English, Korean, Japanese and Chinese).
6. Jian M.J. How Taiwanese Indie Music Embraces the World Global Mandopop, East Asian DIY Networks, and the Translocal Entrepreneurial Promoters. In E. Tsai, T.-H. Ho, & M. Jian (Eds.). National Chung Cheng University, Jiayi Shi, Taiwan, 2009. P. 17. (In English).
7. Moskowitz M. Mandopop under siege: Culturally bound criticisms of Taiwan's pop music // Popular Music. – UK: Cambridge University Press, 2009. Volume 28/1. P. 69 – 83. (In English).

© Дементьев Олег Вадимович (pitera83@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

РОССИЯ - КИТАЙ: ИНТЕГРАЦИЯ РУССКОЙ ПЕВЧЕСКОЙ ШКОЛЫ В КИТАЕ

Дин Вэйсин

Аспирант, Российская государственная специализированная академия искусств
dwx20162631@qq.com

RUSSIA - CHINA: INTEGRATING THE RUSSIAN SINGING SCHOOL IN CHINA

Ding Weixing

Summary: Russian vocal art has a wide range, a beautiful, rounded and bright timbre, a long history, an ancient tradition and distinctive features, as well as a large number of world-class musicians and brilliant vocal works. The Russian vocal art, as well as the vocal arts of other countries and nationalities, has a long history, ancient tradition and distinctive features, as well as a large number of world-class musicians, and a wide range of vocal works.

Keywords: Russian Vocal School, Vocal Artists, Vocal Works.

Аннотация: Русское вокальное искусство имеет широкий диапазон, красивый, округлый и яркий тембр, долгую историю, древнюю традицию и отличительные черты, а также большое количество музыкантов мирового уровня и блестящих вокальных произведений. Русское вокальное искусство, как и вокальное искусство других стран и национальностей, имеет многовековую историю, древние традиции и самобытные черты, а также большое количество музыкантов мирового уровня и широкий спектр вокальных произведений.

Ключевые слова: русская вокальная школа, вокальные артисты, вокальные произведения.

Введение

Традиции русской певческой школы оказали значительное влияние на развитие классической музыки в Китае. Многие китайские певцы учились в российских консерваториях и были вдохновлены техникой и стилем русских вокалистов. В результате сейчас многие китайские певцы включают элементы русской певческой школы в свои выступления.

Одним из способов интеграции традиций русской школы пения в китайскую музыку является преподавание русской вокальной техники в китайских консерваториях. Многие китайские педагоги по вокалу учились в России и передают свои знания о технике русского вокала своим ученикам в Китае. Эти методы включают правильную поддержку дыхания, дикцию и резонанс, которые помогают учащимся развивать более мощный и выразительный голос [1].

Кроме того, на многих китайских певцов оказали влияние русские оперы и авторские песни. Произведения русских композиторов, таких как Чайковский, Рахманинов и Шостакович, часто исполняются в Китае, и китайские певцы глубоко оценили эмоциональную насыщенность и драматическую силу русской музыки.

В целом традиции русской певческой школы сыграли значительную роль в развитии классической музыки в Китае, и китайские певцы продолжают использовать ее приемы и стили в своих выступлениях.

Обзор исследований

Имеется незначительное количество исследований по интеграции традиций русской певческой школы в Китае. Тем не менее, стоит рассмотреть ряд ресурсов [2]:

1. «Интеграция русской певческой школы в Китае: на примере Центральной консерватории» Юйлан Ван (2017). В данной работе рассматриваются исторические предпосылки и текущая ситуация с обучением русскому вокалу в Китае с акцентом на Центральную консерваторию музыки в Пекине.
2. «Влияние русской школы пения на китайское вокальное музыкальное образование» Вэньцзин Сонг (2018). Исследуется влияние русской певческой школы на китайское вокально-музыкальное образование, включая ее историю, особенности и методы обучения.
3. «Советская культурная дипломатия в Китае: случай Московской государственной консерватории, 1949–1959» Дениз Дж. Янгблад (2004). Хотя эта глава книги не посвящена пению, она проливает свет на исторический контекст советского культурного влияния в Китае, включая музыкальное образование.
4. «Пение в русском стиле: китайские певцы в консерватории им. Римского-Корсакова» Анны Эсбери (2014). Обсуждается опыт китайских певцов, обучающихся в консерватории им. Римского-Корсакова в Санкт-Петербурге, Россия, и то, как они адаптировались к русскому певческому стилю.

В целом, эти ресурсы дают представление об истории и современном состоянии обучения русскому вокалу в Китае, а также о том, как китайские певцы адаптировались к русскому стилю пения.

Методы исследования

1. Обзор литературы. Исследование существующей литературы о русской певческой школе и ее влиянии на китайскую музыкальную индустрию. Это поможет понять исторический и культурный контекст русской певческой школы и ее влияние на Китай.
2. Сравнительный анализ. Сравнение техник, стилей и репертуара китайских музыкантов, обучавшихся в русской певческой школе, с таковыми у музыкантов, обучавшихся в других традициях. Это поможет выявить уникальные особенности русской певческой школы и ее влияние на китайскую музыкальную индустрию.

Результаты и их обсуждение

Традиции русской певческой школы оказали значительное влияние на классическое музыкальное образование и исполнение в Китае. Русская музыка и музыканты начали оказывать влияние на музыкальную сцену Китая в начале 1900-х годов, а создание Советского Союза в 1922 году привело к активизации культурных обменов между двумя странами. Это привело к созданию Центральной музыкальной консерватории в Пекине в 1950 году по образцу русских консерваторий [3].

Одним из самых заметных русских певцов, повлиявших на китайскую музыку, был бас Федор Шаляпин, посетивший Китай в 1930-х годах и выступавший перед большой аудиторией. Его уникальный стиль и вокальная техника вдохновили многих китайских певцов на карьеру в классической музыке.

Русские вокальные техники, в том числе упор на контроль дыхания, резонанс и дикцию, стали неотъемлемой частью китайского классического музыкального образования. Многие китайские певцы приезжали в Россию, чтобы учиться в Московской консерватории, а российские профессора преподавали в Центральной консерватории в Пекине.

В целом, русская школа пения сыграла значительную роль в развитии китайского классического музыкального образования и исполнительского мастерства, и ее влияние продолжает ощущаться на музыкальной сцене Китая и сегодня.

С середины XVIII века Россия была одной из первых стран, в которой появилась западная вокальная музыка.

В основном это было внедрение итальянского американского пения, и Гринька, один из основателей русской вокальной школы, тесно соединил итальянское американское пение с собственными русскими музыкальными характеристиками, языковыми тонами и эмоциональным выражением, и путем постоянной практики, исследований и усилий по совершенствованию постепенно сформировал свою собственную вокальную школу - русскую вокальную школу. Русская школа вокальной музыки.

Русское вокальное искусство проходило процесс совершенствования и улучшения наряду с западными странами, такими как Италия.

1. Русское вокальное искусство прошло через фазу, когда акцент делался на голосе, а не на эмоциях.

В конце 18-го века русские музыканты, познакомившиеся с итальянским пением, в основном копировали итальянский стиль пения, и чистое стремление к технике пения возглавило певческую эстетику того времени. В то время техника пения ставилась превыше всего, и людям не было важно, насколько эмоционально искренним и трогательным было пение певца, мог ли он спеть каждую ноту всего произведения, если он мог петь в верхнем регистре высоким, ярким, округлым и великолепным голосом, справляясь со сложными витиеватыми приемами, он обязательно заслужит аплодисменты публики. Напротив, каким бы искренним и трогательным ни было пение певца, как бы идеально он ни пел в среднем и нижнем регистрах, если в области сопрано есть хоть небольшой провал, все выступление будет провалено, а зрители даже разочарованы. Это привело к тому, что многие актеры занимаются техникой пения односторонне, не обращая внимания на выражение эмоций, тупые выражения, жесткие телесные образы, но намеренно "добавляя цветы", оторванные от содержания пения. Некоторые даже выработали привычку "добавлять цветы" к ариям и импровизировать яркие фрагменты. Эта траектория, осуждаемая последующими поколениями, привела к распространению в России итало-американского пения как техники и заложила основу для дальнейшего развития и совершенствования.

2. Русское вокальное искусство завершило трансформацию как голоса, так и эмоций.

В XVIII веке немецкий оперный композитор Глюк начал смелую реформу итальянской оперы, выступая против акцента певцов на технику вместо эмоций и их показного самовыражения на сцене, оторванного от сюжета. Они создали большое количество классических оперных произведений с красочными, великолепными и поэтическими мелодиями и широкой, естественной

и непринужденной атмосферой, которая действительно отражает уникальные характеристики итальянской школы "красивого голоса". В результате этого влияния вместе с развитием романтической оперы развивалось и русское профессиональное вокальное искусство. Помимо того, что артисты взяли за основу и исполнили большое количество западных шедевров, они также создали ряд высококачественных произведений используют богатые и плавные музыкальные мелодии и более интенсивное эмоциональное напряжение для передачи эмоций и жизни низших слоев общества, достигая сочетания голоса и эмоций. В дополнение к технике пения исполнителей, больше внимания уделяется пониманию актерами личности персонажа и их всесторонней способности владеть эмоциями вокального пения. Особо следует упомянуть знаменитого виртуоза того времени Шаляпина, который внес большой вклад в совершенствование, улучшение и совершенствование русской вокальной школы. Он стремился выработать способ пения, соответствующий его собственным особенностям, чтобы интерпретировать персонажей с определенным темпераментом. Постепенно он выработал уникальный метод сценического исполнения. Он поет с большим чувством, иногда с меланхолией, иногда с игривостью, но всегда с идеальным сочетанием интонации и драматического выражения. Он специализируется на операх русских композиторов. В его исполнении роли Мефистофеля в "Фаусте" его творческое использование плача, фальцета и ужасного смеха для изображения Мефистофеля вызвало такое восхищение зрителей и коллег, что его назвали мастером оперного пения и выдающимся артистом своего поколения [4].

По мере совершенствования певческих навыков артисты нашли метод "маскулинизации" (также известный как "отключение"), что привело к расширению диапазона голосов, особенно у сопрано, которые стали более величественными и густыми с правильным количеством грудного голоса.

Теноры, в частности, больше не довольствуются нежным чистым головным голосом или фальцетом, а развивают более полную, более мужественную манеру пения, поднимая грудной голос вверх, чтобы каждый слог звучал звонко и производил захватывающее дух художественное воздействие.

3. Художественный стиль русского вокального пения.

Хотя все они являются частью итальянско-американского вокального стиля, существуют определенные различия в зависимости от страны, языка, жанра произведения, а также темперамента и подготовки певца. Русские вокальные произведения занимают очень важное место в мире вокальной музыки и имеют высокую ху-

дожественную ценность. Большинство русских вокальных произведений мелодичны и лиричны по стилю и нравились русским и нашему народу в то время. Например, "Волжский лодочник", произведение, выражающее стойкость русского народа, несмотря на лишения и голод, имеет медленную и лирическую мелодию, глубокий и мощный тон, и силу сопротивления, скрытую в тяжелых вздохах произведения. Далее - "Вечер под Москвой" композитора Василия Соловьева-Седого, мелодия которого сочетает в себе некоторые характеристики русских городских романсов, богатых разнообразием, ярких и плавных, в минорном ключе, элегантных и ярких. Все это в полной мере отражает художественное очарование русских песен.

Нельзя игнорировать следующие художественные особенности русских песен: во-первых, в русских песнях поэтическая лирика и музыка сливаются воедино, мелодии и эмоции настолько выразительны, что мелодии кажутся глубоко трогательными. Во-вторых, песни обладают сильным национальным характером, уходя корнями в национальную народную музыку, вбирая в себя сущность западной музыки, отражая жизнь русского народа и даря людям наслаждение красотой. В-третьих, содержание произведений искренне и просто, близко к жизни, обладает твердой восходящей силой и патриотическим духом. В-четвертых, песни короткие и лаконичные, с четкой и ясной структурой, простыми ритмами, широким дыханием, повторяющимися мелодиями и небольшим количеством орнаментальных нот, легко разучиваются и запоминаются, обладают сильной народной привлекательностью [5].

Россия вырастила целый ряд вокальных исполнителей, широко популяризируя искусство вокальной музыки. Здесь представлен краткий обзор лишь нескольких исполнителей, которые внесли вклад в развитие вокального искусства в Китае, особенно в Харбине, чтобы отразить влияние русского вокального искусства на развитие вокальной музыки в Китае.

Федор Шаляпин: один из самых представительных музыкантов русской вокальной школы, известный как "мировой король песни", был удостоен звания "Народный артист" в СССР. В 1896 году он поступил в оперную труппу Мамонтова в Москве, где стал ведущим артистом, а в 1899 году перешел в Большой театр в Москве. В 1899 году он поступил в Большой театр в Москве, где попытался обобщить оригинальный метод пения сильным голосом и эмоциями, и ему это удалось. В 1913 году он отправился в Лондон петь "Бориса Годунова", где экзотическая публика была поражена виртуозностью его игры на сцене, а некоторые артисты отметили, что он был величайшим баритоном всего 20-го века с точки зрения понимания оперы и роли. В 1924 году он приехал

в Харбин и дал концерт в театре Мардье, где исполнил художественную песню "Песня волжского лодочника", "Персидскую песню любви" и арии из оперы, оставив глубокое впечатление у китайского народа [6].

Заключение

Российское вокальное искусство заимствовало традиции итальянско-американского вокала, и в процессе

своего развития прошло через начальный процесс подчеркивания техники над искусством, а голоса над эмоциями, к последующему процессу совершенствования и развития как техники, так и голоса и эмоций. Русская вокальная школа - это уникальная школа вокальной музыки, которая сформировалась путем активного внедрения лучших западных вокальных методик и органичного сочетания их с традициями и колоритом русского народа.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вэньхуэй С. Педагогическая технология развития творческого потенциала китайских студентов-вокалистов в вузе в процессе подготовки к концертной деятельности //KANT. – 2022. – №. 2 (43). – С. 331-335.
2. Ли Г. Русская хоровая культура начала XX столетия: предпосылки к сравнению хорового искусства России-Китая //Университетский научный журнал. – 2020. – №. 56. – С. 126-133.
3. Чжэньюй Л. Международная интеграция в сфере подготовки педагогических кадров. Россия и Китай: основные направления научно-педагогического сотрудничества в области музыкального образования, исторические предпосылки взаимодействия //Гуманитарное пространство. – 2021. – Т. 10. – №. 7. – С. 885-894.
4. Чжоу И. Вокальный исполнительский стиль в условиях глобализации //European Journal of Arts. – 2020. – №. 1. – С. 106-111.
5. Юдин А.П., Наньцяо Л. ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВ КАК МЕТОД ПЕДАГОГИКИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА //Человек и образование. – 2020. – №. 4 (65). – С. 75-80.
6. Юдин А.П., Наньцяо Л. ИНТЕГРАЦИЯ ИСКУССТВ КАК МЕТОД ПЕДАГОГИКИ МУЗЫКАЛЬНОГО ИСПОЛНИТЕЛЬСТВА //Человек и образование. – 2020. – №. 4 (65). – С. 75-80.

© Дин Вэйсин (dwx20162631@qq.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российская государственная специализированная академия искусств

THE RITUAL HOLIDAY "EVINEK"

**O. Pinigina
E. Sleptsova**

Summary: In the context of globalization, the appeal to the cultural heritage of the indigenous peoples of the North, as well as to the issues of preserving and transforming their traditions that preserve positive historical experience, is being actualized.

The traditional and spiritual culture of the indigenous peoples of the North is an integral part of the treasury of universal culture. The study of the traditional, spiritual culture of the peoples of the North is currently one of the priority topics of Russian ethnography.

Keywords: ritual, holiday, folk traditions, cultural heritage, script.

Обрядовый праздник «Эвине́к» относится к календарным праздникам. По масштабности относится к локальным. В его основе положено событие, которое значимо для определенной группы людей, в данном случае для эвенского народа. Жизненная сила обрядовых праздников заключена главным образом в совокупной устойчивости и повторяемости этого действия. Передавая атмосферу события, народные традиции и фольклорное действия вырабатывают определенный стереотип поведения в отношении к нему. Такую мысль высказывает Угринович: «Обряд требует жесткого стереотипа действий, неуклонного соблюдения установленного ритуала. Всякая «отсебятина» в обряде неизбежно разрушает его социальный смысл, препятствует его воздействию его участников» [5, с. 21].

Исходя из этого, разработка сценария требует научного подхода. Обряд мы восстанавливаем, основываясь на исследовательских работах, на архивных материалах. Возможно использование литературных исторических произведений. Только при таком подходе возможно сохранение смысла, хода обряда.

Описание обряда мы нашли в работах А.А. Алексева, Л.А. Хаховской [2; 6].

Ход обряда определили следующим образом:

I. Проводы старого года:

1. Обряд поклонения духам или духу огня (дух солнца);
2. «Похороны» старого года;

ОБРЯДОВЫЙ ПРАЗДНИК «ЭВИНЕК»

Пинигина Ольга Николаевна

кандидат педагогических наук, доцент, ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств»

shangri_la99@mail.ru

Слепцова Екатерина Гаврильевна

ФГБОУ ВО «Арктический государственный институт культуры и искусств»

Аннотация: В условиях глобализации актуализируется обращение к культурному наследию коренных малочисленных народов Севера, а также к вопросам сохранения и трансформации их традиций, хранящих положительный исторический опыт.

Традиционная и духовная культура коренных малочисленных народов Севера является неотъемлемой частью сокровищницы общечеловеческой культуры. Изучение традиционной, духовной культуры народов Севера на данный момент является одной из приоритетных тем российской этнографии.

Ключевые слова: обряд, праздник, народные традиции, культурное наследие, сценарий.

3. «Завязывание дэлбургэ»;
4. «Обращение к солнцу»;
5. Возвращение на среднюю землю.

II. Встреча Нового солнца – нового года;

1. Ритуал «кормления» огня;
2. Встреча нового года, солнца;
3. Круговой танец «Бээдьэ».

Определив ход обрядовой части праздника, приступаем к определению особенностей проведения ритуально-символического действия.

Тюсюлгэ – место, где будет происходить обрядовое действие, олицетворяет мировоззрение эвенов: условно разделено на средние и верхние миры, две лиственницы на тюсюлгэ символизируют ворота в небеса, а дэлбургэ, натянутая веревка между деревьями – грань между небом и средним миром. На тюсюлгэ устроены три костра – первый костер обозначает старый год, второй костер – новый, наступающий год, третий костер – воображаемое стойбище. «Дерево-гнездо» обозначает страну счастья и изобилия. Значение в обряде имеют направления света, в данном обряде все действия обращены на восток, откуда восходит солнце, начинается день.

Первая часть обряда – проводы старого года – состоит из таких частей: поклонение духу огня (дух солнца), духам гор, рек, озер, «похороны» старого года; «Завязывание дэлбургэ»; «Обращение к солнцу»; Возвращение на среднюю землю.

Обряд проводит шаман. Шаман является для народа посредником между небом и землей. Он в данном случае, прощаясь со старым новым годом, благодарит всех духов земли, кланяется духу Солнца. Перед проведением обряда, вечером проводит обряд очищения всех участников обряда – каждый должен очиститься перед обрядом, чтобы предстать чистым перед Ёвки – духу солнца и неба. Очищаются рододендромом. По понятию эвенов рододендрон очищает души людей [1, с. 30].

Далее, перешагивая через первый костер, они прощаются со старым годом, очищаются, оставляя в огне все свои невзгоды, болезни, затем делают круг против солнца за воротами. Это действие означало похороны старого года. Дух огня является посредником между людьми, божествами и духами покровителями.

Затем идет «Завязывание дэлбургэ». Дэлбургэ делает из шерстяного комка «куодьай» – священного оленя, посланника бога-творца. Завязывание дэлбургэ означало умилоствление духа солнца, неба. Каждый лоскут означает образ семьи или отдельного человека, который должен попасть в верхний мир. Считается, что проходя под дэлбургэ, человек проходит небесные врата, и попадает в верхний мир, останавливается и обращается к солнцу, с просьбой подарить счастливую жизнь. Дальше идут навстречу солнцу – принимают живительные лучи солнца в себя, затем поворачивают налево. Делают круг против солнца, оставляя в «прошлом» все плохое. Затем возвращаются на землю, шаман угощает огонь, просит духа солнца счастливой жизни. После этого переступая, через второй костер, они попадают в новый год и улетают в верхний мир, в счастливую страну, где счастье и изобилие. Улетают они, превратившись в «стерхов». Долетев до верховного божества, до счастливой страны – до солнца, берут благословение и возвращаются на землю, на оленях. И тут их ждет третий костер, воображаемое стойбище, где они начинают новую счастливую жизнь. Далее все становятся в хороводный танец «бээдьэ» – символ солнца, единства, цикличности.

Такой ход обряда определили по работам исследователей.

Создание сценария обрядового действия требует от сценариста знания и понимания существа предмета, коим является обряд как одна из форм народной культуры. В наше время следует иметь в виду определенную и порой значительную трансформацию праздника по времени и в сознании людей. Для режиссера сценарий является не просто руководством определенной последовательности праздничных и обрядовых действий, но драматургически разработанным планом.

В сценарии внесли некоторые изменения, включили обряд очищения тюзюлгэ до начала обряда. Также обряд

очищения участников, который в ранние времена проводился вечером, до обряда. Такой ход оправдан, прежде всего, новыми условиями жизни.

Таким образом, ход обряда в нашем сценарии определен так:

I. Очищение тюзюлгэ.

II. Проводы старого года:

1. Обряд поклонения духам или духу огня (дух солнца);
2. Очищение участников;
3. «Похороны» старого года;
4. «Завязывание дэлбургэ»;
5. «Обращение к солнцу»;

III. Встреча Нового солнца – нового года:

1. Ритуал «кормления» огня;
2. Встреча нового года, солнца;
3. Круговой танец «бээдьэ».

Внесение обряда очищения тюзюлгэ организует пространство, создает атмосферу, готовит участников для психологического восприятия происходящего. Внесение обряда очищения активизировало участников. Они из зрителя превратились в участников. Каждый человек в обрядовом действии должен быть участником – основное правило обрядовых действий.

Во все времена обряды являются способом передачи знаний, ценностей, идей народа. Они несут воспитательную и педагогическую программу. Воспитательная роль обрядового праздника, прежде всего – в сохранении фольклорных традиций народа, проявляя их, через воздействие на каждую личность будь это ребенок, подросток или взрослый человек. Данный обряд рассказывает новому поколению о мировоззрении народа, об их философии, учит бережному отношению к природе, воспитывает уважительное отношение к своим предкам, к своей культуре. Следование канонам традиционной культуры развивает у людей чувство собственного достоинства и национальной гордости, способствует осознанию роли своего народа в мировой цивилизации. Участники, посещая такие обрядовые праздники, должны познать новое, почувствовать важность всего происходящего, должны уйти оттуда с чувством гордости, с чувством уверенности в завтрашнем дне.

Тема обряда то, о чем мы должны рассказать каждому участнику – об единении человека с природой.

Идея: «Солнце – источник жизни».

Сверхзадача: Природа нам дает жизнь, берегите ее! Таким образом, в идейной тематике сохраняется фило-

софия народа.

Композиционное строение обряда:

Экспозиция: сбор участников, музыка, поздравительные тексты, обряд «Очищения тюзюлгэ».

Завязка: «Обряд поклонения духам огня, рек, озер».

Развитие действия: Очищение участников обряда; «Похороны старого года»; «Завязывание дэлбургэ»; «Обращение к солнцу»; «Обряд угощения огня, духа солнца»; «Вступление в новый год»; «Полет в Верхний мир» Культурная минация: Прилет в счастливую страну.

Развязка: Возвращение на среднюю землю, поиск стойбища, начало новой жизни.

Финал: Круговой танец «Бээдьэ».

Слово играет важную роль в структуре обряда. В обрядах в качестве вербальной (словесной) магии используется слово. В нашем обряде благословения. В эвенских обрядах, как нам кажется, нет того красноречия, что встречается в якутских обрядах. В образцах устного фольклора благословения очень емкие, короткие. Но, как отмечают исследователи, в большинстве случаев, эвены обращаются к духам, божествам мысленно. При написании сценария, учитывая этот момент, большую роль берет дикторский текст. Через слова диктора передавался весь смысл обряда, действий. Слова дополняли и двигали действия вперед.

Традиционная одежда, требовалось от всех участников. Это в какой-то степени стимулирует их активность. Сейчас в данный момент обряд ведется без шамана. Старейшина ведет все обряды и одевает свою традиционную одежду.

Один из важных моментов в постановке обряда – нахождение верной атмосферы. Здесь важную роль играет точно найденный характер звукового ряда. Когда в поисках музыки обратилась к Зинаиде Платоновне Никулиной, знатоку и носителю эвенской культуры, она посоветовала не использовать много музыки, основываясь на понятии, что природу не нужно тревожить. В итоге был использован только живой звук, также во время завязывания дэлбургэ, напевы в исполнении Максима Дуткина, со словами «Айике неелтэн», что означает «Слава солнцу». Напевы были специально записаны для обряда встречи солнца.

Дальнейшая работа заключалась в подготовке участников и ведущих обрядового действия: ознакомление участников с последовательностью выполнения действий в сценарии; объяснение участникам смысла всех

действий; репетиции по эпизодам; работа с ведущими; предварительное распределение всех участников на площадке; сводные репетиции; прогонные репетиции. Репетиции велись на площадках Якутского колледжа культуры и искусств им. А.Д. Макаровой и Дома дружбы народов им. А.Е. Кулаковского.

Участниками были студенты «Якутского колледжа культуры и искусств им. А.Д. Макаровой» отделения Этнохудожественное творчество, эвенкийский фольклорный ансамбль «Гиркилэн» и эвенский фольклорный ансамбль «Долгунча».

Весь обряд вела знаток эвенского фольклора, основатель эвенского фольклорного ансамбля «Долгунча» Никулина Зинаида Платоновна. Слова алгыса нашли в книге А.А. Алексеева «Забытый мир предков», но Зинаида Платоновна отказалась от готового текста.

Организационная работа заключалась в оформлении обрядового пространства: огораживали тюзюлгэ саломой, ставили одну урасу для переодевания, и две урасы, как часть оформления, устроили «небесные ворота» из двух лиственниц и дэлбургэ; приготовили хворосты для костров, у входа в тюзюлгэ разожгли дымокур из багульника.

Приготовили ритуальную пищу – сырое мясо оленины, комок «кудъай» оленя, чонку – костные мозги оленьих рогов.

В день проведения обряда выезд в местность Ус Хатын был запланирован в 18 часов вечера.

По прибытию на местность Зинаида Платоновна провела обряд очищения тюзюлгэ сама, установили аппаратуру, была проведена репетиция, где были найдены точки участников.

02:00 часов утра вместе с пробуждением природы началась подготовка к обряду. Атмосфера создается самой природой, оформленным тюзюлгэ, дымокурами и взволнованностью участников.

Звуковой ряд придавало архаичность всему происходящему, усиливал характер обряда – таинственность, сакральность.

Подготовка к главному событию начинается с психологической настройки участников. В самом начале звон бубна, звуки рогов создали нужную атмосферу. Воцарилась тишина. Начинается обряд.

Обряд прошел очень естественно, жизненно, главное достоинство, которого стало состояние участников. Все понимали смысл действий, обряда, и потому отношение

было подобающее.

В конце обряда Зинаида Платоновна произнесла три раза возглас "Айыкээ", и все присутствующие подняли руки к солнцу и повторяли за ней.

В настоящее время обряд «Эвинек» актуален в арктических районах нашей республики, где проживают эвены. А в последние годы его проводят и в городе Якутске. Но, как оказалось, в проведении этого обрядового праздника в полной мере опереться на аутентичные традиции эвенов нет возможности – не сохранилось ни одного достоверного источника, кроме книги А.А. Алексеева «Забытый мир предков», в которой описывались обряды верхоянских эвенов Якутии.

Календарные обычаи и обряды связаны с традиционным мировоззрением этноса и являются важнейшим элементом культуры каждого народа. Они отражают этническую, социально-политическую, историко-культурную жизнь народов на разных этапах развития. Обряды и праздники календарного цикла являются, безусловно, неотъемлемой частью жизни народа [2, с. 6-7].

Наша задача состоит в том, чтобы всемерно способствовать возрождению национальных традиций и обычаев, потому как только благодаря им, эвены могут сохраниться как народ. Важно не упустить крупницы народной мудрости, традиций и обычаев; сохранить, приумножить и передать будущим поколениям. Ведь дальнейшая судьба северных народов всецело зависит от возрождения и развития духовных ценностей, уходящих

невидимыми нитями вглубь седой старины.

Таким образом, мировоззрение эвенов в конечном итоге обусловлено способом производства, который в этнографической науке определяется как культурно-хозяйственный тип охотников-оленоводов.

Кочевой уклад жизни обусловил создание своеобразной системы воспитания и обучения, обеспечил гарантированную преемственность поколений и стал основой и источником неповторимой духовной культуры эвенского этноса. А сами носители этой культуры – эвены выработали особую форму поведения, гармонизировавшую с окружающей средой нравственно-этнические нормы, которые проявляются в особо бережном отношении ко всему живому и окружающей природе, как основе жизни человека на Земле.

В современных условиях обрядовый праздник встречи солнца и нового года «Эвинек» можно проводить на 2 дня, чтобы ощутить природное явление наших предков как они благословили и верили духам природы. Эти праздники нам дают понятие, чтобы сохранить наши традиции и обычаи. И популяризовать людям.

Таким образом, эвенский праздник «Эвинек» является традиционным календарно-обрядовым летним праздником у эвенов который, возродился в современном мире, поменяв, свою композиционную структуру и ждет, дальнейшего развития, изучения и распространения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев, А.А. Забытый мир предков (Очерки традиционного мировоззрения эвенов Северо-западного Верхоянья). Якутск, 1992. – 93 с.
2. Алексеева, Е.К. Традиционная культура народов Севера в современном сельском пространстве - 2011. — № 7 (30). — Т. 2. — 35-37 с.
3. Алексеева З.З. Возрождение традиционных праздников – возвращение к истокам, или трансформация культурного самосознания (на примере эвенов Якутии) // Языки, культура и будущее народов Арктики: тезисы докл. межд. конф., 17–21 июня 1993 г. – Ч. II. – Якутск, 1993. – 33с.
4. Аллаиховский улус: история, культура, фольклор. – Якутск: Изд-во «Бичик», 2005. – 304с.
5. Угринович Д.М. Обряды. За и против. М., Политиздат, 1975. – 175 с.
6. Хаховская Л.Н. Праздник «Хэбдек» и счет времени у эвенов // Исторические исследования на Севере Дальнего Востока. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 2000. - 182с.

ДИНАМИКА СМЫСЛОЖИЗНЕННЫХ ОРИЕНТАЦИЙ И МОТИВАЦИИ К ИЗМЕНЕНИЮ ПОВЕДЕНИЯ В ОТНОШЕНИИ ПСИХОАКТИВНЫХ ВЕЩЕСТВ У ПАЦИЕНТОВ МЕДИЦИНСКОЙ РЕАБИЛИТАЦИИ

Ипатова Кира Александровна

аспирант, Первый Санкт-Петербургский
государственный медицинский университет имени
академика И.П. Павлова
ipatova_k@mail.ru

DYNAMICS OF ATTITUDES AND MOTIVATIONS TO CHANGE SUBSTANCE- RELATED BEHAVIOUR IN PATIENTS IN MEDICAL REHABILITATION

K. Ipatova

Summary: The article presents the results of an empirical study of drug treatment patients at the initial stage and after medical rehabilitation. The characteristics of psycho-emotional state, semiotic orientations and motivation to change behaviour in relation to substances in patients who underwent rehabilitation in the mode of day hospital and in the conditions of outpatient visit, voluntarily and by court order were compared. Psycho-emotional state was found to be associated with motivation to change substance use behaviour and acceptance of help. The dynamics of sense-life orientations and the increase of life meaningfulness of patients were noted, the most positive changes were observed in patients who underwent medical rehabilitation in the day care hospital and by court order. No such changes were observed in patients who received medical rehabilitation on an outpatient basis.

Keywords: medical rehabilitation, psychoactive substances (PSA), judgement, motivation, attitudinal orientations.

Аннотация: В статье представлены результаты эмпирического исследования пациентов наркологического профиля на начальном этапе и после прохождения медицинской реабилитации. Сравнивались особенности психоэмоционального состояния, смысложизненных ориентаций и мотивации к изменению поведения в отношении ПАВ у пациентов, которые проходили реабилитацию в режиме дневного стационара и в условиях амбулаторного посещения, добровольно и по решению суда. Обнаружена связь психоэмоционального состояния с мотивацией к изменению поведения в отношении ПАВ и принятию помощи. Отмечается динамика смысложизненных ориентаций и повышение осмысленности жизни пациентов, наиболее положительные изменения наблюдались у пациентов, которые прошли медицинскую реабилитацию в дневном стационаре и по решению суда. У пациентов, которые прошли медицинскую реабилитацию в амбулаторном режиме таких изменений не наблюдалось.

Ключевые слова: медицинская реабилитация, психоактивные вещества (ПАВ), решение суда, мотивация, смысложизненные ориентации.

Введение

Согласно многочисленным исследованиям, в регуляции поведения потребителей ПАВ, как на стадии употребления, так и в период ремиссии, существенную роль играет мотивация [10,1], также ценностные и смысложизненные ориентации [3,7]. На первом этапе реабилитации существенное влияние оказывает состояние эмоциональной сферы, а наличие эмоциональных нарушений может препятствовать успешному прохождению и завершению реабилитации [5].

Современные исследователи уделяют внимание различным сторонам жизни потребителей ПАВ, психологическим содержанием которых, является субъективная оценка настоящего и будущего [13,6, 14], а также отношения с окружающим миром [4,11,8], которые во многом могут определять мотивацию к отказу от ПАВ.

Цель исследования – изучить динамику смысложиз-

ненных ориентаций и мотивации к изменению поведения в отношении ПАВ у пациентов, в начале и после прохождения медицинской реабилитации.

Материалы и методы исследования

В период 2020-2022 годы на базе Отделения медицинской реабилитации для лиц с наркологическими расстройствами № 1 СПб ГБУЗ «ГНБ» было проведено исследование, в котором приняло участие 120 пациентов медицинской реабилитации. 50 пациентов проходили медицинскую реабилитацию добровольно, 70 пациентов посещали реабилитацию по решению суда. Форма реабилитации – дневной стационар и амбулаторное посещение. Среди обследованных пациентов – 90 мужчин и 30 женщин. Средний возраст обследованных пациентов составил $33,67 \pm 7,64$ года.

Критерии включения: добровольное согласие на участие в исследовании; возраст старше 18 лет, длитель-

ность терапевтической ремиссии не менее 4-х недель; ежедневное участие в реабилитационной программе или посещение реабилитации в амбулаторном режиме согласно индивидуальному реабилитационному плану.

Исследование проходило в три этапа. На первом проводилось изучение медицинской документации, измерение уровня реабилитационного потенциала, обследование с применением психодиагностических методов: 1. Интегративный тест тревожности (Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В.); 2. Методика «Смысложизненные ориентации» (Д.А. Леонтьев); 3. Шкала «Готовность к изменению поведения и стремления к лечению» W.R. Miller и J.S. Tonigan (SOCRATES). На втором этапе было проведено распределение участников исследования на 2 подгруппы: Группа ДС (n=60) – пациенты, которые посещали реабилитацию в режиме дневного стационара. Группа АР (n=60) – пациенты, которые посещали реабилитацию в амбулаторном режиме. На третьем этапе, через 1 год после начала реабилитации, для оценки изменений было проведено повторное обследование с помощью психодиагностических методик, которые применялись на первом этапе исследования. Статистическая обработка материалов проводилась с использованием компьютерного пакета статистических программ SPSS Statistics ver.20.0., Microsoft Office Excel 2010. В качестве описательных характеристик количественных данных использовались среднее и стандартное отклонение (M±SD). Статистическая обработка данных производилась с помощью t-критерия Стьюдента, однофакторного дисперсионного анализа (ANOVA), для установления наличия взаимосвязи между экспериментальными данными был использован коэффициент корреляции r-Пирсона.

Результаты исследования и их обсуждение

Социально-демографические характеристики пациентов обеих групп схожи. Большинство пациентов обеих групп (63,3%) воспитывались в полных семьях. На момент обследования пациенты обеих групп чаще холосты (60 % от всей выборки), у 63,3 % пациентов детей нет. Уровень образования чаще среднее специальное или среднее полное образование (37,5% в группе пациентов «добровольно» и 25,8% в группе пациентов по решению суда). Кроме указанных характеристик, стоит отметить, что 118 пациентов имели в анамнезе судимости по уголовным статьям по ст. 228 ч.2 УК РФ (незаконное приобретение или хранение без цели сбыта наркотических средств в особо крупном размере) - 48,3 % от общей выборки пациентов. 21,7 % пациентов имели судимость по ст.228 ч.1 УК РФ (незаконные производство, сбыт или пересылка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов).

Исследование актуального психоэмоционального состояния и личностной тревожности выявило, что по-

казатели шкал находятся в диапазоне выраженных значений. Статистически значимых различий по шкалам тревоги в группах пациентов, проходящих реабилитацию добровольно и по решению суда не обнаружено. Высокий общий показатель ситуативной тревоги характеризует наличие в структуре актуального эмоционального состояния пациентов признаков уязвимости психической сферы, тревожных, астенических состояниях, нарушение психической активности в целом.

Показатели шкал личностной тревожности укладываются в диапазон от умеренно до сильно выраженных значений, что видно по результатам, представленным в таблице 1.

Таблица 1.
Средние показатели результатов по методике «Интегративный тест тревожности» шкала Личностной тревожности

Шкалы	Группа 1	Группа 2	p-значение
	добровольно n=50	по суду n=70	
	M±SD	M±SD	
Эмоциональный дискомфорт (ЛТ)	7,32±1,73	6,67±2,47	0,09
Астенический компонент (ЛТ)	6,62±2,12	5,47±2,47	0,009
Фобический компонент (ЛТ)	6,02±1,98	5,51±2,28	0,210
Тревожная оценка перспектив (ЛТ)	7,06±2,06	6,56±2,09	0,195
Социальная реакция защиты (ЛТ)	5,86±2,13	5,17±2,28	0,097
Общий показатель личностной тревожности	32,88±7,34	29,38±8,10	0,017

Были обнаружены различия в группах по шкале «Астенический компонент» личностной тревожности, средние показатели которой выше в группе пациентов, которые проходят медицинскую реабилитацию добровольно, что подтверждается уровнем статистической значимости. В группе пациентов, которые проходят медицинскую реабилитацию добровольно общий показатель личностной тревожности более выражен, чем в группе пациентов, которой судом назначено прохождение реабилитации. Выраженность личностной тревожности может нарушать психическую адаптацию пациентов и приводить к состояниям психической дезадаптации.

Схожие результаты в группах были получены в результате сравнительного анализа особенностей смысложизненных ориентаций у пациентов, которые про-

ходили медицинскую реабилитацию добровольно и по решению суда. Показатели смысловых ориентаций составляющие общую осмысленность жизни у пациентов ниже нормативных показателей, что видно из таблицы 2.

Из таблицы видно, что различий по особенностям смысловых ориентаций в группах пациентов, которые проходили медицинскую реабилитацию добровольно и по решению суда, выявлено не было. Составляющие смысла жизни личности пациентов обеих групп ниже нормативных, и это может указывать на то, что на первом этапе медицинской реабилитации пациентам характерно отсутствие сформированных целей в жизни, неудовлетворенность жизнью и проживаемым периодом жизни, слабость ресурсов преодоления проблем и трудностей, сниженная осмысленность жизни в целом.

Исследование мотивации к изменению поведения в отношении ПАВ позволило выявить некоторые особенности в группах пациентов. В таблице 3 представлены статистически значимые различия в группах пациентов по всем шкалам опросника готовности к изменению поведения в отношении ПАВ и лечению. Средние показатели по шкалам «осознание», «амбивалентность» и «действие» выше в группе пациентов, которые проходили реабилитацию добровольно.

В группе пациентов, которые проходили медицинскую реабилитацию по решению суда, на первом этапе реабилитации все компоненты мотивации имели низкие показатели, что может указывать на соответствующий низкий уровень готовности к изменениям поведения в отношении ПАВ и принятию помощи.

Изучение связи мотивации к изменению поведения в отношении ПАВ и стремления к лечению с актуальным психоэмоциональным состоянием и смысловыми ориентациями позволило выявить следующие особенности.

В группе пациентов, которые проходили медицинскую реабилитацию добровольно наблюдалась связь «осознания» с уровнем социальной фрустрированности ($r=0,351$; $p=0,012$, $n=50$) и направленностью на достижение целей в жизни ($r=0,305$; $p=0,031$, $n=50$). Готовность к «действию» связана с выраженностью социальной фрустрированности ($r=0,306$; $p=0,031$, $n=50$), эмоциональным дискомфортом ($r=0,282$; $p=0,05$, $n=50$) и тревожным ожиданием будущего ($r=0,294$; $p=0,039$, $n=50$). Анализ корреляционных связей позволил предположить, что готовность к действию в группе пациентов, которые проходят реабилитацию добровольно, связана с выраженностью социальной фрустрированности на фоне эмоционального дискомфорта и тревожного ожидания будущего в структуре актуального психоэмоционально-

го состояния.

У пациентов, которые проходили реабилитацию по решению суда, наблюдались положительные корреляционные связи слабой силы компонента мотивации «осознание» с эмоциональным дискомфортом ($r=0,251$; $p=0,036$), фобическим компонентом ($r=0,261$; $p=0,029$) и тревожной оценкой перспектив ($r=0,323$; $p=0,006$). Была обнаружена слабая корреляционная связь амбивалентности с тревожной оценкой будущего ($r=0,270$; $p=0,024$).

Наибольшее количество корреляционных связей наблюдалось по компоненту «действие». Так, были выявлены связи средней силы с тревожной оценкой перспектив в структуре ситуативной тревоги ($r=0,346$; $p=0,003$), эмоциональным дискомфортом ($r=0,360$; $p=0,002$), астеническим компонентом ($r=0,243$; $p=0,042$), фобическим компонентом ($r=0,247$; $p=0,040$), тревожной оценкой перспектив ($r=0,375$; $p=0,001$) в структуре личностной тревожности.

Анализ корреляционных связей позволил предположить, что готовность к изменению поведения в отношении ПАВ и лечению, у пациентов, которые проходят реабилитацию по суду, связана с выраженностью тревоги, и тревожного ожидания будущего в структуре актуального психоэмоционального состояния.

Результаты повторного исследования в группах пациентов после прохождения реабилитации

В таблице 4 представлены результаты, которые свидетельствуют, что показатели компонентов смысловых ориентаций в группе пациентов, которые прошли медицинскую реабилитацию в условиях дневного стационара – выше, чем в группе потребителей ПАВ, которые прошли реабилитацию в амбулаторных условиях. Кроме того, наблюдается, что в группе пациентов, которые прошли медицинскую реабилитацию по решению суда, показатели по всем шкалам существенно выше, чем в остальных группах, что подтверждается уровнем статистической значимости.

Таким образом, через 1 год после начала реабилитации смысловые ориентации и общий показатель осмысленности жизни были выше у пациентов, которые прошли медицинскую реабилитацию по направлению суда в режиме дневного стационара и амбулаторно, в сравнении с пациентами, которые прошли реабилитацию по собственному желанию. Самые низкие показатели по шкалам смысловых ориентаций, составляющих общую осмысленность жизни, были выявлены у пациентов, которые прошли реабилитацию в амбулаторном режиме добровольно.

Повторное исследование выраженности ситуатив-

Таблица 2.

Средние показатели результатов по методике «Смыслжизненные ориентации»

Шкалы методики	Группа 1 добровольно n=50	Группа 2 по суду n=70	p -значение	Нормативные по- казатели	p-значение (норма)
	M±SD	M±SD		M±SD	
Цели	29,0±6,7	29,34±7,14	0,791	32,90±5,92	0,002
Процесс	27,68±5,80	27,73±6,45	0,966	31,09±4,44	0,001
Результат	23,16±5,56	22,66±5,81	0,636	25,46±4,30	0,001
ЛК-Я	19,38±4,42	19,3±4,65	0,925	21,13±3,85	0,001
ЛК-Жизнь	26,44±5,56	25,83±7,25	0,618	30,14±5,80	0,002
Осмысленность жизни	93,86±15,20	95,17±18,49	0,681	103,10±15,03	0,001

Таблица 3.

Средние показатели результатов по шкале «Готовность к изменению поведения в отношении ПАВ и стремления к лечению»

Шкалы опросника	Группа 1 добровольно n=50	Группа 2 по суду n=70	p -значение
	M±SD	M±SD	
Осознание	35,2±20,02	25,43±17,08	0,005
Амбивалентность	53,2±19,42	41,0±18,19	0,001
Действие	56,6±22,37	42,29±22,88	0,002

Примечание: Нормативные показатели методики. Низкий (≤ 43). Выше среднего (51-55). Высокий (56-62).

Таблица 4.

Сравнительный анализ различий по методике «Смыслжизненные ориентации» у пациентов при повторном исследовании

Шкалы методики	ДС-1 n=18 (1)	ДС-2 n=28 (2)	AP-1 n=16 (3)	AP-2 n=13 (4)	p-значение
	M±SD	M±SD	M±SD	M±SD	
Цели	32,89±5,66	32,46±6,42	25,44±7,94	28,38±7,55	1-3, p=0,002
Процесс	28,83±4,47	30,32±5,21	23,88±4,50	27,77±5,18	1-3, p=0,004 2-3, p \leq 0,0001 3-4, p=0,037 4-2, p=0,0037
Результат	23,94±5,08	25,36±4,47	20,81±6,30	21,62±6,57	2-3, p=0,009 2-4, p=0,044
Локус-Я	19,78±3,76	20,75±4,57	17,31±4,93	18,77±5,24	2-3, p=0,020
Локус-Жизнь	26,28±5,62	27,43±8,49	25,00±5,86	24,77±7,22	не обнаружено
Общая осмысленность	98,44±9,91	104,29±14,27	84,88±16,69	88,7±18,79	1-3, p=0,010 2-3, p \leq 0,0001 2-4, p=0,003

Примечание: ДС-1 – пациенты, которые прошли медицинскую реабилитацию в дневном стационаре добровольно (1); ДС-2- пациенты, которые прошли медицинскую реабилитацию в дневном стационаре по решению суда (2); AP-1 – пациенты, которые прошли медицинскую реабилитацию амбулаторно добровольно (3); AP-2 - пациенты, которые прошли медицинскую реабилитацию амбулаторно по решению суда (4).

ной тревоги и личностной тревожности показало, что у пациентов, которые прошли реабилитацию в дневном стационаре по решению суда, актуальное психоэмоциональное состояние в целом стабилизируется, однако сохраняется выраженность ощущения эмоционального дискомфорта и тревожного ожидания будущего. Наблюдаются статистически значимые различия между группами пациентов по «астеническому» и «фобическому» компонентам тревожности. Астенические проявления более выражены в группе пациентов, которые прошли медицинскую реабилитацию в дневном стационаре добровольно по сравнению с пациентами, которые прошли реабилитацию по решению суда ($x_{\text{срдс-1}}=6,39\pm 1,29$, $x_{\text{срдс-2}}=4,43\pm 2,63$, $p=0,004$). В свою очередь астенический компонент тревожности менее выражен в группе пациентов, которые прошли реабилитацию в дневном стационаре по решению суда в сравнении с группой пациентов, прошедших по решению суда ($x_{\text{срдс-2}}=4,43\pm 2,63$, $x_{\text{срар-2}}=5,92\pm 2,46$, $p=0,047$) и добровольно ($x_{\text{срдс-2}}=4,43\pm 2,63$, $x_{\text{срар-1}}=6,69\pm 1,92$, $p=0,002$) в амбулаторном режиме. Различия по выраженности «фобического компонента» в структуре личностной тревожности наблюдались в группах пациентов, которые прошли амбулаторную реабилитацию по решению суда и добровольно ($x_{\text{срдс2}}=4,21\pm 2,67$, $x_{\text{срар-1}}=6,56\pm 2,12$, $p=0,004$).

Повторное исследование готовности к изменению поведения в отношении употребления ПАВ и стремления к лечению через 1 год после начала реабилитации показало, что у всех пациентов, которые прошли медицинскую реабилитацию наблюдается снижение по компонентам мотивации: «осознание», «амбивалентность» и «действие». Обращает внимание, что в группе пациентов, которые прошли реабилитацию добровольно готовность к изменению поведения в отношении ПАВ более выражена, чем в группах по решению суда, однако «осознание» остается низким во всех исследуемых группах. Выявлены статистически значимые различия в группах пациентов, которые прошли реабилитацию в дневном стационаре по решению суда и добровольно ($x_{\text{срдс-1}}=46,92\pm 17,97$, $x_{\text{срдс-2}}=30,00\pm 6,59$, $p=0,001$), амбивалентность более выражена в группе проходящих реабилитацию добро-

вольно. Статистически значимые различия по фактору «амбивалентность» были обнаружены между группами пациентов, которые прошли реабилитацию по решению суда в дневном стационаре и амбулаторно добровольно ($x_{\text{срдс-2}}=30,00\pm 6,59$, $x_{\text{срар-1}}=39,38\pm 15,26$, $p=0,037$). Наименьшие показатели по факторам «осознание» и «действие», наблюдаются в группе пациентов, которые прошли реабилитацию по решению суда в амбулаторном режиме.

Заключение

Проведенное исследование показало, что у пациентов, которые прошли медицинскую реабилитацию добровольно отмечается снижение осознания проблем, вызванных употреблением ПАВ, и готовность к изменению поведения, сохраняется выраженная амбивалентность в отношении употребления ПАВ. У пациентов, которые прошли реабилитацию по решению суда, наоборот, наблюдается повышение общей осмысленности жизни, снижается тревога, снижается амбивалентность в отношении употребления ПАВ и закрепляется установка к сохранению трезвости. У пациентов, которые прошли медицинскую реабилитацию в условиях дневного стационара, через год после начала реабилитации стабилизировалось психоэмоциональное состояние, снизилась тревога, в отличие от пациентов, которые прошли реабилитацию амбулаторно. Наиболее заметные положительные изменения наблюдались в группе пациентов, прошедших реабилитацию в условиях дневного стационара по решению суда, а наименее – при добровольном прохождении реабилитации в амбулаторных условиях. Полученные данные имеют практическое значение, так как могут способствовать выявлению мишеней для психотерапевтической работы с пациентами, мотивация которых носит вынужденный характер. Важной задачей при работе с пациентами, которые находятся на первом этапе реабилитации является стабилизация психоэмоционального состояния, поскольку, согласно проведенному исследованию, оно связано с компонентами мотивации. Особенности и динамика смысложизненных ориентаций пациентов должна учитываться при построении эффективных программ медицинской и комплексной реабилитации для пациентов наркологического профиля.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белоколов В.В., Вакнин Е.Е. Психология реабилитации зависимых: монография. – СПб., Айсинг, 2019. – 284 с.
2. Бизюк А.П., Вассерман Л.И., Иовлев Б.В. Применение интегративного теста тревожности (ИТТ): методические рекомендации. СПб.: Изд-во Психоневрологического института им. В. М. Бехтерева, 2005. – 23 с.
3. Бузина Т.С., Шаталов П.Н. Специфика ценностно-смысловой сферы наркозависимых // Психология и психотехника. – 2011. – № 7. – С. 33-45.
4. Валентик Ю.В. Психогенетическая модель личности пациента с зависимостью от психоактивных веществ // Наркология. – 2002. – Т. 1. – № 9. – С. 21-25.
5. Громыко Д.И., Илюк Р.Д. Социально-психологические и клинические факторы мотивации к лечению и отказу от потребления психоактивных веществ у наркологических больных // Диагностика и лечение психических и наркологических расстройств: современные подходы. – 2018. – С. 183-224.

6. Климанова С.Г., Трусова А.В., Березина А.А. и др. Особенности субъективного восприятия психологического времени пациентов, проходящих лечение от алкогольной и наркотической зависимостей // Вестник ЮУрГУ. Серия «Психология». 2016. Т. 9. № 4. – С. 50–63. <https://doi.org/10.14529/psy160405>
7. Карпова Э.Б., Кипнис А.В., Кузнецова Л.В. Психологические характеристики пациентов с опиоидной зависимостью в период ремиссии: экзистенциальный аспект // Обозрение психиатрии и медицинской психологии. – 2020. – № 2. – С.65–72. <https://doi.org/10.31363/2313-7053-2020-2-65-72>
8. Кулаков С.А. Руководство по реабилитации аддиктов: 4-е издание / Сергей Кулаков. — [б. м.]: Издательские решения, 2020. — 468 с.
9. Леонтьев Д.А. Тест смысложизненных ориентаций (СЖО). 2-е изд. М.: Смысл, 2000. — 18 с.
10. Мизерене Р., Мильчакова В.А., Мизерас С., Григорьев С.Г., Григорьев Г.И. К вопросу о мотивации при лечении алкоголизма // Вестник психотерапии. 2018. № 66 (71). С. 83–101.
11. Соловова Н.А., Калмыкова Е.С., Падун М.А. Личностные предикторы успешности реабилитации наркозависимых // Психологический журнал. – 2009. – Т. 30. – №. 4. – С. 73–86.
12. Сырцова А., Соколова Е.Т., Митина О.В. Адаптация опросника временной перспективы Ф. Зимбардо // Психологический журнал. 2008. Т.29. № 3. С.101-109
13. Davies, S., Filippopoulos, P. Changes in psychological time perspective during residential addiction treatment: A mixed-methods study // Journal of Groups in Addiction & Recovery. 2015.10(3). P.249–270. <https://doi.org/10.1080/1556035X.2015.1066728>
14. Froiland, J.M., Worrell, F.C., Olenchak, F.R., & Kowalski, M.J. Positive and negative time attitudes, intrinsic motivation, behavioral engagement and substance use among urban adolescents, Addiction Research & Theory. 2020. 29(4). P.347-357 <https://doi.org/10.1080/16066359.2020.1857740>

© Ипатова Кира Александровна (ipatova_k@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Первый Санкт-Петербургский государственный медицинский университет имени академика И.П. Павлова

ПРОФЕССИОНАЛЬНОЕ ВЫГОРАНИЕ СОТРУДНИКОВ ТРАНСПОРТНО-ЛОГИСТИЧЕСКОЙ КОМПАНИИ

PROFESSIONAL BURNOUT OF EMPLOYEES OF TRANSPORT AND LOGISTICS COMPANY

**A. Kozhevina
I. Shalamova**

Summary: The article presents the results of a study of professional burnout of employees of the transport and logistics company Segment LLC. The concept of professional burnout is considered. The study compared the features of professional burnout of employees of a transport and logistics company working on regular flights and working stationary in the office. Employees who work permanently in the office and employees who are on regular trips show elements of the stress phase to a greater extent. Employees who regularly work on the road are characterized by a low level of mental burnout. Employees who work stationary in the office are characterized by low and medium levels of professional burnout.

Keywords: professional burnout, personality employees of a transport and logistics company, mental burnout, emotional exhaustion.

Кожевина Анна Павловна

кандидат психологических наук, доцент, Байкальский
государственный университет, г. Иркутск
apkozhevina@mail.ru

Шаламова Ирина Сергеевна

Байкальский государственный университет (г. Иркутск)
antonovairina1996@mail.ru

Аннотация: В статье представлены результаты исследования профессионального выгорания сотрудников транспортно-логистической компании ООО «Сегмент». Рассмотрено понятие профессионального выгорания. В исследование проведено сравнение особенностей профессионального выгорания сотрудников транспортно-логистической компании, работающих на регулярных рейсах и работающих стационарно в офисе. У сотрудников, стационарно работающих в офисе и у сотрудников, находящихся на регулярных выездах в большей степени проявляются элементы фазы напряжения. Сотрудникам, регулярно работающим на выезде свойственен низкий уровень психического выгорания. Сотрудникам, работающим стационарно в офисе, свойственны низкий и средний уровень профессионального выгорания.

Ключевые слова: профессиональное выгорание, личность сотрудники транспортно-логистической компании, психическое выгорание, эмоциональное истощение.

Изменения, протекающие в социально-экономических жизнедеятельности общества, выступают катализатором к личностному и профессиональному профилю индивида, сотрудника любого предприятия независимо от юридическо-правовой формы образования и специализации деятельности. Стоит выделить тот факт, что прагматическая актуальность исследования «синдрома профессионального выгорания» в деятельности сотрудника становится понятной всякому, кто задается вопросом: «А насколько сотрудник эффективен?».

Сотрудники транспортно-логистических служб, находясь в постоянном взаимодействии с разнообразными факторами, влияющими на профессиональную деятельность, подвергаются риску как психологического (психологическая дестабилизация личности под влиянием стрессов и эмоционально-психологических перегрузок, высокий уровень ответственности за перевозимый груз, длительные периоды концентрации внимания и т.д.), так и физического (опасность для жизни и здоровья сотрудника) характера. Именно поэтому считаем актуальным провести исследование особенностей профессионального выгорания сотрудников ООО «Сегмент».

О выгорании заговорили в конце XIX века, но лишь в 1974 году, было введено понятие «burnout» — выгорание, американским психиатром Гербертом Фрейденбер-

гером, основанное на клиническом опыте. Он понимал под выгоранием общее состояние человека, его эмоциональное истощение, характеризующееся определенными симптомами. Справедливости ради, следует заметить, что термин «выгорание» упоминался несколько ранее, в 1969 году, в статье Г. Брэдли, где он описывал подобное состояние у тюремного персонала. В дальнейшем, тем не менее, именно Герберт Фрейденбергер был признан основоположником изучения профессионального выгорания. [7]

На сегодняшний день можно сказать, что профессиональное выгорание — это феномен, который был интересен и будет интересен всегда. В связи с этим исключительный интерес для нас представляет выявление причин, факторов и симптомов профессионального выгорания, чем мы и займемся в следующем параграфе нашей выпускной квалификационной работе. [6]

Многие ученые, которые глубоко изучали тему профессионального выгорания, утверждают, что именно работники коммуникативных направлений более подвержены профессиональному выгоранию.

К. Маслач говорит на эту тему так: «Деятельность этих профессионалов весьма различна, но всех их объединяет близкий контакт с людьми, который, с эмоциональной точки зрения, часто трудно поддержать продолжитель-

ное время».

Обобщая достигнутые результаты изучения феномена профессионального выгорания, российский исследователь Н.Е. Водопьянова выделяет следующие факторы риска выгорания:

1. когнитивно-эмоциональные коммуникации;
2. высокие требования к саморазвитию и повышению профессиональной компетентности;
3. высокую ответственность за выполняемое дело и других людей;
4. высокую динамичность и значительный объем профессиональных коммуникаций;
5. необходимость успешной адаптации к стремительно меняющимся профессиональным ситуациям и новым людям. [1]

Многие авторы утверждают, что профессиональному выгоранию способствуют особенности личности, либо личностные особенности, их большое количество, но все же считаем необходимым выделить основные особенности такие как, самоконтроль, склонность к тревоге-переживанию, депрессия и ригидность, являющиеся составляющими личностной структуры работника. [2, 7]

Общеизвестно, что каждый работник желает за свою работу получать справедливое вознаграждение, но бывают и такие ситуации, когда оно задерживается, либо не выплачивается вовсе и сотрудника эта ситуация заставляет серьезно переживать. Как результат — это положение может привести сотрудника к мысли, что его труд бесполезен, и работник начинает терять интерес к своей работе в целом.

Существуют разные причины возникновения профессионального выгорания, но специфические причины обойти стороной просто невозможно. Ведь проблемы карьерного роста, условий труда, это и есть профессионально выгорание, ведь люди пытаются чего-то добиться, а итог один, возникают всякого рода психологические проблемы. [4]

Профессиональное выгорание — это то состояние, которое может произойти по ряду разных симптомов. Например, есть такие эффекты, как «обезьяний» когда сотрудник пытается быть похожим на более опытного специалиста и даже пытается всякими способами раздражать ему. Также здесь может элементарно привести к выгоранию такой эффект как «стадный». Что не скажешь про «прагматичный» эффект — это симптомы, которые, по мнению сотрудника, играют какую-то пользу. Ну и, наконец, результат всего это эффект «изуверский» это уже полностью выгоревший человек, который по своей сути озлоблен на весь мир. [3, 5]

Профессионально выгорание по своей сути трудно избежать, и как факт оно просто охватывает организа-

ции и их сотрудников. Появляются такие качества как грубость, пессимизм, конфликты разного рода, индивидуальные качества при всем этом просто теряются, и сотрудники как бы становятся похожими друг на друга.

Цель исследования — выявить особенности профессионального выгорания сотрудников ООО «Сегмент».

Объект исследования — профессиональное выгорание личности.

Предмет исследования — профессиональное выгорание сотрудников ООО «Сегмент».

Гипотезой исследования стало предположение, о том, что существуют значимые различия профессионального выгорания у сотрудников, непосредственно находящихся «на выезде» (в рейсах) и тех сотрудников, которые выполняют деятельность в офисе (административный блок).

Исследование проводилось в 2022-2023 гг. В исследовании приняли участие 28 сотрудников транспортной логистической компании ООО «Сегмент». Половозрастной состав респондентов распределился следующим образом: 10 (35 %) женщин и 18 (65 %) мужчины. Возраст респондентов составил от 20 до 54 года, средний возраст составил — 36,7 лет.

Нужно отметить, что для нашего исследования сотрудники были распределены по специфике выполняемой деятельности: сотрудники, которые стационарно работают в офисе, и те, кто регулярно работает на выездах (рейсах). Таким образом, в одну группу вошли сотрудники, работающие на регулярных выездах — 16 сотрудников и 12 стационарно работающих в офисе организации.

В группу сотрудников

Исследование проводилось с помощью следующих методик:

1. Методика «Диагностики эмоционального выгорания» (Бойко В. В.).
2. Методика диагностики профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н. Е. Водопьяновой).
3. Анкета «Причины эмоционального дискомфорта» (ПЭД) (Куликов Л. В.).
4. Методика «Оценка профессионального стресса» (Опросник Вайсмана).

В ходе анализа данных по результатам методики «Диагностики эмоционального выгорания» (Бойко В.В.) были получены следующие результаты:

У сотрудников в большей степени проявляются эле-

менты фазы напряжения — как у стационарно работающих в офисе (5,97), так и у сотрудников, находящихся на регулярных выездах (5,88). Это говорит о том, что наличие напряжения служит предвестником развития и запуска механизма формирования синдрома профессионального выгорания. Тревожное напряжение включает следующие симптомы: переживание психотравмирующих обстоятельств, неудовлетворенность собой, чувство безысходности, тревога и депрессия.

Нами были также проанализированы данные внутри каждой выделяемой выборки и получены следующие результаты.

У сотрудников, стационарно работающих в офисе, наблюдается фаза напряжения: у 42 % сотрудников, работающих стационарно в офисе — фаза на стадии формирования, 34 % — сформировавшаяся стадия. Данные говорят о том, что сотрудники испытывают напряжение при выполнении трудовых обязанностей и подвержены выгоранию. В связи с этим имеет смысл дополнительно проанализировать и исследовать причины и факторы профессиональной деятельности респондентов, которые могут провоцировать рост количественных и качественных показателей по данной фазе, что в свою очередь позволит влиять на динамику.

У 22 % сотрудников сформировавшаяся стадия резистентности, которая может проявляться через осознание наличия тревожного напряжения, человек может стремиться избегать действия эмоциональных факторов с помощью ограничений эмоционального реагирования, которое может проявляться через неадекватное избирательное эмоциональное реагирование, эмоционально-нравственную дезориентацию, расширение сферы экономии эмоций и редукции профессиональных обязанностей. У большей доли сотрудников (78 %) данные проявления отсутствуют. У 44 % респондентов наблюдается фаза формирования истощения. Имеет смысл сделать дополнительную психодиагностику среди сотрудников для индивидуальной психокоррекции состояний.

У 27 % сотрудников, работающих на выезде, наблюдается сформировавшаяся фаза напряжения, у 20 % данная фаза на стадии формирования, у 53 % фаза на сформирована, на момент проведения исследования. У 27 % сотрудников имеется сформировавшаяся стадия резистентности, у 9 % данная фаза формируется и 64 % не испытывают затруднений. Истощение на фазе формирования наблюдается у 31 %, а большая доля (69 %) данная фаза отсутствует.

Данный факт позволяет понять, что для конкретной категории сотрудников помимо индивидуальной психодиагностической работы необходим комплекс коррекционных программ для стабилизации своего состояния в превентивных мерах, которые позволят не допустить

(снизить) формирование симптома выгорания.

Анализ по результатам методики диагностики профессионального «выгорания» (К. Маслач, С. Джексон, в адаптации Н.Е. Водопьяновой) позволил получить следующие данные:

Сотрудники, регулярно работающие на выезде 95 % имеют низкий уровень психического выгорания и лишь у 5 % наблюдается средний уровень это позволяет предположить, что один из факторов — специфика самой деятельности (иметь постоянно изменяющийся вид за окном, находиться в разных точках страны, регулярно испытывать разный спектр эмоций) может влиять на низкий уровень формирования психического выгорания. Сотрудники, работающие стационарно в офисе, тоже имеют низкий уровень профессионального выгорания (100 %), однако у 45 % наблюдается средний, а у 10 % — высокий уровень эмоционального истощения. Это характеризует процесс через истощение эмоциональных, физических, энергетических ресурсов профессионала, работающего с людьми и в офисе.

При этом истощение проявляется в хроническом эмоциональном и физическом утомлении, равнодушии и холодности по отношению к окружающим с признаками депрессии и раздражительности, что может отражаться как на психоэмоциональном состоянии самого сотрудника, так и окружения вокруг, влияя на результаты деятельности. У 10 % наблюдается высокий, а у 23 % средний уровень «редукции личных достижений» (профессиональной мотивации), что свидетельствует о снижении чувства компетентности в своей работе, недовольство собой, уменьшение ценности своей деятельности, негативное восприятие себя в профессиональной сфере. Регулярное возникновение чувства вины за собственные негативные проявления или чувства, снижение профессиональной и личной самооценки, появление чувства собственной несостоятельности, безразличия к работе. Снижение уровня рабочей мотивации и энтузиазма по отношению к работе альтруистического содержания. Состояние мотивационной сферы оценивается таким показателем, как продуктивность профессиональной деятельности, оптимизм и заинтересованность в работе, самооценка профессиональной компетентности и степени успешности в работе с людьми.

Компонент «деперсонализация» (личностное отдаление) у всех сотрудников (без учета специфики трудовой деятельности) находится на низком уровне у большей доли сотрудников, что говорит об отсутствии или редком проявлении специфической формы социальной дезадаптации профессионала, работающего с людьми. Практически отсутствует личностное отдаление от коллег и клиентов.

Определение уровня эмоционального дискомфорта

сотрудников и выявление наиболее значимых для них источников дискомфорта проводилось с помощью анкеты «Причины эмоционального дискомфорта» (ПЭД) (Куликов Л. В.). Обработка результатов опроса и интерпретация полученных данных включала как качественный, так и количественный анализ и позволила сравнить средние значения между различными выборками, входящими в генеральную совокупность и выделить пять доминирующих причин эмоционального дискомфорта.

Удалось установить, что независимо от рода профессиональной деятельности и степени мобильности того или иного сотрудника топ-5 базовых причин схожи и включают в себя следующие компоненты, которые прямо или опосредованно связаны с базовыми потребностями личности, потребности в безопасности себя и своих близких.

Анализируя базовые причины (см. приложение 5) можно увидеть, что внешние геополитические и экономические факторы являются одними из основных для сотрудников, что в свою очередь может провоцировать и развивать дополнительные паттерны поведения по принципу: «остаться и перетерпеть»; «взять больше смен, чтобы обеспечить семью и себя». Акцентируется внимание респондентов также и на состоянии здоровья близких, а потом свое состояние здоровья, что в свою очередь может быть стимулятором, с другой стороны, приводит к перенапряжению и долгому восстановлению сотрудника. У респондентов могут быть следующие мысли: «болеть дорого», «будет здоровье — будет все...».

Анализ результатов методики «Оценка профессионального стресса» (Опросник Вайсмана), показал, что каждая группа респондентов имеет низкий уровень профессионального стресса: сотрудники, регулярно работающие в рейсах (53 %), сотрудники, работающие стационарно в офисе (56 %). Однако имеется доля лиц, которые испытывают и средний и высокий уровень стресса в каждой группе респондентов.

Данный факт может свидетельствовать о том, что для коллектива и для конкретных сотрудников актуальны программы и инструменты, позволяющие корректировать свое психоэмоциональное состояние и отношение

к внешним и внутренним факторам мира, которые смогут влиять на уровень выгорания.

В заключении нами были взяты результаты количественных методов, используемых в исследовании и с помощью U-критерий Манна-Уитни была проведена проверка о значимости различий среди выделенных групп респондентов.

Значимые различия среди респондентов с разным родом трудовой деятельности можно наблюдать по следующим параметрам: редукция персональных достижений ($U=72,6$, $p=0,004$); уровень стресса ($U=62,5$, $p=0,002$). Что может быть интерпретировано следующим образом: сотрудники, которые регулярно находятся в рейсах, могут сталкиваться с вопросом удовлетворенности собой как личностью и как профессионалом. Что в свою очередь может влиять на оптимизм, веру в свои силы и веру в способность решать возникающие проблемы.

Уровень стресса у сотрудников, находящихся в рейсах и постоянно, работающих в офисе имеет свои особенности и проявления. Что с одной стороны может быть использовано как инструмент к более детальному изучению специфических проявлений стресса у сотрудников, а также может повлиять на методы диагностики и коррекции в дальнейшей практической деятельности.

В результате проведенного эмпирического исследования были собраны, обработаны результаты методик респондентов, которые позволили проинтерпретировать полученные данные и дали возможность проанализировать особенности профессионального выгорания сотрудников ООО «Сегмент» как среди тех сотрудников, которые стационарно работающие в офисе, так и среди сотрудников, работающих на регулярных выездах.

Таким образом, гипотеза исследования подтвердилась, а именно у сотрудников, которые выполняют деятельность в офисе (административный блок) редукция персональных достижений выше, чем у сотрудников, непосредственно находящихся «на выезде» (в рейсах); у сотрудников, непосредственно находящихся «на выезде» (в рейсах) уровень стресса выше, чем у сотрудников, которые выполняют деятельность в офисе (административный блок).

ЛИТЕРАТУРА

1. Водопьянова Н.Е. Синдром выгорания: диагностика и профилактика / Н.Е. Водопьянова, Е.С. Старченкова. – Санкт-Петербург: Питер, 2008. – 336 с. – URL: https://kingmed.info/knigi/Psichiatria/book_2930/Sindrom_vigo-raniya_diagnostika_i_profilaktika-Vodopyanova_NE_Starchenkova_ES-2008-pdf (дата обращения: 12.11.2022).
2. Демидова Е.В. Модель взаимосвязи мотивационной системы личности и организационной культуры // Baikal Research Journal. 2021. № 2. URL: <http://brj-bguerp.ru/reader/article.aspx?id=24546> (дата обращения: 16.08.2021).
3. Деревянкина, В.С. Профилактика синдрома профессионального выгорания в компании / В.С. Деревянкина // Аллея науки. – 2017. – № 16.
4. Казанцева Е.Б. Синдром эмоционального выгорания как вид профессиональной деформации личности / Е.Б. Казанцева // Наука и образование: про-

- блемы, идеи, инновации. – 2019. – № 1 (13). – С. 236.
5. Николаева Г.Н. Влияние профиля в профессиональной социальной сети на развитие карьеры специалиста / Г.Н. Николаева, В.А. Перекрестова, А.Е. Перекрестов, П.В. Фурсова. — DOI 10.17150/2500-2759.2021.31(1).60-68. — EDN GBROLO // Известия Байкальского государственного университета. — 2021. — Т. 31, № 1. — С. 60–68.
 6. Санина Л.В. Опыт оказания государственной поддержки субъектам малого и среднего предпринимательства в регионах России // Baikal Research Journal. 2014. № 3. EDN: SECXMF
 7. Умняшкина С.В. Синдром эмоционального выгорания как проблема самоактуализации личности (в сфере помогающих профессий): Дис. канд. психол. наук. – Томск. – 2001. –162 с.

© Кожевина Анна Павловна (arkozhevina@mail.ru), Шаламова Ирина Сергеевна (antonovairina1996@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ РАЗВИТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ КОМПЕТЕНЦИЙ СОТРУДНИКОВ ОВД: ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Маринченко Оксана Анатольевна

Аспирант, Северо-Западный институт управления
Российской Академии государственной службы и
народного хозяйства
marinoxana@yandex.ru

THEORETICAL BASIS FOR DEVELOPMENT OF MANAGEMENT COMPETENCIES OF ATS EMPLOYEES: INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL ASPECT

O. Marinchenko

Summary: The article is devoted to individual psychological prerequisites (personality qualities) for the development of management competencies of ATS employees. Based on the analysis of scientific literature, the author formulates the concept of managerial competencies, analyzes their types and determines the list of individual psychological qualities necessary for the head in the system of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Keywords: professional competencies, managerial competencies, competence, individual psychological prerequisites, emotional resilience, sociability, cognitive skills.

Аннотация: Статья посвящена индивидуально-психологическим предпосылкам (качествам личности) развития управленческих компетенций сотрудников ОВД. На основе анализа научной литературы автор формулирует понятие управленческих компетенций, анализирует их виды и определяет перечень индивидуально-психологических качеств, необходимых для руководителя в системе МВД России.

Ключевые слова: профессиональные компетенции, управленческие компетенции, компетентность, индивидуально-психологические предпосылки, эмоциональная устойчивость, коммуникабельность, когнитивные навыки.

Любой социальной системе свойственны такие признаки, как внутренняя структурированность и самоорганизация. Эти признаки тесно связаны с еще одной чертой социальных систем – управлением, без которого невозможно функционирование таких систем, решение возникающих перед ними социальных задач. Не является исключением в этом смысле Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД России) и входящие в его систему органы внутренних дел (далее – ОВД). Выступая в роли одного из важнейших субъектов государственного управления, МВД России одновременно с этим представляет собой отдельную социальную систему, которой свойственно и свое внутреннее управление.

Учитывая широчайший спектр стоящих перед ОВД задач, не будет преувеличением утверждение о том, что от эффективности управления внутри системы МВД России зависит реальное благополучие граждан России, защищенность их прав и свобод, общественный порядок, общественная безопасность и многое другое. Социальная система способна выполнять свою миссию лишь в том случае, если отношения, возникающие внутри этой системы, упорядочены, а сама система отвечает принципам управляемости.

Актуальность решения задач, стоящих перед ОВД, не снижается. Напротив, в условиях резкого обострения

военно-политической обстановки и вызванного этим процессом роста угроз безопасности, возрастает и роль руководителей ОВД всех возможных уровней, как субъектов социального управления. В связи с этим важно не только продолжать поиск путей совершенствования управленческой компетенции руководителей – сотрудников ОВД, но и задуматься о качестве подготовки новых управленческих кадров. Следует также учитывать, что в системе МВД России имеет место дефицит управленческих кадров. По мнению отдельных специалистов, такой дефицит носит острый характер, с чем в целом можно согласиться [1, с. 14].

Важным аспектом подготовки управленческих кадров в ОВД является развитие у руководителей и кандидатов на руководящие должности управленческих компетенций. В своей совокупности такие компетенции образуют управленческую компетентность руководителя в системе ОВД, которая, в свою очередь, охватывается содержанием еще более широкого понятия – профессиональной компетенции сотрудника ОВД.

Профессиональная компетентность понимается как интегральное свойство личности, способной к постоянному развитию и расширению внутренней системы знаний и профессиональных способностей на пути реализации своего потенциала и выполнения профессиональной деятельности с высокой продуктивностью (в

случае с руководителем – высокой продуктивностью управления) [2, с. 21]. Как отмечает А. Морита, продуктивность деятельности руководителя складывается из умения управлять людьми, эффективно организовать сотрудников, достигать рабочей цели, поддерживать благоприятный психологический климат. [3, с. 121]

В качестве управленческой компетенции, как единичного элемента профессиональной компетентности, следует понимать совокупность знаний, умений, навыков и опыта должностного лица ОВД из числа руководящего состава (либо кандидата на руководящую должность) по решению конкретной управленческой задачи. В научной литературе управленческие компетенции дифференцируют по-разному. Так, по мнению Пряхиной М.В. к числу управленческих компетенций относятся организаторская, коммуникативная компетенции, целеустремленность, аналитичность, планирование, делегирование, гибкость (адаптивность) и стрессоустойчивость [4, с.166].

Макарова М.Е. предлагает несколько иной перечень управленческих компетенций:

- владение различными стилями руководства;
- способность грамотно расставлять кадры и создавать материальнотехнические условия для личного состава;
- способность обучать и курировать развитие личного состава;
- способность эффективно ставить цели и организовывать их достижение;
- способность прозрачно и комплексно организовывать служебную деятельность в подразделении;
- способность анализировать и решать проблемы служебной деятельности;
- способность стратегически мыслить и прогнозировать результаты служебной деятельности [5, с. 206].

Одной из наиболее гибких в отношении применения специфики любой профессиональной деятельности является модель профессиональной компетентности В.Н. Софьиной. Данная модель включает семь интегративных компонентов: дифференциально-психологическая, социально-психологическая, аутопсихологическая, акмеологическая, управленческая, специальная и информационно-технологическая, состоящих из набора соответствующих элементов (конкретных профессиональных компетенций) [6, с. 120].

Рассуждая об индивидуально-психологических предпосылках развития управленческих компетенций, необходимо отметить, что их наличие должно устанавливаться еще на стадии рассмотрения конкретного кандидата на руководящую должность в ОВД. Установлению

и оценке подлежат такие качества личности, как стрессоустойчивость, организованность, коммуникативность и коммуникабельность. Кроме того, потенциальный руководитель, безусловно, должен обладать способностями к познанию, прогнозированию, планированию.

Социальное управление предполагает также наличие эмоционально-волевых качеств личности, как важнейшей предпосылки развития управленческих компетенций сотрудников ОВД. Руководитель в ОВД должен уметь формировать необходимый эмоциональный настрой у подчиненных, воздействовать не только на рациональную сторону их сознания, но и при необходимости – на морально-волевою.

Нет сомнений в том, что перечисленные индивидуально-психологические предпосылки формирования управленческих компетенций развиты у сотрудников ОВД в разной степени. В.Ф. Спиридонов утверждает, что развитая компетентность во «внутреннем» плане (то есть с индивидуально-психологической точки зрения) связана с большим количеством разнопорядковых и разнонаправленных последствий, в значительной степени изменяющих психику ее носителя. При этом сама компетентность обеспечивается системой индивидуально-психологических качеств. Характеризуя такую систему, автор указывает на наличие в ней следующих свойств:

- открытый характер (возможностью бесконечного развития);
- гибкость, взаимозаменяемость состава, позволяющая одни и те же профессиональные действия эффективно реализовывать посредством разного психологического материала;
- комплексное строение (объединение воедино эмоциональных, мотивационных и когнитивных (познавательных) структур;
- наличие непосредственно действенных и обсуждаемых структур;
- наличие бытийной составляющей, существование в реальном пространстве и времени и обязательная включенность в реальную жизнедеятельность своего носителя [7, с. 30].

Таким образом, управленческая компетентность сотрудника представляет собой совокупность управленческих компетенций – знаний, умений, навыков и опыта, необходимых для эффективного решения конкретных управленческих задач и в целом управления социальной системой. Управленческие компетенции — это способности по управлению подчиненными (постановке задач, мотивированию, профилактике нарушений дисциплины и др.), планированию и прогнозированию, распределению рабочего времени.

В связи с этим руководитель в ОВД (кандидат на руководящую должность) должен обладать достаточны-

ми индивидуально-психологическими предпосылками формирования управленческих компетенций сотрудника ОВД, в том числе эмоциональной устойчивостью, коммуникабельностью, когнитивными навыками, а также харизмой и лидерскими качествами. Повышение управ-

ленческой компетентности сотрудников ОВД, в том числе за счет тренинга и совершенствования индивидуально-психологических качеств, является фактором, прямо влияющим на эффективность государственного управления в сфере внутренних дел.

ЛИТЕРАТУРА

1. Возженикова О.С. Проблемы совершенствования управленческой компетентности руководителей органов внутренних дел (психологический аспект): учебно-методическое пособие. Тюмень, 2015.
2. Татур Ю.Г. Компетентность в структуре модели качества подготовки специалиста // Высшее образование сегодня. – 2004. – № 3. – С. 21-26.
3. Кузьмина Н.В. Акмеология качества профессиональной деятельности специалиста: монография / Н.В. Кузьмина, С.Д. Пожарский, Л.Е. Паутова. – СПб: Евразийский открытый институт. – 2008. С. 165.
4. Пряхина М.В. Компетентностный подход к анализу деятельности руководителей ОВД / М.В. Пряхина // Актуальные проблемы психологии правоохранительной деятельности: концепции, подходы, технологии (Васильевские чтения - 2021): Материалы международной научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 16 апреля 2021 года. – Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2021. – С. 655-659.
5. Макарова М.Е. Модель профессиональной компетентности руководителя органов внутренних дел // Вестник Ленинградского государственного университета им. А.С. Пушкина. 2021. № 2. С. 206-207.
6. Софьина В.Н. Акмеологическая концепция развития профессиональной компетентности студентов в системе учебно-научно-профессиональной интеграции: моногр. – СПб.: Сев.-Зап. ин-т упр. – РАНХиГ. – 2015. – 180 с
7. Спиридонов В.Ф. Психологический анализ феномена компетентности // Исследования обучения и развития в контексте культурноисторического подхода: сб. науч. ст. М., 2002. 56 с.

© Маринченко Оксана Анатольевна (marinoxana@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Северо-Западный институт управления
Российской Академии государственной службы и народного хозяйства

ПСИХОТЕХНОЛОГИИ ОБНАРУЖЕНИЯ ПОДМЕНЫ ЦЕННОСТЕЙ

Минаев Михаил Георгиевич

Российский государственный социальный университет
glavhorek@yandex.ru

PSYCHOTECHNOLOGIES FOR DETECTING SUBSTITUTION OF VALUES

M. Minaev

Summary: This article explores various psychotechnologies for detecting the substitution of values. The author begins by introducing the concept of values and the potential negative consequences of value substitution. The article then discusses four psychotechnologies that can be used to detect value substitution: the Implicit Association Test (IAT), Cognitive Dissonance Theory, Value Clarification Exercises, and Self-Reflection. The author describes the materials and methods used to explore each psychotechnology, including IAT testing, analysis of Cognitive Dissonance Theory literature, completion of Value Clarification Exercise worksheets, and engagement in Self-Reflection prompts. The article concludes by summarizing the findings of the study and emphasizing the importance of detecting and addressing value substitution. Overall, this article provides valuable insights into the detection of value substitution and offers practical psychotechnologies that can promote self-awareness and personal growth.

Keywords: psychotechnologies, implicit association test (IAT), cognitive dissonance theory, self-reflection, personal values, self-awareness, personal growth.

Аннотация: В этой статье исследуются различные психотехнологии для выявления подмены ценностей. Автор начинает с введения понятия ценностей и потенциальных негативных последствий подмены ценностей. Затем в статье обсуждаются четыре психотехнологии, которые могут быть использованы для выявления подмены ценностей: тест на имплицитную ассоциацию (IAT), теория когнитивного диссонанса, упражнения по прояснению ценностей и саморефлексия. Автор описывает материалы и методы, используемые для изучения каждой психотехнологии, включая тестирование IAT, анализ литературы по теории когнитивного диссонанса, заполнение рабочих листов с упражнениями по разъяснению ценностей и участие в подсказках по саморефлексии. Статья завершается обобщением результатов исследования и подчеркиванием важности выявления и устранения подмены ценностей. В целом, эта статья дает ценную информацию о выявлении подмены ценностей и предлагает практические психотехнологии, которые могут способствовать самосознанию и личностному росту.

Ключевые слова: психотехнологии, тест на неявную ассоциацию (IAT), теория когнитивного диссонанса, саморефлексия, личные ценности, самосознание, личностный рост.

Введение

Ценности являются неотъемлемой частью нашей жизни и направляют нас при принятии решений, которые соответствуют нашим убеждениям и целям. Однако иногда люди могут подменять свои заявленные ценности противоречивыми, что может привести к внутренним конфликтам, снижению самосознания и даже проблемам с психическим здоровьем. Таким образом, выявление подмены ценностей имеет важное значение для людей, стремящихся жить подлинной и полноценной жизнью.

В этой статье будут рассмотрены различные психотехнологии для выявления подмены ценностей. Будет рассмотрен тест на неявные ассоциации и теорию когнитивного диссонанса, которые могут помочь определить, когда люди подменяют свои заявленные ценности противоречивыми. Также будут описаны упражнения по прояснению ценностей и саморефлексии, которые могут помочь людям лучше осознать свои личные ценности и избежать подмены ценностей.

Цель этого исследования - дать всестороннее представление о выявлении подмены ценностей и психо-

технологиях, которые могут быть использованы для облегчения этого. Предполагается, что благодаря использованию этих психотехнологий люди могут стать более самосознательными и вести более полноценную жизнь в соответствии со своими личными ценностями.

Статья начинается с изучения теста на имплицитную ассоциацию и теории когнитивного диссонанса и их приложений для выявления подмены значений. Затем можно перейти к изучению упражнений по прояснению ценностей и саморефлексии, а также к тому, как эти техники могут способствовать самосознанию и личностному росту. Наконец, в заключение будут обобщены результаты этого исследования и важность выявления и устранения подмены ценностей.

Методика

Материалы и методы являются важным компонентом любого исследования, и эта статья не является исключением. В этом разделе описаны материалы и методы, используемые для изучения психотехнологий выявления подмены ценностей.

Материалы: литература по психотехнологиям вы-

явления подмены ценностей; исследования, в которых использовался тест на неявные ассоциации (IAT), теория когнитивного диссонанса, упражнения по прояснению ценностей или саморефлексия для выявления подмены ценностей; вторичные источники, такие как книги, журналы и онлайн-ресурсы, которые дают представление об обнаружении подмены ценностей.

Методы: систематический обзор литературы по психотехнологиям выявления подмены ценностей; тематический анализ рецензируемой литературы; критическая оценка эффективности различных психотехнологий в выявлении подмены ценностей; сравнение сильных и слабых сторон каждой психотехнологии; выявление пробелов в литературе и потенциальных направлений будущих исследований.

Подводя итог, можно сказать, что обзор на тему психотехнологий для выявления подмены ценностей были бы сосредоточены на рассмотренной литературе и используемой теоретической базе. Используемые материалы будут включать различные исследования и вторичные источники, а методы будут включать систематический обзор, тематический анализ, критическую оценку, сравнение и выявление пробелов в литературе.

Обсуждение

Подмена ценностей относится к замене своих первоначальных ценностей конфликтующими или несовместимыми, что приводит к когнитивному диссонансу и негативным результатам. Например, человек может ценить честность, но в ситуации, когда говорить правду может привести к негативным последствиям, он может заменить эту ценность ценностью, которая ставит во главу угла самосохранение.

Психотехнологии для выявления подмены ценностей — это методы или инструменты, которые используются для выявления случаев, когда индивиды подменили свои первоначальные ценности конфликтующими или несовместимыми. Эти психотехнологии включают тест на имплицитные ассоциации, теорию когнитивного диссонанса, упражнения по прояснению ценностей и саморефлексию [20].

Тест на неявные ассоциации (IAT) — это показатель неявных установок и убеждений, о которых люди могут не желать или неспособны сообщать. Он измеряет силу ассоциаций между концепциями и оценками или стереотипами. IAT использовался для обнаружения подмены значений путем оценки силы связи между исходным значением и конфликтующим значением [5].

Теория когнитивного диссонанса утверждает, что люди испытывают психологический дискомфорт, когда

их убеждения или поведение несовместимы с их ценностями. Следовательно, измеряя уровень когнитивного диссонанса, испытываемого отдельными людьми, можно обнаружить подмену ценностей.

Упражнение по разъяснению ценностей включает в себя оказание помощи людям в определении их основных ценностей и разъяснении их важности. Поступая таким образом, люди могут лучше осознавать свои ценности и с меньшей вероятностью заменять их несовместимыми [7].

Саморефлексия предполагает, что нужно потратить время на то, чтобы поразмыслить над своими действиями и лежащими в их основе ценностями. Делая это, люди могут идентифицировать случаи, когда они, возможно, заменили свои первоначальные значения конфликтующими.

В целом, эти психотехнологии могут быть использованы для того, чтобы помочь людям лучше осознать свои ценности и выявить случаи, когда они, возможно, заменили их противоречивыми. Они находят применение в различных условиях, включая рабочее место и терапию [13].

Тест неявных ассоциаций (IAT) — это психометрический тест, который измеряет силу автоматических ассоциаций, возникающих у людей между ментальными представлениями об объектах (например, чернокожих людях) и оценочными концепциями (например, "хорошо" или "плохо") [6]. IAT основан на идее о том, что у отдельных лиц могут быть скрытые предубеждения или установки, о которых они могут не знать или не иметь возможности точно сообщить.

IAT обычно включает в себя компьютерное задание, которое требует от участников как можно быстрее и точнее классифицировать стимулы (например, слова или изображения) по двум категориям. Например, участники могут попросить классифицировать слова как "хорошие" или "плохие", а изображения людей — как "черные" или "белые". Тест измеряет время реакции и точность ответов участников и позволяет оценить силу их автоматических ассоциаций между категориями [14].

IAT использовался для обнаружения подмены значений путем оценки силы связи между исходным значением и конфликтующим значением. Например, IAT можно использовать для измерения силы ассоциаций между честностью (первоначальной ценностью) и самосохранением (конфликтующей ценностью) у отдельных людей [10].

Хотя IAT подвергался критике за его надежность и валидность, он остается популярным инструментом для

оценки неявных установок и предубеждений. Он использовался в различных областях, включая исследование социальных установок и стереотипов, обучение разнообразию и клиническую психологию [3].

Теория когнитивного диссонанса — это теория социальной психологии, которая объясняет, как люди испытывают психологический дискомфорт, когда они придерживаются двух или более противоречивых когнитивных установок (например, убеждений, установок или ценностей) или когда их убеждения или поведение несовместимы друг с другом [15]. Теория предполагает, что люди стремятся уменьшить этот дискомфорт, изменяя свои убеждения или поведение, чтобы восстановить последовательность.

Согласно теории когнитивного диссонанса, люди испытывают когнитивный диссонанс, когда их поведение вступает в противоречие с их убеждениями или ценностями. Например, если человек ценит честность, но говорит неправду, он может испытывать когнитивный диссонанс [18]. Чтобы уменьшить этот дискомфорт, люди могут изменить свои убеждения или поведение, чтобы они стали согласованными друг с другом. В приведенном выше примере индивид может изменить свое убеждение о важности честности, чтобы уменьшить дискомфорт, вызванный несоответствием между его ценностями и поведением [21].

Теория когнитивного диссонанса использовалась для выявления подмены ценностей путем оценки уровня когнитивного диссонанса, испытываемого индивидами. Например, если индивид выражает какую-то ценность, но совершает поведение, противоречащее этой ценности, теория предсказывает, что индивид будет испытывать когнитивный диссонанс. Степень дискомфорта, испытываемого индивидом, может быть измерена для оценки вероятности подмены ценностей [11].

Теория когнитивного диссонанса находит применение в различных областях, включая рекламу, образование и терапию. В рекламе эта теория используется для понимания того, как люди разрешают конфликты между своим отношением и поведением по отношению к товарам или услугам [16]. В образовании теория используется для поощрения критического мышления и содействия обучению путем создания ситуаций, провоцирующих когнитивный диссонанс. В терапии эта теория используется для того, чтобы помочь людям разрешить конфликты между их убеждениями и поведением и способствовать позитивным изменениям [17].

Упражнение по прояснению ценностей — это техника, используемая в консультировании и личностном развитии, чтобы помочь людям определить и прояснить свои личные ценности. Упражнение включает в себя

структурированный процесс самоанализа, самоисследования и рефлексии, направленный на выявление ценностей, которые наиболее важны для личности [1].

Упражнение по разяснению ценности обычно включает в себя несколько этапов, включая [19]:

- мозговой штурм: это включает в себя составление списка ценностей, которые человек считает важными. Эти ценности могут быть связаны с различными сферами жизни, такими как семья, карьера, взаимоотношения, духовность и личностный рост;
- определение приоритетов: затем пользователь ранжирует значения в списке в порядке важности, причем наиболее важное значение находится сверху;
- рефлексия: Индивид размышляет о каждой ценности, задавая себе такие вопросы, как "Что эта ценность значит для меня?" и "Как эта ценность влияет на мою жизнь?";
- переоценка: затем человек просматривает свой список и размышляет о том, живут ли они в соответствии со своими ценностями и могут ли какие-либо из их ценностей противоречить друг другу или нуждаться в переоценке.

Упражнение по разяснению ценностей использовалось для выявления подмены ценностей, помогая людям лучше осознавать свои ценности и с меньшей вероятностью заменять их противоречивыми. Проясняя свои ценности, люди могут принимать более обоснованные решения и вести более полноценную жизнь в соответствии со своими личными ценностями [9].

Упражнение по разяснению ценностей находит применение в различных областях, включая консультирование, коучинг и личностное развитие. Он часто используется, чтобы помочь людям, которые испытывают трудности с принятием решений, постановкой целей и жизненными переменами [8].

Саморефлексия — это процесс самоанализа, который включает в себя изучение собственных мыслей, чувств и поведения с целью получения информации о себе. Процесс саморефлексии часто включает в себя оглядывание на прошлый опыт и оценку собственных убеждений, ценностей и действий.

Саморефлексия может быть использована для выявления подмены ценностей, помогая людям лучше осознавать свои убеждения, ценности и поведение, а также то, как они могут влиять на принятие ими решений. Занимаясь саморефлексией, люди могут выявить любые расхождения между их заявленными ценностями и их фактическим поведением и предпринять шаги для их согласования [4].

Саморефлексия может принимать множество различных форм, включая ведение дневника, медитацию, практики осознанности и беседу с надежным другом или консультантом. Это включает в себя поиск времени, чтобы сделать паузу и проанализировать свои собственные мысли и чувства без осуждения или критики.

Саморефлексия имеет много преимуществ, в том числе:

- повышенное самосознание: исследуя свои собственные мысли, чувства и поведение, люди могут получить более глубокое понимание самих себя и своих мотиваций.
- улучшенное принятие решений: становясь более осведомленными о своих собственных ценностях и убеждениях, люди могут принимать более обоснованные решения, соответствующие их личным ценностям.
- усиленный личностный рост: занимаясь саморефлексией, люди могут определить области для личностного роста и предпринять шаги по самосовершенствованию [2].

Саморефлексия находит применение во многих различных сферах жизни, включая личностное развитие, образование и профессиональный рост. Он часто используется в консультировании и терапии, чтобы помочь людям исследовать свои собственные убеждения, ценности и модели поведения, а также способствовать позитивным изменениям [12].

Заключение. В заключение следует отметить, что выявление подмены ценностей - сложный процесс, требующий глубокого понимания человеческого поведения и психологии. Психотехнологии, такие как тест на имплицитные ассоциации и теория когнитивного диссонанса, могут быть использованы для выявления случаев, когда люди подменяют свои заявленные ценности противоре-

чивыми. Упражнения по прояснению ценностей и саморефлексия также являются эффективными инструментами, помогающими людям лучше осознавать свои личные ценности и избегать их подмены.

Выявляя и устраняя подмену ценностей, люди могут принимать более обоснованные решения и жить более полноценной жизнью в соответствии со своими личными ценностями. Эти психотехнологии и упражнения находят применение в различных областях, включая консультирование, образование и личностное развитие, и могут помочь людям стать более самосознательными и способствовать позитивным изменениям в себе и своих сообществах.

Важно отметить, что выявление подмены ценностей должно осуществляться непредвзято и с состраданием. Цель состоит не в том, чтобы пристыдить или критиковать людей за их поведение, а в том, чтобы помочь им лучше осознать свои ценности и то, как они могут привести свои действия в соответствие с этими ценностями. Кроме того, важно признать, что ценности могут меняться с течением времени, и людям, возможно, потребуется регулярно заниматься саморефлексией и упражнениями по разъяснению ценностей, чтобы убедиться, что они по-прежнему живут в соответствии со своими текущими ценностями.

В мире, где общество постоянно подвергается давлению, которые могут бросить вызов нашим личным ценностям, выявление и устранение подмены ценностей имеет важное значение для того, чтобы вести полноценную и подлинную жизнь. Используя психотехнологии и упражнения, способствующие самосознанию и личностному росту, люди могут лучше ориентироваться в сложностях современной жизни и жить в согласии со своим истинным "я".

ЛИТЕРАТУРА

1. Bariyyah K., Riza J.K., Pambudi P.R. Value Clarification Technique In Enhancing Forgiveness // Abjadia: International Journal of Education. – 2019. – 4(1). – P. 1–12.
2. Belobrov A. Theories on Self-Reflection in Education // Conference: IAFOR ACE. – 2018. – P. 1-6.
3. Casad B. Using the Implicit Association Test as an Unconsciousness Raising Tool in Psychology [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://www.academia.edu/33510876/Using_the_Implicit_Association_Test_as_an_Unconsciousness_Raising_Tool_in_Psychology (дата обращения: 25.03.2023)
4. Chang B. Reflection in Learning // Online Learning. – 2019. – 23(1). – P. 95-110.
5. Chequer S., Quinn M.G. More Error than Attitude in Implicit Association Tests (IATs), a CFA-MTMM analysis of measurement error // PsyArXiv. – 2021. – P. 1-27.
6. Chequer S.R. Evaluating the Construct Validity of Implicit Association Tests using Confirmatory Factor Analytic Models. – School of Psychology University of Tasmania, Australia, 2014. – 359 p.
7. Epifania O.M., Anselmi P., Robusto E. Implicit Social Cognition Through the Years: The Implicit Association Test at Age 21 // Psychology of Consciousness: Theory, Research, and Practice. – 2021. – P. 1-18.
8. Fagerlin A., Pignone M., Abhyankar P., Col N. Clarifying values: An updated review // BMC Medical Informatics and Decision Making. – 2013. – P. 1-7.
9. Goetz D. The Effects of an Academic Values Clarification Exercise on Academic Performance of College Students. – Western Michigan University: Honors Theses, 2014. – 46 p.

10. Greenwald, A.G., Brendl, M., Cai, H., Cvencek, D., Dovidio, J., Friese, M., . . . Wiers, R. Best research practices for using the Implicit Association Test // Behavior Research Methods. – 2021. – P. 1-20.
11. Harmon-Jones E., Mills J. An Introduction to Cognitive Dissonance Theory and an Overview of Current Perspectives on the Theory // American Psychological Association. – 2019. – P. 1-22.
12. Klimova B. Self-reflection in the Course Evaluation // Procedia - Social and Behavioral Sciences. – 2014. – P. 119–123.
13. Kurdi B., Ratliff K.A., Cunningham W.A. Can the Implicit Association Test Serve as a Valid Measure of Automatic Cognition? A Response to Schimmack // Perspectives on Psychological Science. – 2020. – P. 1-13.
14. Lynott D., Kansal H., Connell L., O'Brien K. Modelling the IAT: Implicit Association Test Reflects Shallow Linguistic Environment and not Deep Personal Attitudes // University of Manchester. – 2012. – P. 1-6.
15. Mcleod S. What Is Cognitive Dissonance? Definition And Examples [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://simplypsychology.org/cognitive-dissonance.html> (дата обращения: 25.03.2023)
16. Miller M., Clark J.D., Jehle A. Cognitive Dissonance Theory (Festinger) // The Blackwell Encyclopedia of Sociology. – 2015. – P. 1-5.
17. Moles B. Leon Festinger's Theory of Cognitive Dissonance // Networked Knowledge: Festinger 'Cognitive Dissonance'. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://netk.net.au/Psychology/Psychology8.pdf> (дата обращения: 25.03.2023)
18. Montecinos S.C. New perspectives on cognitive dissonance theory. – Doctoral Thesis in Psychology at Stockholm University, Sweden, 2020. – 77 p.
19. Selva J. Values Clarification in CBT and Beyond: 18+ Examples & Tools [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://positivepsychology.com/values-clarification/> (дата обращения: 25.03.2023)
20. Steffens M.C., Buchner A. Implicit Association Test: Separating Transsituationally Stable and Variable Components of Attitudes [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://resources.lmu.edu/dei/initiativesprograms/implicitbiasinitiative/whatisimplicitbias/testyourimplicitbias-implicitassociationtestiat/> (дата обращения: 25.03.2023)
21. Yahya A.H., Sukmayadi V. A Review of Cognitive Dissonance Theory and Its Relevance to Current Social Issues // MIMBAR Jurnal Sosial dan Pembangunan. – 2020. – P. 480-488.

© Минаев Михаил Георгиевич (glavhorek@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Российский государственный социальный университет

ПРИЧИНЫ ПРОИЗВОДСТВЕННОГО ТРАВМАТИЗМА В КОНТЕКСТЕ ПСИХОЛОГИИ ТРУДА

CAUSES OF INDUSTRIAL INJURIES IN THE CONTEXT OF LABOR PSYCHOLOGY

M. Stolbov

Summary: Today, people have to evaluate the effectiveness of the functioning of equipment, the work of personnel, make a forecast regarding the operation of devices in the future; analyze the relationship of these aspects with different components of production. Scientific and technological development contributes to the fact that people automate the production process, using specialized equipment for this. Intellectual activity prevails over physical. This leads to a significant burden on the psyche of the individual. The paper studies the psychological prerequisites for the emergence of dangerous situations, industrial injuries; methods of countering these problems.

Keywords: causes, occupational injuries, aspects, labor psychology.

Столбов Максим Михайлович

аспирант, ФГБОУ ВО «Государственный университет
просвещения»;
генеральный директор, ООО «Лидер»
m.stolbov@yandex.ru

Аннотация: Сегодня людям приходится оценивать результативность функционирования оборудования, труда персонала, делать прогноз относительно эксплуатации устройств в перспективе; анализировать взаимосвязь данных аспектов с разными компонентами производства. Научно-технологическое развитие способствует тому, что люди автоматизируют производственный процесс, используя для этого специализированную технику. Интеллектуальная деятельность превалирует над физической. Это приводит к весомой нагрузке на психику индивида. В работе изучаются психологические предпосылки появления опасных ситуаций, производственных травм; методики противодействия названным проблемам.

Ключевые слова: причины, производственный травматизм, аспекты, психология труда.

В текущий период можно выделить ряд направленных анализов в контексте изучения вопроса обеспечения трудовой безопасности в организации. Первая направленность аккумулирует исследования, в которых выявляются предпосылки инцидентов, ошибок, анализируется изменение во времени комплекса характеристик функций, качеств индивида, прямым либо косвенным образом обуславливающих выполнение деятельности; нахождение методик оптимизации его функционального состояния. Другая направленность предполагает сравнение текущих общегосударственных либо организационных норм, которые регулируют условия обеспечения трудовой безопасности, с комплексным оцениванием текущей деятельности учреждения, корректировкой найденных отклонений согласно обозначенным регламентам. В рамках эргономического анализа важно принимать в рассмотрение каждый из названных векторов для общего мониторинга исследуемых аспектов в целях достижения специфики оптимизации рабочих условий [5].

Сегодня люди каждый день реализуют деятельность в разрезе оценивания результативности работы персонала, применяемой техники, устройств; надежности взаимодействия разных компонентов системы производства. В рамках воздействия НТП предполагается, что механизм производства продукции базируется на умственном труде индивида. Данный фактор способствует тому, что интеллектуальная деятельность главенствует над физическим трудом, что приводит к возрастанию

психологической нагрузки. На уровень жизнедеятельности организма, его способность трудиться воздействуют на регулярной основе нервно-психические перегрузки. На них же влияет производственная работа сотрудника.

Психические аспекты при этом обусловлены организацией деятельности: независимость в вопросе согласования вердиктов, возможность влияния на общую трудовую обстановку; возможность влияния на методики реализации деятельности, временной период осуществления работы, иные аспекты. Коммуникация сотрудников в рамках производственной работы; согласование документация, отражающей иерархию, состав предприятия, полномочия персонала, – оба этих аспекта приводят к психическому стрессу. Такие проблемы могут приводить к тому, что сотрудниками нарушаются регламенты безопасности, применения СИЗ. Нарушается общий инструктор предпрятия. Данный фактор можно назвать предпосылкой появления чрезвычайных ситуаций.

Статистические сведения свидетельствуют о том, что больше пятидесяти процентов производственных аварийных ситуаций обусловлены человеческим аспектом. Ведь сегодня наблюдается диверсификация рабочих полномочий в ряде ситуаций [4]. Среди главных причин, ведущих к возрастанию числа производственных травм, специалисты упоминают эволюционное развитие человечества. Модернизация трудового инструментария ведет к весомому антропологическому воздействию. Если физиологические возможности древних людей позволя-

ли сопротивляться опасностям, возникавшим в рамках их труда, то в текущий период с появляющимися сложностями трудно совладать.

Необходимо еще выделить, что производственное совершенствование в контексте вопроса создания нового оборудования для предприятий способствует снижению возможных рисков производственных опасностей. При изготовлении средств защиты в соответствии с уровнем угрозы для персонала также согласуется специализированный алгоритм работы. Однако на предприятиях не всегда успевают подготовиться ко всем рискам. Сегодня большое количество исследователей полагает, что общие итоги негативного воздействия чрезвычайных ситуаций, угроз, к которым они приводят, возрастают в процессе технологического развития. Цена каждого недочета довольно высока [1]. Это должно учитываться руководящим составом предприятий.

Иной важный вопрос – привыкание к комфорту. У людей из-за этого уменьшается уровень адаптации к разным возникающим угрозам. В рамках применения современных устройств человек зачастую не принимает в расчет их вероятное вредное физическое, химическое, биологическое, механическое влияние на население, среду обитания. Чрезвычайно важно соблюдать нормы использования техники.

Другим аспектом является то, что обозначенные предпосылки травм на производстве, ЧС ведут к специфике возрастания показателя опасности труда, увеличения количества несчастных случаев на предприятиях. Помимо комплексных причин, выделяют индивидуальные аспекты, лежащие в плоскости психологии. Они влияют на то, что работники преднамеренно нарушают трудовой регламент (такие ситуации именуют «человеческим аспектом»). Рассматривается поведение индивида, а также взаимосвязь его индивидуальных характеристик с реализуемой лицом деятельностью. Анализ характерных черт конкретного человека, принимая в расчет его специализацию, можно свести к исследованию характеристик в качестве общих действий, проявляющихся под влиянием определенных мотивов, ценностных ориентаций, общих потребностей. При этом ставится цель, заключающаяся в разрешении определенных значимых для индивида вопросов.

В рамках труда персонала, согласно специализации, стрессовые ситуации могут наблюдаться в контексте влияния фактора динамичности событий; из-за того, что работникам нужно быстро принимать решения, поддерживать высокий ритм работы. Среди аспектов, воздействующих на производственный травматизм в подобном контексте, следует отметить отсутствие полноты получаемых сведений (либо, наоборот, избыточность данных);

чрезмерную рабочую нагрузку, отсутствие детерминированных требований; воздействие рисков в процессе проработки вердиктов [4].

Предпосылки появления производственных травм, чрезвычайных происшествий в разрезе влияния человеческого аспекта распределяют по 3 уровням [2]:

1. Уровень микросоциума. Несоблюдение нормативно-правовых актов по охране труда, безопасности на производстве; недостаточная организация рабочих мест и оборудования; конфликты в коллективе.
2. Уровень конкретного индивида. Пример - несоблюдение личной безопасности, профессиональной этики, психологические особенности и так далее.
3. Уровень социума. Воздействие профессиональных угроз, отраслевые проблемные аспекты коммуникации, координации; региональные проблемные аспекты.

Различные личностные характеристики, обстоятельства извне, рабочие условия на производстве – каждый из этих аспектов можно назвать базисом формирования психологических предпосылок в ситуации, когда преднамеренно не принимаются в расчет нормы безопасности труда.

Регулярная модернизация технологического оборудования, применяемого в разных сферах жизнедеятельности, предусматривает все большее влияние аспектов внешней среды.

Информация о масштабе влияния вредоносных производственных аспектов на индивида, внешнюю среду в динамике говорит о регулярном возрастании общего количества травм сотрудников, профзаболеваний, аварийных ситуаций. Таким образом, без учета обозначенных факторов трудно составить план будущего производственного развития, план экономического совершенствования государства. Развитие научно-технологических возможностей предусматривает повышенные требования в аспекте безопасности.

При выявлении психологических причин, которые увеличивают риск получения травм на производстве, можно выделить такие аспекты [3]:

1. Недостаточную мотивацию. Она может предусматривать временный, регулярный характер. Работники, которые не видят ценности в соблюдении правил, могут игнорировать средства защиты, применять оборудование неправильно. Возможно несоблюдение правил, инструктажа безопасности. Временные аспекты – проблемы с дисциплиной (пример – употребление алкоголя); переутомление и так далее.

2. Отсутствие знаний в области работы. Сотрудники, которые не знают, как правильно использовать оборудование, могут по ошибке получить травму, повредить оборудование либо вызвать аварию на производстве.
3. Проблемы в процессе реализации своих полномочий. Пример – проблемы с дисциплиной на рабочем месте, физические особенности (могут, к примеру возникать ситуации, когда физические характеристики сотрудника не соответствуют размерам применяемого на производстве оборудования).

В рамках выделения обозначенных причин специалистами появляется возможность проработки профилактической деятельности, позволяющей предотвратить травмы сотрудников, чрезвычайные происшествия. При проблемах с мотивацией важен индивидуальный подход к каждому работнику. Организуются мероприятия для того, чтобы сплотить сотрудников. Менеджеры производственных отделов производят деятельность для улучшения навыков персонала. На предприятиях также организуют регулярные медобследования. Могут вводиться финансовые методики стимулирования сотрудников в целях достижения эффективности их работы.

Важный аспект увеличения результативности труда, уменьшения общего числа производственных травм – сплочение сотрудников.

Среди востребованных общественно-психологических методик улучшения микроклимата среди работников можно выделить:

1. тренинги, мозговой штурм; общее исследование производственных сложностей;
2. социальные мероприятия, который можно назвать среди методик, используемых для укрепления взаимоотношений между участниками коллектива, они могут включать в себя различные активности, такие как праздники, корпоративные мероприятия, спортивные мероприятия и т.д.
3. организацию фотосессий, видеосъемок.

Обозначенная деятельность может предлагаться для объединения группы людей и создания единства в коллективе. Названные выше методики дают возможность повысить эффективность работы коллектива; разрешать внутриорганизационные конфликты; создать единство в коллективе для возможности решать общие задачи; выявлять навыки персонала. Когда люди работают вместе, они учатся доверять друг другу, учитывать мнение, идеи иных людей, решать проблемы совместно.

В целях снизить общее число травм на производстве, важна физическая, психологическая подготовка персонала для улучшения показателей работы. Имеет значение наличие нужных компетенций в контексте общей специализации сотрудника, соответствия принятым регламентам безопасности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ахтулова Л.Н. Влияние динамического воздействия на человека-оператора транспортно-технологической машины / Л.Н. Ахтулова, Л.А. Иванова // Проблемы динамики и прочности исполнительных механизмов и машин: тез. докл. III Междунар. науч. конф., 10–16 сентября / АГТУ. Астрахань. 2007. С. 105–106.
2. Иванова Л.А. Безопасность жизнедеятельности в обеспечении качества производства / Л.Н. Ахтулова, Л.А. Иванова // Проблемы оценки и мотивации улучшения качества работы предприятий: межвуз. темат. сб. науч. тр. / ОмГУПС. Омск. 2011. С. 51–54.
3. Потенба А.Н., Троцкий О.В., Москалёв Н.В., Дзюба Р.С. Психологические причины возникновения опасных ситуаций и производственных травм // Colloquium-journal. 2020. №23 (75).
4. Зильберман А.С. Причины возникновения травм и чрезвычайных ситуаций на производстве, обусловленные личностным фактором / А.С. Зильберман // Молодой ученый. 2021. № 7 (349). С. 184–186.
5. Чернышева О.Н., Заварцева М.М. Актуальные проблемы и новые направления эргономической оценки условий труда и причин травматизма и ошибочных действий в автомобилестроении // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. 2019. №1.

© Столбов Максим Михайлович (m.stolbov@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ СТУДЕНТОВ, ЗАНИМАЮЩИХСЯ ПЛАВАНИЕМ В БАССЕЙНЕ ПРИ СПБГМТУ ВО ВЗАИМОСВЯЗИ С ИХ СПОРТИВНОЙ РЕЗУЛЬТАТИВНОСТЬЮ

INDIVIDUAL PSYCHOLOGICAL CHARACTERISTICS OF STUDENTS ENGAGED IN SWIMMING IN THE POOL AT SPBGMTU IN RELATION TO THEIR ATHLETIC PERFORMANCE

**A. Chursina
E. Stankevichute**

Summary: At the present stage of the development of sports scientific thought, one of the urgent problems is the study of sports activity and the factors that ensure its success. The need to develop a comprehensive technology for assessing the individual psychological characteristics of athletes, determining the capabilities and dynamics of their activities, sports improvement is one of the little-developed topics in psychological science. The scientific novelty of the study consists in the fact that the features of temperament, mono-stability and athletic success of students engaged in swimming in the pool at SPBGMTU are considered for the first time as an independent research problem in this direction. The theoretical significance of the study lies in the fact that its results contribute to the theory of a comprehensive approach to studying a person as an athlete; the understanding of the relationship between the individual psychological characteristics of university students and the success of their sports activities is substantiated; the results of theoretical and practical research complement the modern ideas of sports psychology about the possibilities of individualization of psychological selection, forecasting and training of athletes. Based on the materials of the methodology for the test K. Jung. The following main conclusions were obtained by Jung: more successful novice swimmers are prone to extroversion. They are easy to communicate, there is a tendency to lead, they like to be the center of attention, they are contactable, impulsive, quick to learn, they are determined to win at competitions. Introverts are less successful, they have little contact, are silent, hardly make new acquaintances, are not set up to win, hardly master new exercises, because of high anxiety, they hardly agree to participate in competitions. According to the method for monotonicity, it was revealed that a high degree of monotony tolerance is inherent in introverts and ambiverts and an average level of monotony tolerance in extroverts. Indicators of emotional state in introverts are more manageable, more stable than in extroverts. This was proved in the process of testing for monotou stability. The study of the individual psychological characteristics of the personality of an athlete-swimmer, manifested in the process of training and competitive activities, will allow predicting the degree of success of classes in the chosen sport with a certain probability. The proposed recommendations for the trainer - teacher will contribute to the optimization of the training process in connection with taking into account the age, individual and

Чурсина Анастасия Валентиновна

*Преподаватель, Санкт-Петербургский государственный
морской технический университет
nastichkaru@mail.ru*

Станкевичуте Евгения Павловна

*Преподаватель, Санкт-Петербургский государственный
морской технический университет
stankeviciutejevgenija@gmail.com*

Аннотация: На современном этапе развития спортивной научной мысли, одной из актуальных проблем является изучение спортивной деятельности и факторов, обеспечивающих ее успешность. Необходимость разработки комплексной технологии оценивания индивидуально-психологических особенностей спортсменов, определения возможностей и динамики их деятельности, спортивного совершенствования является одной из малоразработанных в психологической науке тематик. Научная новизна исследования состоит в том, что особенности темперамента, моноустойчивости и спортивной успешности студентов, занимающихся плаванием в бассейне при СПбГМТУ впервые рассматриваются как самостоятельная исследовательская проблема в данном направлении. Теоретическая значимость исследования заключается в том, что его результаты осуществляют вклад в теорию комплексного подхода изучения человека как спортсмена; обосновывается понимание взаимосвязи между индивидуально-психологическими особенностями учащихся ВУЗа и успешностью их спортивной деятельности; результаты теоретико-практического исследования дополняют современные представления спортивной психологии о возможностях индивидуализации психологического отбора, прогнозирования и подготовки спортсменов. По материалам проведения методики по тесту К. Юнга были получены следующие основные выводы: более успешные начинающие спортсмены-пловцы склонны к экстраверсии. Они легки в общении, присутствует тенденция к лидерству, они любят быть в центре внимания, контактны, импульсивны, быстро обучаемы, на соревнованиях настроены на победу. Менее успешны интроверты, они мало контактны, молчаливы, с трудом заводят новые знакомства, не настроены на выигрывать, с трудом осваивают новые упражнения, из-за высокой тревожности с трудом соглашаются на участие в соревнованиях. По методике на моноустойчивость выявилось, что высокая степень переносимости монотонности присуща интровертам и амбивертам и средний уровень переносимости монотонности у экстравертов. Показатели эмоционального состояния у интровертов более управляемая, более стабильная, чем у экстравертов. Это было доказано в процессе тестирования на моноустойчивость. Изучение индивидуально-психологических особенностей личности спортсмена-пловца, проявляющихся в процессе тренировочной и соревновательной деятельности позволит с определенной вероятностью прогнозировать степень успешности занятий в выбранном виде спорта. Предложенные рекомендации для тренера - преподавателя будут способствовать оптимизации учебно-тренировочного процесса в связи с учетом возрастных, индивидуально-личностных особенностей спортсменов-пловцов и учетом результативности

personal characteristics of athletes-swimmers and taking into account the effectiveness of their training and competitive activities.

Keywords: monotonicity, swimming, students, individual psychological characteristics.

На современном этапе развития спортивной научной мысли, одной из актуальных проблем является изучение спортивной деятельности и факторов, обеспечивающих ее успешность. Необходимость разработки комплексной технологии оценивания индивидуально-психологических особенностей спортсменов, определения возможностей и динамики их деятельности, спортивного совершенствования является одной из малоразработанных в психологической науке тематик [5]. Опыт спортивной деятельности показывает, что в спорте себя может проявить только тот спортсмен, психологические качества и свойства которого соответствуют требованиям самой спортивной деятельности и специфике избранного вида [6]. Достижение значимых результатов в учебно-тренировочной деятельности пловца зависит не только от уровня физической и технической подготовленности, но и от обладания определенной совокупностью индивидуально-психологических качеств [3,4]. Обладать способностью быть готовым целенаправленно добиваться высоких спортивных результатов, уметь справляться с соревновательным напряжением и предстартовым волнением [1]. А для этого необходимо знать, а значит исследовать, какие именно черты личности являются характерными для данного вида спорта и способствуют наибольшему успеху [7]. Изучение основных свойств личности спортсмена позволит с определенной точностью прогнозировать успешность занятий плаванием [2]. На этапе учебно-тренировочного процесса проводилось определение текущего состояния занимающихся, уровня у них отдельных физических качеств, состояния организма с помощью контрольных упражнений на выявление ловкости, выносливости, силовых возможностей, гибкости (в плавании имеется ввиду подвижность суставов). Тестирование проводилось для определения уровня подготовленности занимающихся за время проведения педагогического эксперимента. На протяжении одного плавательного сезона был проведен следующий педагогический эксперимент: взяв наблюдение за командой, имеющую в начале эксперимента одинаковую физическую подготовку, в процессе тренировочной работы были внесены изменения и на основании этого был построен рабочий план, изменив некоторые пункты касающиеся развития общей и специальной выносливости. Первым этапом эксперимента было следующее. Как известно из теории и практики современной спортивной тренировки в целях контроля за

их тренировочной и соревновательной деятельности.

Ключевые слова: монотонность, плавание, студенты, индивидуально-психологические особенности.

результативностью и эффективностью тренировок необходимо два раза в год проверять физическую подготовленность спортсменов по тестам. Это и было решено сделать. В исследовании приняли участие 11 человек: 4 девушки и 7 юношей. К началу эксперимента все ребята имели разный уровень физического развития, который измерялся с помощью антропометрических измерений. Измерялась длина тела (рост), вес, окружность грудной клетки. Посещаемость занятий отмечалась в журнале проведения эксперимента. Напряженность занятий - 2 раза в неделю в течении 1 семестра. Продолжительность занятия 1,5 часа. Перед началом и завершением эксперимента были проведены контрольные испытания. В начале эксперимента было проведено исследование физической подготовленности занимающихся, уровня развития физических качеств, двигательной подготовленности. Результаты представлены в таблице 1. Для этого применялись следующие контрольные упражнения:

- челночный бег 3*10 м. - тест на определение ловкости и выносливости;
- сгибание, разгибание рук в упоре лежа (15 раз);
- прыжок в длину с места- способ оценки скоростно-силовых качеств;
- упражнение «мельница» - поочередное вращение руками вперед и назад, одновременное вращение руками вперед и назад. Таким образом измерялся показатель подвижности в плечевых суставах;
- тест на гибкость Е.П. Васильева («Выкрут рук с гимнастической палкой назад»)
- имитация стартового прыжка по команде - способ оценки быстроты реакции;
- подтягивание на перекладине (по возможности) — показатель силовых возможностей разгибателей верхних конечностей;
- прыжки на скакалке (1 мин);
- приседание;
- отжимание.

А также необходимо было выполнить несколько подготовительных упражнений по методике Л.Ф. Еришневой: задержка дыхания (на вдохе), погружение с открытыми глазами, всплытие, лежание на воде, скольжение на груди, скольжение на спине. Таким образом для того, чтобы выявить физическую подготовленность, влияющую на результативность, нами были проведены антропометрические измерения, определен уровень

Таблица 1.

Результаты физической подготовленности.

Участник №	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
Челночный бег 3*10м(сек)	11,3	9,9	9,7	9,8	9,7	10,4	10,3	9,1	10,2	10,8	9,9
Прыжок в длину с места (см)	100	132	142	106	130	113	123	112	109	122	105
подтягивание на перекладине	4 (из виса лежа)	2	-	-	1	1	1	-	-	-	12 (из виса лежа)
Приседание (раз в мин)	20	40	38	36	42	36	38	40	34	37	25
Отжимание от пола	5	10			15	5	7	6			10
Прыжки на скакалке (раз в мин)	-	80	80	75	90	50	70	70	60	80	-
Тест на гибкость Е.П. Васильева(см)	78	67	54	55	63	67	72	60	53	57	75

Таблица 2.

Результаты контрольных испытаний в середине плавательного сезона.

Участник №	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
25 м кроль на спине(сек)	1мин 09 сек	27,8	29,02	39,4	25,9	38,3	30,1	42,4	43,6	31,8	1мин 03 сек
400 м ноги кроль на груди с доской (мин)	19,04	11,1	8,37	8,05	8,54	10,85	11,94	8,66	9,12	12,26	17,7

Таблица 3.

Результаты контрольных испытаний в конце плавательного сезона.

Участник №	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11
25 м кроль на груди(сек)	1мин02сек	31,8	30,3	38,8	29,1	38,5	29,9	41,3	42,7	30,6	1мин.01 сек
400 м кроль на спине(мин)	18,4	10,02	8,02	7,12	8,12	9,54	11,09	8,16	8,48	11,52	16,09

Таблица 4.

Показатели физической подготовленности участников исследования с различным уровнем устойчивости к монотонии.

Тесты	Группа №1 (высокая монотонустойчивость)	Группа №2 средняя монотонустойчивость)
Челночный бег 3*10м(сек)	29,1	31,9
Плавание 25 м (сек) кроль на спине	125,4	89,7
Плавание 400 м (ноги кроль на груди с доской) мин	25,87	35,3
Тест на гибкость по методике Е.П. Васильева (см)	49,3	65,3

Тесты	Группа №1 (высокая монотонустойчивость)	Группа №2 средняя монотонустойчивость)
Челночный бег 3*10м(сек)	29,1	31,9
Плавание 25 м (сек) кроль на спине	125,4	89,7
Плавание 400 м (ноги кроль на груди с доской) мин	25,87	35,3
Тест на гибкость по методике Е.П. Васильева (см)	49,3	65,3

Процент корреляции составил 0,937339

развития физических качеств, двигательной подготовленности и проведено тестирование по методике Л.Ф. Еримеевой. В ходе тестирования были выявлены следующие физические недостатки: раскоординированность почти у всех (90%), слабая физическая подготовка (72%),

недостаточная ловкость (72 %), низкая выносливость (90%), недостаточно развитая гибкость (62%) недостаточное внимание (40%). С целью определения более успешных спортсменов- пловцов в середине и в конце плавательного сезона были проведены контрольные ис-

пытания, на которых участники показали свои результаты. Результаты представлены в таблице 2 и 3.

В тесте «Челночный бег», отражающем уровень скоростной выносливости, участники первой группы превосходят пловцов второй группы, имея результат 29,1 сек против 31,9 сек. В тесте «Плавание 400 м. (ноги кроль на груди с доской)», отражающем уровень общей выносливости, участники первой группы значительно превосходят спортсменов из группы № 2: 25, 87 мин и 35,3 мин. В тесте на гибкость Е.П. Васильева спортсмены первой группы достоверно превосходят спортсменов из группы № 2: 49,3 и 65,3. Данное контрольное упражнение выполняется в течение нескольких секунд. Однако высокий уровень гибкости является важным фактором в достижении высокого спортивного результата, и поэтому в ходе тренировочного процесса спортсмены многократно выполняют упражнения для развития данного физического качества.

Применяемые в ходе выполнения работы тесты и методики:

1. Психологический тест К. Юнга. Опросник по К.Юнгу – психологический тест предназначен для определения типа личности, к которому человек принадлежит. Использование именно этого опросника доказало возможность разделения пловцов на интровертов и экстравертов, тем самым появилась возможность выделить их отличия в формах и способах достижения спортивных результатов.
2. Тест на монотонустойчивость под редакцией А.Э. Петросяна. Данный тест позволил выделить спортсменов, которые достигали спортивных успехов

более медленным темпом – монотопилы, чем спортсмены монотопобы (которые избегают такого рода деятельность), но зато у монотопилы достижения более стабильные и прогнозируемые.

Результат педагогического эксперимента

По результатам опросника К. Юнга группа занимающихся была распределена по характерным особенностям: экстраверсия, интроверсия и амбиверсия. (Рис 1.)

По результатам теста, было выявлено, что группа состоит из 4 экстравертов, 4 амбивертов и 3 интровертов.

Определение характерологических аспектов по тесту К. Юнга показывает, что более успешные начинающие пловцы склонны к экстраверсии. Они легки в общении, присутствует тенденция к лидерству, они любят быть в центре внимания, контактные, импульсивны, быстро обучаемы, на соревнованиях настроены на победу. В тоже время быстро устают от монотонности учебного - тренировочного процесса. Остальным занимающимся свойственна амбиверсия и интроверсия. Они мало контактные, молчаливы, с трудом заводят новые знакомства, не настроены на выигрыш, с трудом осваивают новые упражнения, из-за высокой тревожности с трудом соглашаются на участие в соревнованиях. В то же время очень исполнительны, трудолюбивы, добросовестны, устойчивы к однообразию тренировочного процесса и готовы подолгу выполнять одно и тоже задание. Выводом по проведенному исследованию по выявлению степени проявления экстравертированности или интровертированности явилось следующее: для разработки упражнений с целью успешного обучения и для повышения

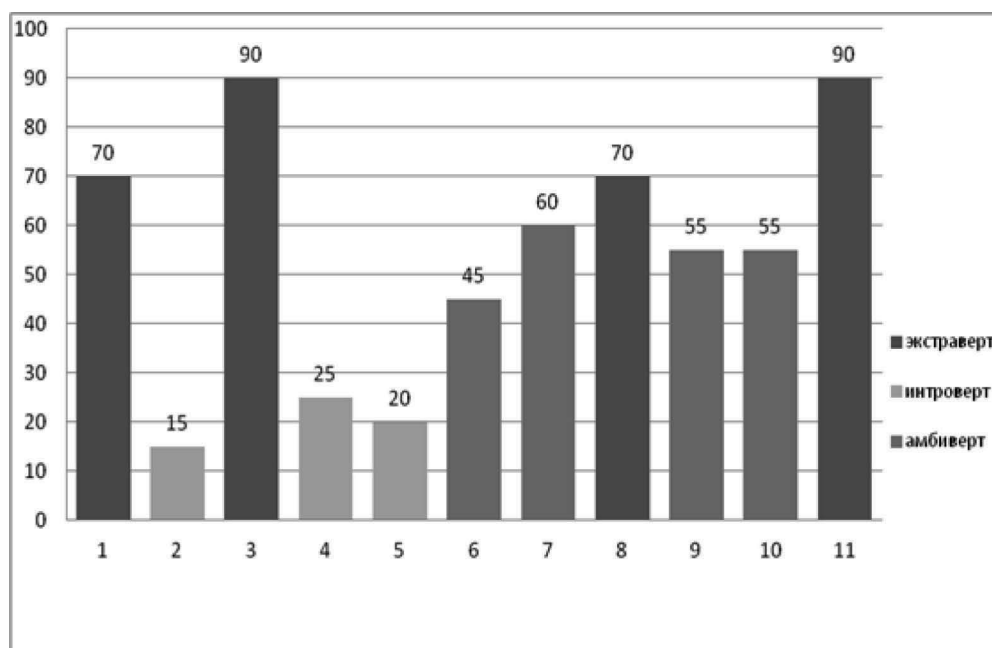

Рис. 1. Результаты по тесту К. Юнга

обучения, необходимо учитывать имеющиеся индивидуально-психологические особенности занимающихся, необходимо также включить полученные эмпирические знания в разрабатываемые упражнения для успешного обучения и высокой результативности. (Рис. 2.)

Сумма баллов по всем 7 шкалам у экстравертов - 17, 75 балла (показатель низкой моноустойчивости)

Сумма баллов у амбивертов - 21,25 балла (18 – 23 балла характеризуют моноустойчивость, как превышающую средний уровень).

Сумма баллов у интровертов - 28,3 балла (23 балла и более – показатель высокой моноустойчивости личности).

По данным результатам видно, что по шкале сензитивности к монотонному фактору т.е. высокая степень переносимости монотонности присуще интровертам и амбивертам и низкий уровень переносимости монотонности у экстравертов.

- Показатели эмоционального состояния у интровертов выше, чем у экстравертов.
- Преобладание высокого эмоционального состояния служит показателем большей моноустойчивости. Это говорит о том, что тренировочный

процесс у интровертов вызывает положительные эмоции, а у экстравертов может вызвать раздражительность от процесса работы, появиться к ней отвращение.

- По шкале потребности в деятельностном разнообразии у экстравертов есть высокая потребность в разнообразии тренировочного процесса. Монотонная деятельность на тренировочных занятиях может привести к отрицательному состоянию - психическому пресыщению.
- По шкале личностной мотивации позволяет получить выводы о том, что интровертов больше привлекает однотипная работа, что позволяет им показать многие их достоинства.

Целью наших исследований являлось определение взаимосвязи между индивидуально – психологическими особенностями и результативной успешностью студентов, занимающихся плаванием.

Выводы:

1. Наиболее быстрые спортивные результаты среди студентов (занимающихся плаванием 1,5 года) достигают экстраверты.
2. Наиболее способные преодолевать моноустойчивость в плавании являются интроверты.

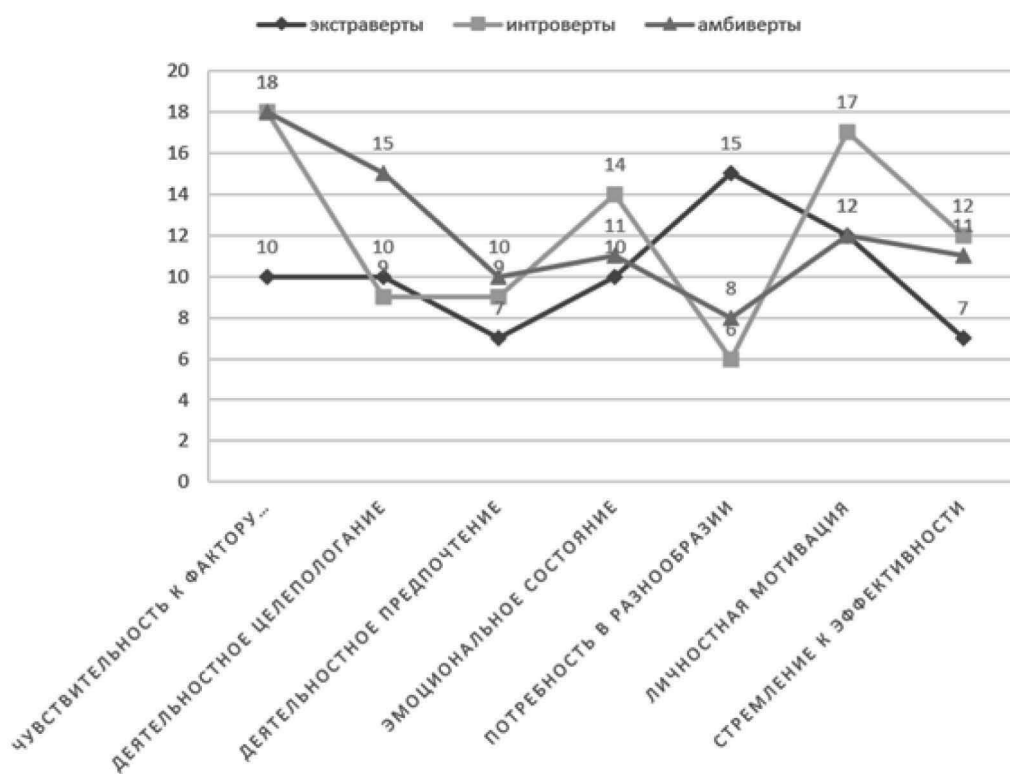

Рис. 2. Результаты теста на моноустойчивость под редакцией А.Э. Петросяна

Рекомендации:

Для борьбы с монотонией можно использовать следующие приемы:

1. объединение чрезмерно простых и монотонных упражнений в более сложные и разнообразные по содержанию;
2. периодическую смену действий, выполняемых каждым спортсменом, совмещение действий;
3. периодические изменения ритма выполняемых заданий и введение дополнительных перерывов;
4. введение посторонних раздражителей (функциональная музыка);
5. усиление мотивации и обратной связи о результатах труда;
6. самомотивация;
7. применение упражнений из смежных видов спорта.

ЛИТЕРАТУРА

1. Барышникова, А.К. Влияние стрессоустойчивости на эффективность профессиональной деятельности пловцов различной квалификации // Проблемы внедрения результатов инновационных разработок: сборник статей Международной научно-практической конференции. — 2018. — С. 150-153.
2. Булатова, Я.И. Соотношение индивидуально-психологических характеристик и успешности спортсменов / Я.И. Булатова, И.А. Юров // Молодежь — науке-VII. Актуальные проблемы туризма, спорта и бизнеса: материалы Всероссийской научно-практической конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. — 2016. — С. 218-221.
3. Драндров, Г.Л. Развитие личностных и социально-психологических свойств юных пловцов // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И.Я. Яковлева. — 2009. — № 3-4. — С. 107-113.
4. Драндров, Г.Л. Экспериментальное исследование развития мотивационно-волевой сферы личности юных пловцов // Г.Л. Драндров, Д.А. Драндров // Актуальные проблемы физической культуры и спорта: материалы V международной научно-практической конференции. — 2015. — С. 517-520.
5. Иванникова, Т.В. Формирование значимых для спорта свойств личности юных пловцов на этапе начальной подготовки / Т.В. Иванникова, А. Семешкина // Человек, здоровье, физическая культура и спорт в современном мире: региональный сборник научно-методических материалов. — 2016. — С. 35-38.
6. Огородова, Т.В. Психология спорта: учеб. пособие / Т.В. Огородова; Яросл. гос. ун-т им. П.Г. Демидова. - Ярославль: ЯрГУ, 2013. - С. -31.
7. Яцук, В. Роль личностного компонента в структуре психологической подготовки пловцов / С.В. Яцук, Н.В. Мамылина // Экологическая безопасность, здоровье и образование: Сборник научных трудов X Всероссийской (очно-заочной) научно-практической конференции молодых ученых, аспирантов и студентов. — 2017. — С. 386-389.

© Чурсина Анастасия Валентиновна (nastichkaru@mail.ru), Станкевичуте Евгения Павловна (stankeviciutejevgenija@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ТРЕВОГИ О ЗДОРОВЬЕ И ДЕПРЕССИВНЫХ СОСТОЯНИЙ: ОСОБЕННОСТИ ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНЫХ ЗАЩИТ

Шевеленкова Татьяна Дмитриевна

кандидат психологических наук, доцент, Российский
государственный гуманитарный университет
shevelenkova@gmail.com

EXISTENTIAL ASPECTS OF HEALTH ANXIETY AND DEPRESSIVE CONDITIONS: FEATURES OF EXISTENTIAL DEFENSES

T. Shevelenkova

Summary: The purpose of the study is to determine the features of existential problems, as well as the severity of existential defenses in young people with pronounced anxiety about health and with depressive states compared with the conditional norm group. The pilot study involved 48 people aged 18 to 23: 16 people classified as a conditional psychological norm (control group); 16 people who are in a depressed state; 16 people prone to hypochondria health. For the selection of a group of respondents, the «Scale for Express Psychological Diagnosis of Semi-Structured Depressive Disorders» was used. and the Brief Health Anxiety Questionnaire. The author's questionnaire "Existential defense mechanisms" was used in the work.

The study (1) identified significant differences in the severity of existential defense mechanisms in the study groups; (2) according to the degree of intensity of existential defenses, the most problematic spheres of existence, generated by a collision with finite givens (death, freedom, isolation, senselessness) in people with depressive states and a tendency to health hypochondria, are characterized; (3) a relationship was found between the severity of hypochondriacal (health anxiety) and depressive symptoms (conditions) with the intensity of existential defense mechanisms.

Keywords: existential defense mechanisms, health hypochondria, depressive states.

Аннотация: Цель исследования – определить напряженность экзистенциальных защит, а также особенности экзистенциальных проблем у молодых людей с явно выраженной тревогой о здоровье и с депрессивными состояниями по сравнению с группой условной нормы. В исследовании, носящем пилотажный характер, приняли участие 48 человек в возрасте от 18 до 23 лет: 16 человек, отнесенные к условной психологической норме (контрольная группа); 16 человек, находящихся в депрессивном состоянии; 16 человек, склонных к ипохондрии здоровья. Для отбора группы респондентов использовались «Шкала для экспресс психологической диагностики слабоструктурированных депрессивных расстройств». и «Краткий опросник тревоги о здоровье». В работе использован авторский опросник «Экзистенциальные защитные механизмы».

В исследовании (1) определены значимые различия в выраженности экзистенциальных защитных механизмов в исследуемых группах; (2) по степени напряженности экзистенциальных защит охарактеризованы наиболее проблемные сферы существования, порожденные столкновением с конечными данностями (смерть, свобода, изоляция, бессмысленность) у лиц с депрессивными состояниями и склонностью к ипохондрии здоровья; (3) выявлена связь между выраженностью ипохондрических (тревоги о здоровье) и депрессивных симптомов (состояний) с напряженностью экзистенциальных защитных механизмов.

Ключевые слова: экзистенциальные защитные механизмы, ипохондрия здоровья, депрессивные состояния.

Введение

Человек во все времена стоял перед «вечными вопросами», сталкивался с «предельными данностями» бытия (смертью, свободой и ответственностью, одиночеством и бессмысленностью существования). Однако в современной ситуации, когда он существует в мире крайне неустойчивом, характеризующимся как реальность, которой свойственна онтологическая неуверенность, исчезновение критериев правильности общепринятых систем ценностей, положений, мнений, стратегий поведения, принятия решений [13], у него крайне обостряется переживание оторванности от чувственного мира и его неподлинности, что, в свою очередь, побуждает человека обращаться к тому единственному, что не вызывает у него сомнений, — к своему телу

[8]. Все изменения, свойственные современной культуре, неизбежно провоцируют у человека усиление чувства отчуждения, изоляции, возникновение экзистенциального страха аннигиляции [2], что, в свою очередь, привело к тому, что телесность стала пониматься и выступать в современных исследованиях «как часть самосознания и как источник смысла», «как сфера, в которой разворачиваются экзистенциальные события» [7, с. 326]. В ситуации утраты стабильности, устойчивых моделей идентификации, усиливающейся неопределенности (что характеризует ситуацию существования в мире в настоящее время именно молодых людей), вопросы, связанные с экзистенциальными аспектами существования, с одной стороны, — крайне обострены, а с другой, — часто не могут быть адекватно разрешены. «Некорректный или неполноценный ответ на эти вопросы, а также пол-

ное отсутствие у личности какого-либо ответа вообще, закономерно детерминируют нарастание внутреннего напряжения, повышенную тревожность и страх смерти... закономерно приводит к трудно корректируемым психическим и духовным изменениям» [6, с. 246-247], к развитию невротических, в том числе депрессивных и ипохондрических расстройств [9].

Факторы, негативно влияющие на психическое здоровье человека, как правило, затрагивают все уровни его жизнедеятельности, в том числе и экзистенциальный (глубинный) ее уровень - сами основы бытия человека, его экзистенцию, порождая экзистенциальную и социальную фрустрированность, снижают экзистенциальную исполненность, способствуют резкому нарастанию экзистенциальной тревоги.

Один из самых известных исследователей тревоги с позиций экзистенциального анализа Р. Мэй отмечает, что тревога есть человеческая реакция на угрозу небытия: человек знает, что в любой момент его существование может прекратиться. «Небытие» - не просто страх физической смерти, хотя, возможно, именно смерть является самым распространенным предметом и символом тревоги. Угроза небытия относится к религиозной и духовной сфере жизни, поскольку это есть страх перед *бессмысленностью* существования» [4, с.22]. Согласно Р. Мэю тревога не может быть «прекращена», изжита, ее нельзя избежать. Она порождается осознанием человеком того факта, что «каждый из нас является бытием, противостоящим небытию. Небытие – это все то, что разрушает бытие: смерть, тяжелая болезнь, человеческая враждебность, внезапные перемены, которые отрывают нас от наших психологических корней. В любом случае тревога – это реакция на столкновение человека с разрушением существования или того, что он с ним отождествляет» [3, с. 297].

Как правило, экзистенциальная тревога – это знак того, что в жизни личности или в ее отношениях с другими людьми что-то не в порядке. Тревогу можно рассматривать «как идущий изнутри зов о разрешении проблемы». По своему генезу с экзистенциальной точки зрения «невротическая тревога – результат неудавшегося совладания с уже пережитыми ситуациями тревоги» [4, с. 307].

Экзистенциальная тревога предполагает два типа ее переживания. Первый - конструктивный путь совладания с тревогой, который заключается в умении жить с ней. Второй – путь формирования психологической защиты: «человек сталкивается с вызывающей тревогу ситуацией и начинает действовать защита от нее. Таким образом, имеется *прямая связь между наличием тревоги и использованием поведенческих паттернов для уклонения от вызывающей тревогу ситуации*» [3, с. 303].

И. Ялом [12, с. 14] вывел экзистенциальную формулу психологической защиты: **сознание конечной данности** → **тревога** → **защитный механизм**.

Экзистенциальная тревога порождает защитные механизмы, которые, обеспечивая безопасность, ограничивают рост и возможности опыта, а также проявляются как психопатологические симптомы. Р. Мэй отмечает, что, «...когда поведенческий паттерн переходит в форму психологического симптома, вызывающий тревогу конфликт преодолевается еще до того, как будет полностью осознан. Поэтому симптом можно определить как внутренний структурированный защитный механизм, устраняющий конфликт путем включения автоматизированного психологического процесса: «...имеется обратная связь между сознанием тревоги и наличием симптомов» [4, с. 304].

В экзистенциальном подходе, в определенной мере приемственном психоанализу, сохраняется представление о тревоге как о движущей силе психопатологии. Поэтому в данном исследовании мы исходим из базовых положений экзистенциальной психологии о том, что как симптомы невротических депрессивных расстройств (депрессивных состояний), так и повышенная тревога о здоровье (ипохондрия здоровья) могут быть связаны с активизацией экзистенциальных защитных механизмов при возрастании экзистенциальной тревоги, проявляющейся как страх смерти, страх свободы и ответственности, страх одиночества или как острое переживание бессмысленности существования.

Цель данного исследования – определить выраженность экзистенциальных защит, а также особенности экзистенциальных проблем у молодых людей с явно выраженной тревогой о здоровье, с депрессивными состояниями по сравнению с группой условной нормы. Исследованию была также подвергнута связь между выраженностью ипохондрических (тревога о здоровье) и депрессивных симптомов с напряженностью экзистенциальных защитных механизмов, а также специфика экзистенциальных проблем (тем), вызывающих повышение экзистенциальной тревоги в каждой исследуемой нозологической группе (депрессивные состояния и ипохондрия здоровья).

Описание выборки

В исследовании, носящем пилотажный характер, приняли участие 48 человек в возрасте от 18 до 23 лет: 16 человек (8 мужчин и 8 женщин), относящиеся к условной психологической норме (контрольная группа); 16 человек (8 мужчин и 8 женщин), находящихся в депрессивном состоянии; 16 человек (8 мужчин и 8 женщин), склонных к ипохондрии здоровья.

Задачами данной работы стали: (1) определить зна-

чимые различия в выраженности экзистенциальных защитных механизмов в исследуемых группах; (2) по степени напряженности экзистенциальных защит определить наиболее проблемные сферы существования, порожденные столкновением с конечными данностями (смерть, свобода, изоляция, бессмысленность) у лиц с депрессивными состояниями и склонностью к ипохондрии здоровья; (3) выявить связь между выраженностью ипохондрических (тревоги о здоровье) и депрессивных симптомов (состояний) с напряженностью экзистенциальных защитных механизмов.

Характеристика методов и методик исследования

Для отбора группы респондентов с явно выраженными депрессивными состояниями использовалась «Шкала для экспресс психологической диагностики слабоструктурированных депрессивных расстройств» (автор-составитель И.Г. Беспалько, 2004 г. [11]), определяющая выраженность симптомов невротической депрессии, депрессии в структуре биполярного расстройства, а также общую выраженность депрессивных состояний. Наличие симптомов ипохондрии здоровья определялось по «Краткому опроснику тревоги о здоровье» (П. Салковски, адаптация Т.А. Желонкиной, С.Н. Ениколопова, А.А. Ермушевой, 2014 г.) [1]. Опросник диагностирует выраженность тревоги о здоровье, страха негативных последствий заболевания и бдительности к телесным ощущениям. В работе был также использован авторский опросник «Экзистенциальные защитные механизмы» (Т.Д. Шевеленкова, М.А. Каладзе, 2013 г.) [10].

Опросник «Экзистенциальные защитные механизмы» был разработан в 2013 году Т.Д. Шевеленковой и М.А. Каладзе [10] и определяет степень напряженности экзистенциальных психологических защитных механизмов (сознательный аспект экзистенциальной тревоги). Опросник направлен на исследование тех типов экзистенциальных психологических защит, которые выделяет И. Ялом: механизмы защиты от страха смерти; механизмы защиты от тревоги, связанной с ответственностью (со страхом свободы выбора); механизмы защиты от тревоги, связанной с осознанием экзистенциальной изоляции; механизмы защищающие от переживания бессмысленности существования. Каждый из обозначенных выше типов защитных механизмов объединяет группы экзистенциальных защит (паттернов переживания и поведения), напряжение которых возрастает при росте специфической тревоги.

Характеристика и типология экзистенциальных защит, диагностируемых с помощью опросника «Экзистенциальные защитные механизмы», представлена в Таблице 1.

Для статистической обработки данных использован

статистический пакет IBM SPSS Statistic 23. Используются следующие статистические критерии: критерий Манна – Уитни для независимых выборок, критерий ранговой корреляции Спирмена.

Результаты исследования

На первом этапе исследования с помощью опросников «Шкала для экспресс психологической диагностики слабоструктурированных депрессивных расстройств» [11] и «Краткого опросника тревоги о здоровье» [1] были сформированы три группы респондентов: респонденты с явно выраженными депрессивными состояниями; респонденты с явно выраженными симптомами ипохондрии здоровья (с высокими показателями тревоги о собственном здоровье), а также группа молодых людей, не выявивших в ходе диагностики, ни депрессивных состояний, ни повышенной тревоги о здоровье.

На рисунке 1 представлены средние данные по напряженности (выраженности) экзистенциальных защитных механизмов во всех трех группах респондентов.

Согласно полученным данным в группе условной нормы превышает критический 50% барьер только напряжение «продуктивных защит от бессмысленности» (56%). В группе лиц, склонных к депрессии, превышают 50% барьер «вера в собственную исключительность» (52,5%) (продуктивная защита от страха смерти), а также «продуктивная защита от бессмысленности» (57,3%). В группе лиц с ипохондрией здоровья не обнаружено экзистенциальных защитных механизмов, напряжение которых превышало бы 50% барьер.

Далее был осуществлен сравнительный статистический анализ различий в напряженности экзистенциальных защитных механизмов между тремя группами респондентов. Результаты представлены в Таблицах 2, 3 и 4.

Как показал статистический анализ результатов, в группе с выраженной тревогой о здоровье (ипохондрией здоровья) по сравнению с группой условной нормы статистически значимо более напряжены (выражены) именно непродуктивные экзистенциальные защиты: «Вера в конечного спасителя» (непродуктивная защита от страха смерти); «Избегание ответственности» и «Избегание принятия решения» (защиты от страха свободы), а также «Патологические защиты от бессмысленности» (непродуктивные защиты от бессмысленности существования). Таким образом можно сделать вывод о том, что существование лиц с повышенной тревогой о здоровье по сравнению с группой условной нормы обусловлено страхом смерти, страхом свободы и страхом, порожденным бессмысленностью существования. Патологический характер используемых ими защит может рассматриваться как возможный источник повышенной

Таблица 1.

Типология экзистенциальных защитных механизмов.

Тип экзистенциальных защитных механизмов	Варианты защит	Паттерны поведения и переживания
Экзистенциальные защитные механизмы от страха смерти	<i>Вера в собственную исключительность (продуктивная защита)</i>	Компульсивный героизм; компульсивный трудоголизм; нарциссизм; агрессивный и неконтролируемый жизненный стиль; депрессия, возникающая в результате прерванного движения по вечной восходящей спирали.
	<i>Вера в конечного спасителя (непродуктивная защита)</i>	Самоумаление; зависимость, пассивность; мазохизм; неприятие взрослости; депрессия после краха системы представлений.
Экзистенциальные защитные механизмы от страха свободы	<i>Избегание ответственности</i>	Компульсивность (существование под властью непреодолимой силы); перенос ответственности; отрицание ответственности и потеря контроля; избегание автономного поведения.
	<i>Расстройство желаний</i>	Импульсивность; компульсивность (внутренние требования не переживаются как желания).
	<i>Избегание принятия решения</i>	Избегание отречения, торг; девальвация невыбранной альтернативы; делегирование решения кому-то или чему-то
Экзистенциальные защитные механизмы от страха одиночества (изоляция)	<i>Существование в восприятии других</i>	Стремление ощущать, что о тебе постоянно кто-то думает.
	<i>Отрицание через слияние</i>	Стремление слиться с другим.
	<i>Компульсивная сексуальность</i>	Беспорядочные сексуальные контакты.
	<i>Другой как подъемник</i>	Рыночный подход к отношениям с людьми.
	<i>Сколько людей в комнате</i>	Расщепление «Я» на «реально взаимодействующее, вступающее во взаимоотношения» и «наблюдающее за собой взаимодействующим, общающимся».
Экзистенциальные защитные механизмы от переживания бессмысленности существования	Продуктивные защиты от бессмысленности	Поиск космического смысла; альтруизм; преданность делу; творчество; гедонизм.
	Патологические защиты от бессмысленности	Крусадерство; нигилизм; вегетативная форма; компульсивная активность.

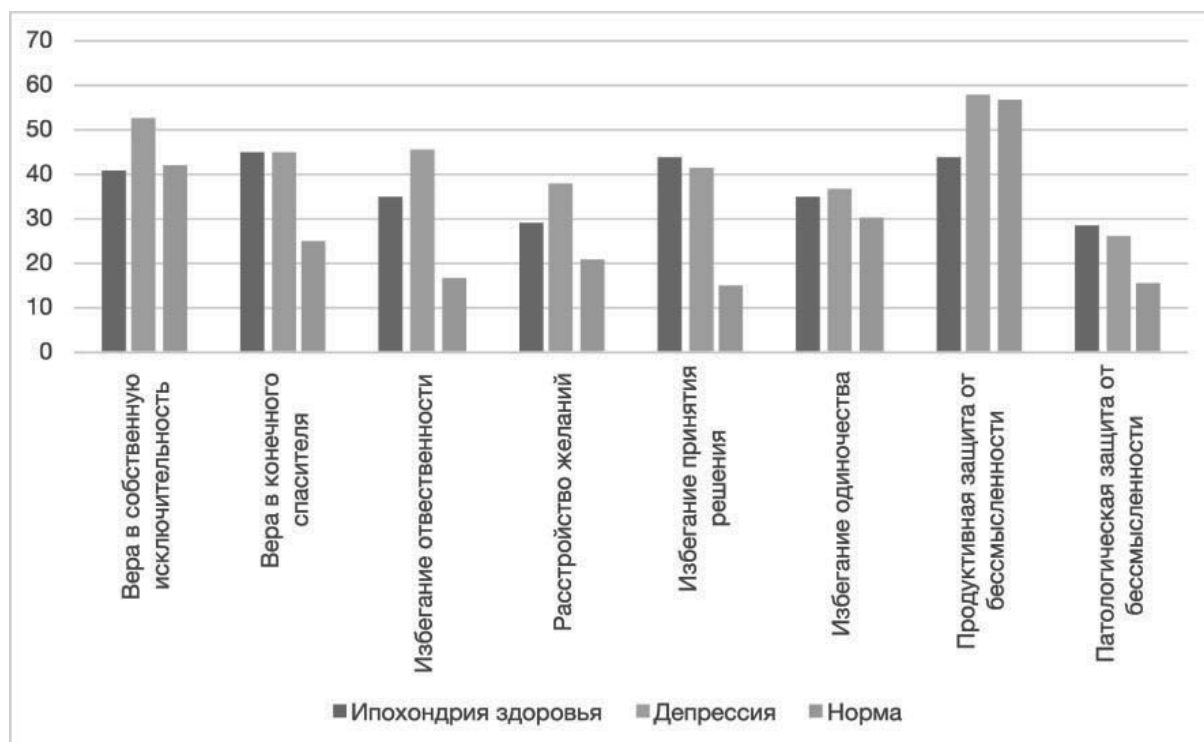

Рис. 1. Выраженность восьми групп экзистенциальных защитных механизмов в трех исследуемых группах (в %)

Таблица 2.

Различия в напряженности экзистенциальных защитных механизмов в группе с выраженной тревогой о здоровье (ипохондрией здоровья) и в группе условной нормы.

Направленность защиты	Тип защиты	Значимость различий (по критерию Манна-Уитни)
Защиты от страха смерти	Вера в конечного спасителя (непродуктивная защита)	,004**
Защиты от страха свободы	Избегание ответственности	,002**
	Избегание принятия решения	,001**
Защиты от бессмысленности существования	Продуктивные защиты от бессмысленности	,067* (тенденция)
	Патологические защиты от бессмысленности	,001**

Примечание: * $p \leq 0,05$ ** $p \leq 0,01$

Таблица 3.

Различия в напряженности экзистенциальных защитных механизмов в группе с выраженными депрессивными состояниями и в группе условной нормы.

Направленность защиты	Тип защиты	Значимость различий (по критерию Манна-Уитни)
Защиты от страха смерти	Вера в конечного спасителя (непродуктивная защита)	,004**
Защиты от страха свободы	Избегание ответственности	,000**
	Расстройство желаний	,035*
	Избегание принятия решения	,001**

Примечание: * $p \leq 0,05$ ** $p \leq 0,01$

Таблица 4.

Различия в напряженности экзистенциальных защитных механизмов в группе с выраженными депрессивными состояниями и в группе с тревогой о здоровье (ипохондрией здоровья).

Направленность защиты	Тип защиты	Значимость различий (по критерию Манна-Уитни)
Защиты от страха смерти	Вера в собственную исключительность	,026*
Защиты от бессмысленности существования	Продуктивные защиты от бессмысленности	,056* (тенденция)

Примечание: * $p \leq 0,05$ ** $p \leq 0,01$

тревоги, спроецированной на тело.

Сравнение напряженности экзистенциальных защитных механизмов в группе с выраженными депрессивными состояниями и в группе условной нормы также выявило непродуктивный характер защит от страха смерти («Вера в конечного спасителя») и страха свободы («Избегание ответственности», «Расстройство желаний», «Избегание принятия решения»). Таким образом показано, что для лиц с депрессивными состояниями их существование обременено страхом смерти и бегством от свободы (ответственности с ней сопряженной). Таким образом избегание ответственности, расстройство желаний и избегание принятия решения могут рассматриваться как симптомы депрессивных состояний.

Сравнительный анализ напряженности экзистенциальных защитных механизмов в группе с выраженными депрессивными состояниями и в группе с тревогой о здоровье (ипохондрией здоровья) (Таблица 4) показал, что эти группы различаются уровнем напряженности продуктивных защит от страха смерти и бессмысленности

существования. Как ни парадоксально, лица с депрессивными состояниями имеют сходную с нормой тенденцию в характере продуктивных защит от смерти и бессмысленности. Такие защиты как «Вера в собственную исключительность» (продуктивная защита от страха смерти) и «Продуктивные защиты от бессмысленности» у них более выражены, чем у лиц с ипохондрией здоровья.

Далее были определены связи выраженности ипохондрических (тревоги о здоровье) и депрессивных симптомов (состояний) с напряженностью экзистенциальных защитных механизмов.

Корреляционный анализ связи напряженности экзистенциальных защитных механизмов и выраженности симптомов тревоги о здоровье (ипохондрией здоровья) представлен в Таблице 5.

Согласно данным, приведенным в Таблице 4, выраженность продуктивных экзистенциальных защитных механизмов от страха смерти и от переживания бессмысленности существования («вера в собственную ис-

Таблица 5.

Связь напряженности экзистенциальных защитных механизмов и выраженности симптомов тревоги о здоровье (ипохондриии здоровья).

Тип экзистенциальных защит		Симптомы тревоги о здоровье		
		Тревога о здоровье	Страх негативных последствий заболевания	Бдительность к телесным ощущениям
Экзистенциальные защитные механизмы от страха смерти	<i>Вера в собственную исключительность</i>	-,223	-,126	-,219
	<i>Вера в конечного спасителя</i>	,620**	,554**	,588**
Экзистенциальные защитные механизмы от страха свободы	<i>Избегание ответственности</i>	,617**	,530**	,601**
	<i>Расстройство желаний</i>	,231	,200	,230
	<i>Избегание принятия решения</i>	,699**	,583**	,679**
Экзистенциальные защитные механизмы от страха одиночества (изоляция)		,286	,227	,257
Экзистенциальные защитные механизмы от переживания бессмысленности существования	<i>Продуктивные защиты от бессмысленности</i>	-,284	-,269	-,257
	<i>Патологические защиты от бессмысленности</i>	,592**	,495**	,591**
Общая напряженность экзистенциальных защитных механизмов		,581**	,467**	,554**

Примечание: * $p \leq 0,05$ ** $p \leq 0,01$

ключительность» и «продуктивные защиты от бессмысленности») не обнаруживает значимых связей. Несмотря на то, что величина данных корреляций не достигает статистически значимого уровня, сами корреляции носят *обратный* характер. В то же время такой тип защиты от страха свободы как «расстройство желаний» (непродуктивная защита), а также защитные механизмы от страха одиночества (изоляция) имеют прямой характер корреляционных связей с симптомами ипохондриии здоровья и также не достигают уровня статистической значимости.

Высоко значимые прямые корреляционные связи обнаруживаются именно между напряженностью непродуктивных видов экзистенциальных защит («верой в конечного спасителя», «патологическими защитами от бессмысленности», «избеганием ответственности», «избеганием принятия решения») и всеми симптомами ипохондриии здоровья (тревогой о здоровье, страхом негативных последствий заболевания и бдительностью к телесным ощущениям). Симптомы ипохондриии здоровья также высоко значимо и прямо связаны с общей напряженностью экзистенциальных защитных механизмов. Плотность значимых корреляционных связей между симптомами ипохондриии здоровья и экзистенциальными защитными механизмами составляет 56%.

Корреляционный анализ напряженности экзистен-

циальных защитных механизмов и выраженности депрессивных состояний представлен в таблице 6.

Особый характер связей выявлен между напряженностью экзистенциальных защитных механизмов и выраженностью депрессивных состояний. Согласно данным Таблицы 5 высоко значимые прямые корреляционные связи обнаруживаются между депрессией в структуре биполярного расстройства и всеми экзистенциальными защитами, кроме продуктивных защит от страха смерти и продуктивных защит от бессмысленности существования, что свидетельствует о том, что усиление экзистенциальной защиты «не работает», не снижает уровень экзистенциальной тревоги, а последняя, в свою очередь, усугубляет депрессивные состояния как синдромы биполярных расстройств.

В то же время, в случае невротической депрессии выраженность депрессивных состояний обратно связана с напряженностью таких продуктивных экзистенциальных защит как «вера в собственную исключительность» и следующими непродуктивными защитами: «избегание ответственности», «расстройство желаний», а также с общей напряженностью экзистенциальных защитных механизмов. Это свидетельствует о том, что повышенная напряженности экзистенциальных защит при невротической депрессии «работает», то есть снижает уровень экзистенциальной тревоги, что, в свою очередь, снижает

Таблица 6.

Связь напряженности экзистенциальных защитных механизмов и выраженности депрессивных состояний.

Тип экзистенциальных защит		Выраженность депрессивных состояний		
		МДП ¹ (депрессия)	Невротическая депрессия	Все депрессивные состояния
Экзистенциальные защитные механизмы от страха смерти	<i>Вера в собственную исключительность</i>	-,168	-,457**	-,106
	<i>Вера в конечного спасителя</i>	,647**	-,207	,603**
Экзистенциальные защитные механизмы от страха свободы	<i>Избегание ответственности</i>	,763**	-,425*	,563**
	<i>Расстройство желаний</i>	,535**	-,325*	,383*
	<i>Избегание принятия решения</i>	,612**	-,167	,573**
Экзистенциальные защитные механизмы от страха одиночества (изоляции)		,378*	-,287	,247
Экзистенциальные защитные механизмы от переживания бессмысленности существования	<i>Продуктивные защиты от бессмысленности</i>	,006	-,151	-,079
	<i>Патологические защиты от бессмысленности</i>	,339*	-,110	,352*
Общая напряженность экзистенциальных защитных механизмов		,664**	-,369*	,519**

Примечание: * $p \leq 0,05$ ** $p \leq 0,01$

выраженность невротической депрессии.

Обсуждение результатов и выводы

Результаты исследования напряженности экзистенциальных защитных механизмов у лиц с депрессивными состояниями и склонностью к ипохондрии здоровья позволили охарактеризовать наиболее проблемные сферы существования, порожденные столкновением с конечными данностями бытия (смерть, свобода, изоляция, бессмысленность существования) у лиц с депрессивными состояниями и склонностью к ипохондрии здоровья, а также в группе условной нормы. Для респондентов, относящихся к группе условной нормы, центральной проблемой является *бессмысленность существования*. Молодые люди, относящиеся к этой группе, находятся таким образом в постоянном поиске смысла собственного существования. Об этом свидетельствует то, что напряжение «продуктивных защит от бессмысленности» в этой группе респондентов превышает критический 50% барьер (56%).

В группе лиц, склонных к депрессии, ведущими экзистенциальными проблемами являются, во-первых, *борьба со страхом смерти*, о чем свидетельствует высокая напряженность такой продуктивной защиты от страха смерти как «вера в собственную исключительность» (52,5%). Во-вторых, для них, характерна высокая степень

напряженности «продуктивных защит от бессмысленности» (57,3%), которая даже выше, чем в группе условной нормы, поэтому можно утверждать, что поиски смысла являются для данных респондентов крайне острой и значимой проблемой. Данные описательных статистик подтверждаются сравнительным анализом напряженности экзистенциальных защитных механизмов в группе с выраженными депрессивными состояниями (общий индекс депрессии) и в группе условной нормы. Он выявил непродуктивный характер защит от страха смерти («вера в конечного спасителя») и страха свободы («избегание ответственности», «расстройство желаний», «избегание принятия решения»). Таким образом показано, что для лиц с депрессивными состояниями их существование обременено страхом смерти и бегством от свободы (ответственности с ней сопряженной).

Таким образом избегание ответственности, расстройство желаний и избегание принятия решения могут рассматриваться как симптомы депрессивных состояний.

В группе лиц с ипохондрией здоровья не обнаружено экзистенциальных защитных механизмов, напряженность которых превышала бы 50 % барьер. Казалось бы, что это свидетельствует о том, что данные респонденты не имеют ярко выраженных экзистенциальных проблем, порождающих экзистенциальную тревогу. Однако это

1 В данном исследовании – депрессия в составе биполярного расстройства (маниакально-депрессивный психоз)

не так. Об этом свидетельствует сравнительный анализ различий в напряженности экзистенциальных защитных механизмов в группе с выраженной тревогой о здоровье (ипохондрией здоровья) и в группе условной нормы. Респондентов с повышенной тревогой о здоровье по сравнению с группой нормы характеризуют непродуктивные защиты от страха смерти по типу «вера в конечного спасителя», «избегание ответственности» и «избегание принятия решений», снижение выраженности продуктивных и повышение напряженности патологических защит от бессмысленности существования. Данную группу респондентов отличает также прямая и высоко значимая корреляционная связь (по данными представленного выше корреляционного анализа) между выраженностью симптомов ипохондрией здоровья и упомянутых выше непродуктивных и патологических защит.

Таким образом можно сделать вывод о том, что существование лиц с повышенной тревогой о здоровье по сравнению с группой условной нормы обременено *страхом смерти, страхом свободы и страхом, порожденным бессмысленностью существования*. Патологический характер используемых ими защит может рассматриваться как возможный источник повышенной экзистенциальной тревоги, спроецированной на тело.

В исследовании впервые в отечественной психологии показана связь между напряженностью экзистенциальных защит (то есть степенью экзистенциальной тревоги) и выраженностью как депрессивных состояний, так и симптомов ипохондрией здоровья (тревоги о здоровье, страха негативных последствий заболевания и бдительности к телесным ощущениям) (Таблицы 5 и 6). Напряженность продуктивных экзистенциальных защитных механизмов от страха смерти и от переживания бессмысленности существования («вера в собственную исключительность» и «продуктивные защиты от бессмысленности») не обнаруживает значимых связей ни с выраженностью симптомов ипохондрией здоровья, ни с выраженностью депрессивных состояний, за исключением симптомов невротической депрессии. Величина данных корреляций не достигает статистически значимого уровня, но сами корреляции носят *обратный* характер. Это скорее всего свидетельствует о том, что повышение напряженности обозначенных выше продуктивных защит снижает экзистенциальную тревогу и не связано с формированием симптомов таких расстройств как тревога о собственном здоровье и развитие депрессивных состояний.

Корреляции напряженности такого типа защиты от страха свободы как «расстройство желаний» (непродуктивная защита), а также защитных механизмов от страха одиночества (изоляция) с выраженностью симптомов ипохондрией здоровья также не достигают уровня статистической значимости, но имеют прямой характер кор-

реляций, что, в свою очередь свидетельствует о том, что проблема одиночества не является для данной группы респондентов значимой, а реагировать расстройством желаний на повышении экзистенциальной тревоги не является для данных респондентов характерным паттерном. В то же время высоко значимые прямые корреляционные связи обнаруживаются именно между непродуктивными видами экзистенциальных защит («верой в конечного спасителя», «патологическими защитами от бессмысленности», «избеганием ответственности», «избеганием принятия решения») и всеми симптомами ипохондрией здоровья (тревогой о здоровье, страхом негативных последствий заболевания и бдительностью к телесным ощущениям). Симптомы ипохондрией здоровья обнаруживают также высоко значимую прямую связь с общей напряженностью экзистенциальных защитных механизмов. Таким образом можно сказать (перефразируя Р. Мэя), что симптомы ипохондрией здоровья можно рассматривать как результат неудавшегося совладания с уже пережитыми ситуациями экзистенциальной тревоги, а также то, что телесность выступает как источник смысла, «как сфера, в которой разворачиваются экзистенциальные события» (Тхостов А.Ш., Райзман Е.М., 2019, с. 326).

Корреляционный анализ напряженности экзистенциальных защитных механизмов и выраженности депрессивных состояний выявил, что различные по своему клиническому смыслу депрессивные состояния по-разному связаны с напряжением экзистенциальных защит. Так симптомы невротической депрессии обнаруживают *обратный характер* связи с такими продуктивными экзистенциальными защитами как «вера в собственную исключительность», а также непродуктивными защитами: «избегание ответственности», «расстройство желаний», а также с общей напряженностью экзистенциальных защитных механизмов. Такой результат можно было бы считать парадоксальным, но можно предположить, что в данном случае, то есть при невротической депрессии, экзистенциальные защиты «работают», то есть снижают уровень экзистенциальной тревоги, что, в свою очередь, смягчает выраженность депрессивных состояний.

Особый характер связей обнаруживается между напряженностью экзистенциальных защитных механизмов и выраженностью депрессивных состояний (депрессия в структуре биполярных расстройств). Высоко значимые *прямые* корреляционные связи обнаруживаются между степенью выраженности депрессивных состояний (данным типом депрессии) и всеми экзистенциальными защитами, кроме продуктивных защит от страха смерти и продуктивных защит от бессмысленности существования, что свидетельствует о том, что усиление экзистенциальной защиты в случае данной разновидности депрессивных состояний «не работает», не снижает уровень экзистенциальной тре-

воги, которая, в свою очередь, усугубляет выраженность депрессивных состояний.

Заключение

Проблема экзистенциальных аспектов психических нарушений, особенно таких распространенных в настоящее время как депрессивные состояния и тревога о здоровье (ипохондрика здоровья) является крайне актуальной, но в то же время практически не разработанной. Разработка данной проблемы позволяет подойти к построению новых объяснительных моделей данных ви-

дов патологии в клинической психологии. Данное исследование только лишь наметило возможный подход как к новым теоретическим построениям, так и к разработке новых исследовательских инструментов. В основном поставленные в пилотажном исследовании задачи стало возможным решить благодаря разработке опросника «Экзистенциальные защитные механизмы». Результаты данного исследования показали теоретическую обоснованность и практическую возможность расширения представления о экзистенциальных аспектах и экзистенциальной основе ипохондрических (тревоги о здоровье) симптомов и депрессивных состояний.

ЛИТЕРАТУРА

1. Желонкина Т.А., Ениколов С.Н., Ермушева А.А. Адаптация русскоязычной версии методики Р. Salkovskis «Краткий опросник тревоги о здоровье» (Short Health Anxiety Inventory) // Теоретическая и экспериментальная психология. 2014. Т. 7. № 1. С. 30–37.
2. Короленко Ц.П., Дмитриева Н.В. Homo Postmodernus. Психологические и психические нарушения в постмодернистском мире. Новосибирск: Изд. НГПУ. 2009. 248с.
3. Мэй Р. Теория и практика экзистенциальной психологии / Р. Мэй, А. Маслоу, К. Роджерс и др.; пер. с англ.; под. ред. С. Римского. – М.: Институт общегуманитарных исследований. – 2016. – 337 с.
4. Мэй Р. Смысл Тревоги // Пер. с англ. М.И. Завалова и А.И. Сибуриной. – М.: Независимая фирма «Класс», (Библиотека психологии и психотерапии, вып. 89), 2011. – 384 с.
5. Рассказова Е.И. Психологические и поведенческие факторы ипохондрических расстройств // Вестник Московского ун-та. Сер. 14. Психология. 2013. № 3. С. 83-101.
6. Родионов А.Н., Маликов В.М. Экзистенциальный подход в решении проблем аддиктивного поведения современного человека // Психологическое благополучие современного человека [Электронный ресурс]: материалы Международной заочной научно-практической конференции (20 марта 2019 г.) / Урал. гос. пед. ун-т; отв. ред. С.А. Водяха. – Екатеринбург: 2019. С. 245-254.
7. Тхостов А.Ш., Райзман Е.М. Забота о здоровье в контексте ипохондрического дискурса // Руководство по психологии здоровья / Под ред. А.Ш. Тхостова, Е.И. Рассказовой. М. Изд-во МГУ. 2019. С. 323-337.
8. Чукуров А.Ю. Феномен боли в контексте социокультурной динамики XXI века // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2017. № 4 (45). С. 116-123.
9. Шевеленкова Т.Д. Социальная фрустрированность и выраженность невротических состояний у молодых людей - активных пользователей игровыми интернет-порталами // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание». 2021. №12. С. 81-90.
10. Шевеленкова Т.Д., Каладзе М.А. Методика исследования экзистенциальных защитных механизмов // Новые теоретико-методологические подходы к исследованию в психологии: сборник статей. — М.: Левь, 2013. С. 103-134.
11. Шкала для экспресс психологической диагностики слабоструктурированных депрессивных расстройств: пособие для психологов и врачей / И.Г. Беспалько. – СПб., 2004. – 26 с.
12. Ялом И. Экзистенциальная психотерапия / Пер. с англ. Т.С. Дробиной. – М: Независимая фирма «Класс», 1999. – 576 с.
13. Bracken P., Thomas P. Postpsychiatry: a new direction for mental health // British Medical Journal: International Edition. 2001. Т. 322. № 7288. Pp. 724–727.

© Шевеленкова Татьяна Дмитриевна (shevelenkova@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ РОСТ СЛОЖНОСТИ СИСТЕМ. ЧАСТЬ 1. ПОЭТАПНОЕ СТРУКТУРООБРАЗОВАНИЕ

EVOLUTIONARY GROWTH OF THE COMPLEXITY OF SYSTEMS. PART 1. GRADUAL STRUCTURE FORMATION

A. Gribkov

Summary: This article is the first part of the research, which reveals the inner content of the process of increasing the complexity of systems. Based on the existence of isomorphisms the article argues for the gradual development of the universe. Examples of stage development realization on different levels of the universe, for systems of significantly different scales and nature are considered. From the analysis of the problem of the origin of life we make a reasoned conclusion about the lack of alternative of stage-by-stage development. The mathematical proof of the efficiency of multistage structurization is given, which increases its probability many times. The ontological essence of staged structural formation has been defined which consists in the appearance of new qualities at the achievement of certain discrete quantitative values and in the fixation of these qualities.

Keywords: evolution, gradualism, structurization, probability, origin of life.

Грибков Андрей Армович

доктор технических наук, главный научный сотрудник,
Московский государственный технологический
университет «СТАНКИН»
andarmo@yandex.ru

Аннотация: Статья представляет собой первую часть исследования, раскрывающего внутреннее содержание процесса роста сложности систем. Исходя из существования изоморфизмов в статье аргументируется поэтапный характер развития мироздания. Рассмотрены примеры реализации поэтапного развития на различных уровнях мироздания, для систем существенно различающихся масштабов и природы. Из анализа проблемы зарождения жизни делается аргументированный вывод о безальтернативности поэтапного развития. Приводится математическое доказательство эффективности поэтапного структурообразования, многократно повышающего его вероятность. Определена онтологическая суть поэтапного структурообразования, которая заключается в появлении при достижении определенных дискретных количественных значений новых качеств, а также в закреплении этих качеств.

Ключевые слова: эволюция, поэтапность, структурообразование, вероятность, зарождение жизни.

Введение

Одной из характерных черт, определяющих картину бытия, является существование изоморфизмов – явления подобия форм и законов, проявляющееся на разных уровнях бытия, в различных предметных областях. Из существования изоморфизмов следуют выводы, которые играют определяющую роль в формировании картины бытия и понимании эволюции формирующих его материальных структур.

Для последующего размышления нам потребуется использовать понятия бытия и мироздания, которые имеет смысл дополнительно уточнить. Когда говорят о бытии, обычно имеют в виду предмет изучения онтологии – все существующее, как оно есть независимо от познания. Другими словами, бытие – это все то, что существует (в мире).

Понятие мироздания однозначно не определено. Обычно его считают тождественным понятию мир, вселенная. В рамках религиозного представления данное определение уточняется: мироздание – это мир как гармоничная целостная система (созданная Богом и управляемая Божественным Промыслом). По мнению автора

данной статьи, мироздание – это то, как существует мир. Под выражением «как существует» следует понимать «здание мира» – все многообразие форм и законов, которые формируются в мире в процессе структурообразования, т.е. последовательного формирования систем за счет включения в них новых элементов и образования новых связей. Таким образом, понятие мироздание является очень близким понятию бытия, но говоря о мироздании мы делаем акцент на структуре, наличии определенного порядка, организации, формируемых в процессе структурообразования.

Повторяемость форм и законов свидетельствует о том, что качественно мироздание (как и бытие) не является бесконечно сложным. Действительно, в бесконечно сложном мире ничто не может повторяться, все объекты, процессы должны быть уникальны во всех своих свойствах. Исходя из диалектического закона перехода количественных изменений в качественные можно констатировать, что если мироздание качественно не является бесконечно сложным, то оно (как система, образованная из элементов) определяется конечным количеством элементов. При этом необходимо оговориться, что речь идет не обо всем мироздании, а только о части (ограниченной области) бытия, неважно, насколько она

велика, взаимодействие элементов которой порождает наблюдаемые формы и законы.

Исследования, проведенные автором [1], показывают, что наблюдаемому изоморфизму форм и законов соответствует многоуровневое построение мироздания. Каждый объект, процесс в мироздании представляет собой результат поэтапного структурообразования из более простых объектов, определяемых более простыми законами и имеющими более простые формы. Структурообразование от уровня к уровню регулируется всегда одними и теми же простыми законами, укладывается в одни и те же несложные формы. Сложные формы и законы в силу своей сложности редки, неустойчивы и не играют существенной роли в структурообразовании.

Многообразие форм и законов мироздания, которые мы повсеместно наблюдаем, является следствием многоуровневой организации бытия. При этом на каждом из уровней организации бытие познаваемо и подчиняется одним и тем же простым законам.

Поэтапный характер эволюционных процессов

Изучение эволюционных процессов, наблюдаемых в природе [2], демонстрирует повсеместное распространение поэтапного развития, характерное как для длительных процессов, охватывающих большое разнообразие видов и форм (например, эволюции аквабиосферы [3]), так и развитие отдельных видов (например, муравьев [4]). Кроме того, поэтапность характерна также для эволюционных процессов в неживой природе, в том числе в развитии технических, производственных, экономических [5] и политических систем.

Вся последовательность формирования все более сложных структур в материальном мире, начиная с элементарных частиц и заканчивая человеком, представляет собой поэтапные изменения, при которых свойства от этапа к этапу изменялись ступенчато, причем на каждом этапе имела место фиксация свойств, обеспечивающая способность сформировавшейся структуры сохранять свою устойчивость. Из элементарных частиц формируются атомы, обладающие устойчивостью; из атомов – молекулы, в том числе макромолекулы, также обладающие устойчивостью; из различных сочетаний органических и неорганических молекул формируются микроорганизмы и более сложные биологические объекты, в том числе животные и человек, которые также обладают устойчивостью как виды и как индивиды.

Поэтапный характер развития наблюдается и в менее масштабных эволюционных процессах. В качестве примера такого эволюционного процесса можно привести развитие растений, которое представляло собой последовательность из шести этапов. На первом этапе цианобактерии эволюционировали в водоросли; далее, на втором этапе, по мере освоения суши, водоросли эволюционировали в различные мхи, из которых на третьем этапе сформировались риниофиты (в настоящее время вымерли), а из них, на четвертом этапе, – папоротники, хвощи, плауны. Шестым этапом развития стали семенные растения, которые преодолели зависимость от воды при размножении.

Примером менее масштабного по сложности, но не по физическому масштабу, является эволюция протозвезд (превращения протозвезды в звезду). Этапы эволюции протозвезды включают в себя: обособление фрагмента облака с его уплотнением, при котором за счет силы гравитации к формирующемуся облаку притягивается вещество из окружающей среды; быстрое сжатие, при котором возникающее от сжатия и нагрева излучение уносит лишнее тепло, протозвезда в определенный момент времени становится непрозрачной и сжатие замедляется; медленное сжатие, при котором протозвезда получает осевое сжатие и нагревается еще больше. Далее, если масса звезды достаточно велика (более 10% от массы Солнца), то в ее ядре запускается термоядерная реакция, и она становится звездой.

Одним из наиболее показательных примеров, выявляющих безальтернативность поэтапного развития даже для сравнительно небольших (по масштабам эволюционных изменений) процессов, является проблема зарождения жизни. Проблема зарождения жизни находится в фокусе мировой науки и религии не первое тысячелетие. В современной формулировке проблема сводится к тому, что с точки зрения теории вероятностей для случайного образования таких органических молекул, как ДНК или РНК, требуется время, несоизмеримо большее, чем возраст Земли, равный по последним оценкам 4.5 млрд. лет. Между тем, следы простейших микроорганизмов обнаруживаются в породах, имеющих возраст от 4.1 до 3.5 млрд. лет. Это значит, что для формирования простейших живых организмов на Земле потребовалось всего 400 млн. лет [6].

Количественные оценки вероятности случайного образования простейших организмов существенно различаются в зависимости от методики расчета, устанавливаемых ограничений и допущений. Например, известный расчет Е. Кунина дает оценку вероятности случайного зарождения хотя бы одной системы трансляция–репликация за весь период времени после Большого взрыва на уровне 10–10¹⁸ [7]. Эта вероятность настолько мала, что случайное возникновение жизни можно считать невозможным.

Альтернативная версия зарождения жизни связана с репликаторами – неклеточными формами жизни, которые могут образовываться путём сложных биохимических процессов.

Альтернативная версия зарождения жизни связана с репликаторами – неклеточными формами жизни, которые могут образовываться путём сложных биохимических процессов.

ских реакций и превращений из «первичного бульона» органических и неорганических соединений. Одной из наиболее проработанных является версия неферментативной репликации РНК [8]. Достоверной количественной оценки вероятности зарождения жизни через появление репликаторов не существует, однако предполагается, что она существенно выше, чем для клеточных форм жизни. При этом, вероятно, указанной длительности 400 млн. лет для этого недостаточно. Существенные сомнения вызывает даже возможность случайного зарождения такой жизни за весь период после Большого взрыва.

Следует заметить, что наряду с версией зарождения жизни на Земле, также существует версия панспермии [9], согласно которой жизнь зародилась где-то за пределами Земли и лишь затем была перенесена на нашу планету через космическое пространство. Против реальности данной версии свидетельствует факт отсутствия любых, даже самых простейших, микроорганизмов в метеоритах, падающих на Землю. При этом обнаружение (в ничтожных концентрациях) в метеоритах всех необходимых для формирования ДНК или РНК азотистых оснований (аденина, гуанина, тимина, цитозина и урацила) [10] не означает обнаружения жизни, как это иногда пытаются представить. Даже при локализации всех необходимых азотистых оснований в пределах малой реакционной области, формирование ДНК или РНК остается маловероятным. В результате, с высокой долей уверенности можно утверждать, что земная жизнь зародилась на Земле, а не была принесена из космоса. Кроме того, даже если версия панспермии была бы состоятельной, время, доступное для зарождения жизни, все равно остается ограниченным периодом после Большого Взрыва.

Какое же решение может иметь проблема зарождения жизни? Ответ более или менее очевиден: процесс зарождения жизни не был одномоментным, а представлял собой процесс последовательных случайных, но связанных процессов. Согласно Е. Кунину «...исключительно низкая вероятность возникновения жизни никак не означает, что это всё произошло чудом. Напротив, всё это серии нормальных химических реакций, только включающие стадии с очень низкой вероятностью...» [11].

Можно предположить, что образованию нуклеиновых кислот, способных к репликации, предшествует образование макромолекул, в которых присутствуют все необходимые для этого элементы (нуклеотиды), но они расположены произвольно. Следует отметить, что, хотя элементы в макромолекуле могут изменять свое состояние (в частности, положение), однако эти изменения подчиняются строгим правилам, определяемым химическими связями внутри макромолекулы. Дальнейшая эволюция происходит уже в макромолекуле, где вследствие случайных и неслучайных изменений (перестановок участков макромолекулы), а также фикса-

ции определенных последовательностей нуклеотидов в макромолекуле, обладающих устойчивостью, однажды складывается нуклеиновая кислота (ДНК или РНК), способная к репликации.

Существует большое разнообразие механизмов, способных значительно (порой даже многократно) повысить скорость изменений в макромолекулах, которые могут привести к появлению структур, способных к репликации. Многие из этих механизмов активно проявляются в эволюционных процессах.

Одним из таких механизмов является эффект перескакивания генов, основанный на перемещении участков (фрагментов) внутри макромолекулы. На уровне генетических изменений эффект заключается в том, что некоторые участки ДНК (гены) могут перемещаться по ней (в ходе наследования от предков к потомкам) до того положения, в котором они проявляются. Существует механизм миграции элементов – фрагментов макромолекул, изменяющих свое положение как при образовании одних молекул из других, так и в продолжении существования макромолекулы. На уровне генетических изменений мигрирующие генетические элементы (или мобильные генетические элементы) перемещаются и встраиваются в различные участки ДНК, изменяя в результате общие свойства организма. Частным случаем мобильных генетических элементов являются транспозоны, которые способны не только к изменению своего положения, но также и к размножению в пределах генома [12].

Другой генетический механизм, многократно повышающий скорость эволюции, – горизонтальный перенос генов – «...процесс, в котором организм передает генетический материал другому организму, не являющемуся его потомком» [13]. Данный механизм является одним из основных механизмов изменчивости видов. По некоторым данным, до 8% генома человека получено посредством горизонтального переноса генов от вирусов [14].

Резюмируя представленное краткое рассмотрение проблемы зарождения жизни следует констатировать, что эта проблема оказывается разрешимой, если исходить из того, что способные к репликации нуклеиновые кислоты в ходе эволюции не формировались непосредственно из азотистых оснований. Развитие (эволюция) шло постепенно, от уровня к уровню, и вероятность каждого качественного перехода была не очень мала. Такого рода иерархическое, поэтапное построение структур гораздо вероятнее, чем одноэтапное, а, следовательно, занимает несоизмеримо меньше времени.

Эффективность поэтапного структурообразования

Основой наблюдаемого многообразия форм и законов бытия является структурообразование, при котором

происходит поэтапное образования из простых структур более сложных. В качестве указанных структур могут выступать, в зависимости от уровня организации материи: элементарные частицы, физические тела, химические элементы, макромолекулы, простейшие микроорганизмы, растения, животные, физический мир, биосфера или ноосфера в целом, социум, система знаний, духовный мир индивидуума, человеческая цивилизация и т.д.

Диалектический закон перехода количественных изменений в качественные по умолчанию предполагает, что указанный переход происходит не постоянно, а при достижении определенных дискретных количественных значений, т.е. поэтапно (или ступенчато).

При этом необходимым свойством качественных изменений системы является возможность их закрепления, связанная с появлением новой структурной организации, нового процесса или связей, формирующих дополнительный механизм устойчивости. Без указанного закрепления поэтапный характер изменений утрачивает свои преимущества в обеспечении развития, становится неотличим от плавного развития. Следовательно, онтологическая суть поэтапного структурообразования сводится к появлению при достижении определенных дискретных количественных изменений новых качеств, а также к закреплению этих качеств. Дальнейшее структурообразование осуществляется уже с учетом существования структур с указанными качествами.

Поэтапный характер структурообразования делает вероятность формирования сложных систем несоизмеримо более высокой по сравнению с вариантом формирования сразу окончательной структуры. Это может быть аргументировано математически.

Рассмотрим упрощенную модель структурообразования. Пусть имеется квазиоднородная среда, образованная элементами. В единице объема среды имеется в среднем n элементов. Среда близка по свойствам к идеальному газу. Образование структуры будет происходить при одновременном нахождении N элементов в пределах области объемом U .

Поскольку среда имеет свойства идеального газа, то дисперсия числа частиц в области объемом U составит $\sqrt{U \cdot n}$, а среднеквадратичная флуктуация, соответственно $\sqrt{U \cdot n}$. Вероятность того, что количество элементов в объеме U больше или равно N , определится следующим образом:

$$P = 1 - \frac{2}{\sqrt{2\pi}} \int_0^{x_{\max}} e^{-x^2/2} dx; \quad x_{\max} = \frac{N - Un}{\sqrt{Un}}$$

Рассмотрим теперь двухэтапное структурообразование. Пусть вначале происходит образование структур

1-го уровня, включающих в себя N_1 элементов. Допустим, что это образование происходит в пределах области с объемом

Вероятность P_1 такого образования (при условии $N_1 \ll N$) много больше P :

$$P_1 = 1 - \frac{2}{\sqrt{2\pi}} \int_0^{x_{\max}} e^{-x^2/2} dx \gg P; \quad x_{\max} = \left(N_1 - n \frac{UN_1}{N} \right) / \sqrt{\frac{UnN_1}{N}}$$

Поскольку $P_1 \gg P$, то, принимая образование структур 1-го уровня необратимым, можно исключить его из рассмотрения. Таким образом, задача упрощается и сводится к определению вероятности образования из среды, состоящей из структур 1-го уровня, структур 2-го уровня (окончательных структур). Это образование происходит в пределах области с объемом U при количестве структур 1-го уровня в единице объема $n N_1/N$.

Вероятность образования структур 2-го уровня:

$$P_2 = 1 - \frac{2}{\sqrt{2\pi}} \int_0^{x_{\max}} e^{-x^2/2} dx \gg P; \quad x_{\max} = \left(\frac{N}{N_1} - n \frac{UN_1}{N} \right) / \sqrt{\frac{UnN_1}{N}}$$

если $N_1/N \ll 1$.

Итак, как можно видеть, поэтапная эволюция обеспечивает существенно большую вероятность образования структур. При этом, чем больше число этапов k (но $k \ll N$), тем выше вероятность структурообразования.

Заметим, что, оценивая вероятность образования структуры, также можно учесть вероятность структурообразования на всех предыдущих уровнях.

Рассмотрим условный пример с двухэтапным структурообразованием. Пусть $n = 10$, $U = 10$, $N = 144$, $N_1 = 12$. Сравним вероятность структурообразования за один этап и за два этапа (как произведения вероятностей образования на первом и на втором этапах) с учетом приведенных выше формул x_{\max} для P, P_1 и P_2 :

$$P = 1 - \frac{2}{\sqrt{2\pi}} \int_0^{4.4} e^{-x^2/2} dx = 1.08 \times 10^{-5};$$

$$P_1 \cdot P_2 = \left(1 - \frac{2}{\sqrt{2\pi}} \int_0^{12.7} e^{-x^2/2} dx \right)^2 = 4.16 \times 10^{-2} \gg P.$$

Как можно видеть, поэтапность структурообразования многократно (в данном условном примере с двумя этапами и сравнительно небольшим числом элементов – в 4 тыс. раз) повышает вероятность образования структур.

Заключение

На основе представленного в данной статье исследо-

вания можно сделать следующие основные выводы:

1. Существование изоморфизмов – явления подобия форм и законов, проявляющееся на разных уровнях бытия, в различных предметных областях, — свидетельствует о конечной сложности мироздания, а также указывает на поэтапный характер структурообразования, формирующего многообразие форм бытия.
2. Поэтапный характер присущ всем значимым процессам развития как в неживой, так и в живой природе, а также техническим, экономическим, социальным, информационным и другим системам.
3. Существуют огромное число примеров, которые показывают эффективность, а в ряде случаев (например, при зарождении жизни) безальтернативность поэтапного развития.
3. Основой наблюдаемого многообразия форм и законов бытия является структурообразование, при котором происходит поэтапное образование из простых структур более сложных. Онтологическая суть поэтапного структурообразования сводится к появлению при достижении определенных дискретных количественных изменений новых качеств, а также к закреплению этих качеств.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибков А.А. Обоснование и формализация эволюционного способа познания // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание», 2022, №12, с. 94-99.
2. Красилов В.А. Этапность эволюции и её причины // Русский орнитологический журнал, 2014, том 23, Экспресс-выпуск 1053. С. 3011-3028.
3. Попов А.В. Основные этапы эволюции аквабиосферы // Вестник Санкт-Петербургского университета, сер. 7, 2007, вып. 2. С. 59-69.
4. Длусский Г.М., Расницын А.П. Палеонтологическая летопись и этапы эволюции муравьев // Успехи современной биологии, 2007, том 127, №2, с. 118-134.
5. Туровец О.Г., В.Н. Родионова. Эволюция производственных систем в условиях становления инновационной экономики // Организатор производства, 2008, №2. С. 69-72
6. Snyder-Beattie A.E., Sandberg A., Drexler K.E., Bonsall M.B. The Timing of Evolutionary Transitions Suggests Intelligent Life Is Rare // Astrobiology, vol. 21, num. 3, 2021, pp. 265-278.
7. Кунин Е. Логика случая. О природе и происхождении биологической эволюции. М.: Центрполиграф, 2014, 760 с. С. 479-483.
8. Марков А.В. В поисках начала эволюции // Природа, 2015, №1. С. 3-13.
9. Панов А.Д. Панспермия и механизмы возникновения жизни во Вселенной // Земля и вселенная, 2014, №1. С. 75-82
10. Oba Y., Takano Y., Furukawa Y., Toshiki Koga T., Glavin D.P., Dworkin J.P., Naraoka H. Identifying the wide diversity of extraterrestrial purine and pyrimidine nucleobases in carbonaceous meteorites // Nature Communications, vol. 13, numb. 2008, 2022
11. Штерн Б., Марков А., Мулкиджанян А., Кунин Е., Никитин М. Вероятность зарождения жизни // «Троицкий вариант — Наука» №6(275). С. 1-3
12. Мустафин Р.Н. Роль транспозонов в структурной эволюции геномов эукариот // Гены & Клетки, том XVI, №2, 2021. С. 23-30.
13. Щеголев С.Ю. Современные взгляды на эволюцию: о роли горизонтального переноса генов // Известия вузов. Прикладная нелинейная динамика, т. 21, № 4, 2013. С. 43-76.
14. Harding E.F., Russo A.G, Yan G.J.H., Waters P.D., White P.A. Ancient viral integrations in marsupials: a potential antiviral defence // Virus Evolution, vol. 7, issue 2, 2021, pp. 1-11.

© Грибков Андрей Армович (andarmo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ЭВОЛЮЦИОННЫЙ РОСТ СЛОЖНОСТИ СИСТЕМ. ЧАСТЬ 2. СЛОЖНОСТЬ СИСТЕМ И ЭНТРОПИЯ

Грибков Андрей Армович

доктор технических наук, главный научный сотрудник,
Московский государственный технологический
университет «СТАНКИН»
andarmo@yandex.ru

EVOLUTIONARY GROWTH OF COMPLEXITY OF SYSTEMS. PART 2. COMPLEXITY OF SYSTEMS AND ENTROPY

A. Gribkov

Summary: This article is the second part of the study of the problem of evolutionary growth of complexity of systems. The author suggests the mechanism of local entropy decrease in the isolated system instead of the entropy decrease in the open system. The author explains the phenomenon of local entropy decrease by the presence of entropy fluctuations (dispersion). If the entropy of a system is initially high enough, then the system formed as a result of negative entropy fluctuations retains variability (i.e. a significant level of entropy fluctuations) and is able to evolve, further reducing its entropy. The author describes the described evolution property as the property of local entropy reduction in a system with high entropy. The article also describes the author's methodology for determining the complexity of systems. This methodology simultaneously corresponds to algorithmic and theoretical-information concepts. The author also considers the applied methodology corresponding to the theoretical-multiple concept. This applied methodology was used by the author (with co-authors) in determining the complexity of the control object as part of solving the problem of determining the feasibility of a control system for an industrial robot, CNC machine or mechatronic system.

Keywords: evolution, gradualness, structure formation, complexity, entropy.

Аннотация: Статья представляет собой вторую часть исследования проблематики эволюционного роста сложности систем. В данной статье рассматривается механизм локального убывания энтропии в изолированной системе, предлагаемый автором вместо убывания энтропии в открытой системе. Феномен локального убывания энтропии автор объясняет наличием флуктуаций (дисперсии) энтропии. Если энтропия системы изначально достаточно высока, то образующаяся в результате отрицательной флуктуации энтропии система сохраняет изменчивость (т.е. существенный уровень флуктуаций энтропии) и способна эволюционировать, далее снижая свою энтропию. Описанное свойство эволюции автор называет свойством локального уменьшения энтропии в системе с высокой энтропией. Также в статье излагается авторская методология определения сложности систем, одновременно соответствующая алгоритмической и теоретически-информационной концепциям, и прикладная методология, формируемая в рамках теоретико-множественной концепции, которая была использована автором (с соавторами) при определении сложности объекта управления в рамках решения задачи определения реализуемости системы управления промышленным роботом, станком с ЧПУ или мехатронной системой.

Ключевые слова: эволюция, поэтапность, структурообразование, сложность, энтропия.

Введение

В первой части данного исследования [1] мы показали, что одним из повсеместно встречающихся свойств эволюции (понимаемой как процесс изменения, развития в природе, обществе и любых других естественных и искусственных системах) на различных уровнях мироздания является ступенчатость изменений, реализацией которой является поэтапный характер структурообразования. Под структурообразованием мы понимаем процесс изменения системы при вхождении в нее новых элементов и образовании в ней новых связей. Поэтапное структурообразование с закреплением (т.е. приобретением устойчивости) на каждом из уровней, делает процесс структурообразования намного более вероятным. Во многих случаях поэтапность с закреплением является безальтернативным, обязательным для обеспечения реализуемости развития условием.

В данной (второй) части нашего исследования мы рассмотрим еще одно свойство эволюции мироздания, связанное с наблюдаемым при развитии систем (и соответствующем увеличением их сложности) убыванием энтропии.

Механизм локального убывания энтропии

Наиболее общим (пригодным для описания как термодинамических, так и информационных систем) представлением энтропии системы является ее определение как величины, зависящей от числа вариантов реализации данного состояния системы [2]. Обычно энтропия равна некоторой постоянной величине (для энтропии Гиббса в термодинамике – постоянной Больцмана), помноженной на логарифм числа вариантов, или, что тоже самое, логарифму от числа вариантов, возведенного в заданную постоянную степень.

Отправной точкой любого исследования, связанного

с изменениями энтропии, является установление изолированности или открытости системы, энтропия которой рассматривается.

Для изолированных систем действует закон неубывания энтропии, который устанавливает невозможность устойчивой тенденции понижения энтропии такой системы. Это означает, что изолированные системы самопроизвольно стремятся переходить в менее упорядоченное, хаотическое состояние. На языке энтропии это соответствует переходу в состояния, имеющие большее число вариантов, а, следовательно, и большую вероятность. Эволюция изолированных физических систем со временем приводит к равновесному (хаотическому состоянию), соответствующему максимуму энтропии.

Для нефизических систем (например, живых систем) возможно устойчивое неравновесие [3, с. 32], вследствие чего для них эволюционные процессы не ведут к равновесному состоянию и повышению энтропии. При этом, в рамках анализа устойчивости живых систем также необходимо учитывать, являются ли они в полной мере изолированными или, другими словами, способна ли живая система существовать изолированно.

Для открытых систем возможны два класса эволюционных изменений [4]: «временная эволюция к неравновесному стационарному состоянию», либо «процесс эволюции через последовательность неравновесных стационарных состояний открытой системы». Для обоих классов эволюции достигаемая в результате энтропия не является максимальной, причем для второго класса эволюционных изменений она может последовательно снижаться.

По мнению автора данной статьи, разделение систем на изолированные и открытые, допустимое с точки зрения эпистемологии для упрощения решения отдельных аналитических задач, онтологически не является обоснованным, поскольку не соответствует достоверному представлению бытия. Для любой системы существует надсистема, в пределах которой ограничено ее существование: все прочие системы, элементы и т.д., находящиеся за пределами этой надсистемы, не оказывают на систему существенного влияния. Это значит, что объектом достоверного анализа с точки зрения онтологии должна быть эта надсистема, которую следует считать изолированной, а исследуемую систему рассматривать как локальную область надсистемы.

В данной интерпретации, исследуя примеры убывания энтропии в процессе эволюционных изменений, следует говорить не об убывании энтропии в открытой системе, а о локальном убывании энтропии в изолированной системе. Последнее описание является более точным и полным, в том числе потому, что в его рамках возможно установить требование неубывания энтропии для всей изолированной системы.

Для объективности анализа в связи с последним замечанием необходимо обратить внимание на одно важное обстоятельство, которое обычно упускается. Вторым законом термодинамики (представляющий собой формулировку закона неубывания энтропии в изолированной системе для физических систем) справедлив только при условии сохранения средней энергии системы постоянной. Между тем, достоверных доказательств, что средняя энергия изолированной системы (по крайней мере на некотором уровне организации, определяющем взаимодействия в системе) не может убывать, не существует. Еще более неопределенной является ситуация с информационной энтропией изолированной системы, неубывание которой в условиях возможного сокращения объема информации, очевидно, не обеспечивается. С другой стороны, в ряде работ «выдвигается тезис, суть которого в том, что диссипация (рассеяние) информации в «чистом виде», т.е. в проявлениях, свойственных физическим системам, в информационных системах существовать не может» [5, с. 237].

Проблема однозначного разделения открытых и изолированных (закрытых) систем проявлялась уже в общей теории систем Л. фон Берталанфи. Объектом исследования у него являются системы открытого типа, но строгое определение дается лишь для изолированных систем [6]. Практическое исследование поведения открытых систем у Л. фон Берталанфи возможно только при их представлении в виде эквивалентных систем, т.е. «систем, которые способны достигать заранее определенного конечного состояния независимо от изменения начальных условий, т.е. из различных начальных состояний и различными путями» [7, с. 14]. В этой связи описание открытых систем как локальных областей изолированных систем представляется оправданным и существенно упрощающим анализ их поведения.

Феномен локального снижения энтропии может быть объяснен наличием флуктуаций (дисперсии) энтропии. Любые изменения системы (сближения элементов, объединения, образования связей и т.д.) влекут за собой изменения ее энтропии. Эти изменения в большинстве случаев со временем нивелируются, однако в некоторых отдельных случаях, при определенных условиях флуктуация энтропии может привести к ее необратимому уменьшению, что, в частности, происходит при структурообразовании.

Итак, в изолированной системе может иметь место локальное уменьшение энтропии. При этом, если энтропия системы изначально достаточно высока, то образующаяся система сохраняет изменчивость (т.е. существенный уровень флуктуаций энтропии) и способна эволюционировать, далее снижая свою энтропию. Описанное свойство эволюции мы назовем свойством локального уменьшения энтропии в системе с высокой энтропией. Это важнейшее свойство развития мирозда-

ния. Благодаря ему с высокой вероятностью происходит формирование сложных систем.

Эволюционное свойство локального уменьшения энтропии по своему смыслу близко к одному из базовых законов общей теории систем — закону необходимого разнообразия (в интерпретации Грегори Бейтсона): «... никакая система (ни компьютер, ни организм) не может произвести ничего нового, если не имеет в своём составе некоторый источник случайного...» [8, с. 166].

С констатированным нами свойством локального уменьшения энтропии в системе с высокой энтропией также хорошо согласуется S-теорема Ю.Л. Климонтовича, согласно которой «отрицательная энтропия» (упорядоченность) «порождается, сочетанием случайного изменения состояния системы с последующим необходимым (избирательным) запоминанием результатов изменения» [9, с. 108].

Сложность систем

Существующие методологические подходы к определению сложности систем, можно, согласно А.И. Уемову, представить в виде четырех типов концепций [10, с. 200]: логической (определяются меры некоторых свойств отношений, которые считаются упрощающими); теоретически-информационной (в рамках которой сложность отождествляется с энтропией); алгоритмической (сложность определяется длиной алгоритма, необходимого для определения исследуемого объекта); теоретико-множественной (сложность связывается с мощностью множества элементов, из которых состоит изучаемый объект).

Первая из указанных концепций сложности системы — логическая концепция. Ее первоначальную версию (в виде аксиоматической теории измерения простоты-сложности) предложил американский логик Нельсон Гудман [11], далее его идеи получили развитие в работах Дж. Кемени [12]. С точки зрения Н. Гудмена, проблема измерения простоты-сложности должна ставиться в логическом разрезе. Например, простота-сложность предиката, по Н. Гудмену, зависит от таких его логических свойств, как симметричность, рефлексивность и самополнота [13]. По мнению автора данной статьи, в рамках логической концепции определения сложности систем крайне затруднительно обеспечить достоверность оценки сложности, поскольку результат оценки полностью зависит от выбора используемых логических свойств, значимость которых для сложности системы не может быть верифицирована. Поэтому логическая концепция не может быть использована как универсальный подход к оценке сложности систем.

Попробуем сформулировать собственный методологический подход к определению сложности систем и посмотрим, как он соотносится с теоретически-информационной, алгоритмической и теоретико-множественной концепциями.

Для решения задачи определение сложности системы необходимо ответить на несколько вопросов, характеризующих содержание понятия «сложность системы»: во-первых, необходимо понять, является ли сложность системы понятием онтологическим или эпистемологическим, во-вторых, выявить связи между сложностью системы и ее эволюцией (структурообразованием); в-третьих, сформулировать, какие свойства системы формируют ее сложность.

На первый взгляд ответ на первый вопрос более или менее очевиден: сложность системы – понятие эпистемологическое, связанное с оценкой сложности познания системы [14]. Однако, с другой стороны, сложность системы является отражением результатов ее эволюции (структурообразования), т.е. имеет выраженное онтологическое содержание. Поскольку применительно к сложным объектам, процессам, законам онтологическое описание практически невыполнимо (мы вынужденно оперируем обобщенными понятиями, внутренний смысл которых в большинстве случаев не детерминирован однозначно), то опорным описанием сложности систем является эпистемологическое, а возможность онтологического описания лишь подразумевается.

Отвечая на второй вопрос (о связи между сложностью системы и ее эволюцией) необходимо сразу уточнить, что речь идет об «организованной сложности», т.е. сложности, определяемой с учетом внутренних связей и структуры системы [15, с. 169]. Такая сложность системы формируется в процессе структурообразования: «Сложность и многообразие элементов, связей и отношений объекта как системы обуславливают иерархическое строение системы — упорядоченную последовательность ее различных компонентов и уровней взаимосвязи между ними» [15, с. 19].

Если рассматривать процесс роста сложности систем как результат структурообразования, то можно представить следующий подход к оценке сложности. Система, как совокупность элементов, может быть описана как система выражений (равенств, неравенств, сложных условий и т.д.), связывающих параметры элементов системы. Чем больше таких выражений, тем больше в системе связей и тем система сложнее. При структурообразовании растет число элементов, появляются дополнительные связи, число выражений, связывающих параметры элементов системы растет — система усложняется.

Важной дополнительной характеристикой роста сложности системы является уменьшение ее энтропии. Система выражений, связывающих параметры элементов системы, — это ограничения, определяющие сокращение числа вариантов состояния, в которых может

находиться система (при этом множество состояний системы не обязательно является дискретным). Чем больше выражений и связей, тем меньше диапазон или число вариантов, в которых система может находиться. При структурообразовании, когда формируются новые связи и число выражений, определяющих состояние системы, растет, диапазон или число вариантов, в которых она может находиться, уменьшается. Это соответствует уменьшению энтропии системы.

Таким образом сложность системы можно определять, как число связей между параметрами формирующих ее элементов. Для определения изменения сложности системы можно (наряду с очевидным определением через изменение числа связей элементов) также использовать определение через изменение энтропии. Согласно такому определению, при увеличении сложности системы имеет место снижение ее энтропии, соответствующее сокращению диапазона или числа вариантов состояний системы вследствие увеличения в ней числа связей между параметрами элементов.

Оценивая сформулированные нами определения сложности систем, можно констатировать их соответствие алгоритмической и теоретически-информационной концепциям, которые оказываются неразрывно связанными и взаимодополняющими.

Прикладное количественное определение сложности системы представляет собой нетривиальную задачу, решение которой в значительной степени зависит от специфики анализируемой системы. В ряде случаев наиболее практичной оказывается методология, формируемая в рамках теоретико-множественной концепции [16].

Автором данной статьи с соавторами в рамках решения задачи определения реализуемости систем управления движением промышленных роботов, станков с ЧПУ и мехатронных систем была разработана методология определения сложности объекта управления, соответствующая теоретико-множественной концепции, согласно которой бесконечное множество состояний управляемого объекта сводится к счетному множеству дискретных состояний контролируемых параметров.

В данной методологии сложность Ω объекта управления определяется следующим образом [17]:

$$\Omega = n \cdot m^{1/2} \cdot q \cdot g^{1/2} \cdot p \cdot s^{1/2}. \quad (1)$$

где n и m – число типов элементов и среднее количество элементов одного типа в системе (общее количество элементов $N = n \cdot m$); q и g – число типов связей и среднее количество связей одного типа в системе (среднее количество значимых для управления связей элемента объекта управления $Q = q \cdot g$); p – среднее число контролируемых параметров, посредством которых

описывается состояние отдельного элемента системы; s – среднее число отслеживаемых состояний контролируемого параметра.

В рамках данной методологии сложность рассматривается как обобщенная характеристика элементов системы и отражает сложность состава, структуры и свойств системы. При этом «... сложность состава ... является функцией либо числа элементов, входящих в систему, либо их разнообразия. Сложность структуры системы — это функция числа связей либо их разнообразия. ... сложность свойств системы — функция числа свойств либо их разнообразия» [18, с. 88].

Определение связи между изменением сложности системы, определенной в рамках теоретико-множественной концепции, с изменением энтропии, не так однозначно, как для алгоритмической сложности. При этом оно наглядно проявляется в процессе существования систем. Например, в рамках решения задачи обеспечения реализуемости системы управления движением (робота, станка с ЧПУ или другой мехатронной системы) наблюдается сокращение времени выхода (при отсутствии управления) контролируемых параметров объекта управления (например, позиционирования рабочего органа или скорости его движения) за пределы допустимых отклонений, в результате чего по мере повышения сложности объекта управления требуется все большее быстроедействие системы управления. Формула (1) задает сложность объекта управления равной числу его состояний, каждое из которых должно быть воспроизводимым с заданной точностью. Понятно, что чем выше заданная таким образом сложность объекта управления, тем ниже его энтропия (поскольку задано большее число ограничений) и тем быстрее начинает расти его энтропия в отсутствие управляющего воздействия.

Заключение

На основании приведенных выше исследований можно сделать следующие основные выводы:

1. При рассмотрении эволюционных процессов, сопровождающихся ростом сложности систем целесообразно говорить не об убывании энтропии в открытых системах, а о локальном убывании энтропии в изолированных системах.
2. Одним из важнейших свойств развития мироздания является свойство локального уменьшения энтропии в системе с высокой энтропией. Это свойство заключается в том, что в изолированной системе может иметь место локальное уменьшение энтропии. При этом, если энтропия системы изначально достаточно высока, то образующаяся система сохраняет изменчивость (т.е. существенный уровень флуктуаций энтропии) и способна эволюционировать, далее снижая свою энтропию.
3. Известны четыре типа концепций определения

сложности системы: логическая, теоретически-информационная, алгоритмическая и теоретико-множественная. Все эти концепции тесно связаны, в частности в рамках предлагаемой автором данной статьи методологии алгоритмическая и теоретически-информационная концепции являются взаимодополняющими. Также при решении задачи определения сложности практическим может быть использование теоретико-множественной концепции.

Обобщая содержание первой и второй частей данного исследования необходимо констатировать следующие результаты:

1. Базовыми свойствами, определяющими эволюцию и формирование всего многообразия форм и законов бытия, являются поэтапный характер структурообразования и локальное убывание энтропии в системах с высокой энтропией.
2. Эволюция системы, в частности, увеличение сложности в результате структурообразования, инициируется ее случайным, обратимым или необратимым переходом в менее хаотическое (или более упорядоченное) состояние. Такой переход представляет собой отрицательную флуктуацию эн-

тропии. При этом не всякая отрицательная флуктуация энтропии системы является необратимой, т.е. закрепляется в виде изменения системы. Такие закрепляемые изменения происходят ступенчато, при определенных количественных изменениях свойств системы. Эти ступенчатые (поэтапные) изменения связаны с появлением в системе новых качеств (например, новой структуры или нового типа связей параметров элементов системы), благодаря которым система приобретает новые механизмы устойчивости. Именно поэтому становится возможным закрепление изменений системы.

3. Известные парные понятия «устойчивость и свобода» [19], определяющие сохранение мироздания в процессе его развития, в контексте роста сложности систем предстают в виде парных свойств эволюции мироздания: «поэтапное структурообразование» (за счет закрепления изменений) и «локальное убывание энтропии» (за счет ее флуктуаций). При этом роль этой пары свойств заключается в сохранении устойчивости мироздания в процессе поэтапного структурообразования, сопровождающегося неуклонным ростом сложности формирующих мироздание систем.

ЛИТЕРАТУРА

1. Грибков А.А. Эволюционный рост сложности систем. Часть 1. Поэтапное структурообразование // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Познание», 2023, №6, с. 63-67.
2. Кочетков А.В., Федотов П.В. О различных смыслах понятия «энтропия» // Интернет-журнал «Науковедение», 2015, том 7, №6
3. Бауэр Э.С. Теоретическая биология // М.-Л., Изд. ВИЭМ, 1935. 151 с.
4. Климонтович Ю.Л., Критерии относительной степени упорядоченности открытых систем // УФН, 1996, том 166, №11. С 1231-1243
5. Андрианова Е.Г., Мельников С.В., Раев В.К. Диссипация и энтропия в физических и информационных системах // Фундаментальные исследования, 2015, №8. С. 233-238.
6. Рапопорт А. Различные подходы к общей теории систем / в сборн. «Системные исследования. Ежегодник 1969». М.: Наука, 1969. 204 с. С. 55-79.
7. Блауберг И.В., Садовский В.Н., Юдин Э.Г. Системные исследования и общая теория систем / в сборн. «Системные исследования. Ежегодник 1969». М.: Наука, 1969. 204 с. С. 7-29.
8. Бейтсон Г. Разум и природа / А. И. Фет. Собрание переводов. Philosophical arkiv. Nyköping, Sweden, 214 с.
9. Марков А.В. Рождение сложности. Эволюционная биология сегодня: неожиданные открытия и новые вопросы. «Corpus (ACT)», 2015. 322 с.
10. Уемов А.И. Системный подход и общая теория систем. М.: «Мысль», 1978. 272 с.
11. Goodman N. Axiomatic Measurement of Simplicity // The Journal of Philosophy, 1955, vol. 52, №24, pp. 709-722.
12. Kemeny J.G. Two Measures of Complexity // The Journal of Philosophy, 1955, 52, №24, pp. 722-733.
13. Савусін М.П. Категоріальний теоретико-системні засади концепції простоти-складності // Наукове пізнання: методологія та технологія, 2015, №1(34). С. 151-167.
14. Думов А.В. Понятие сложность в философских контекстах: семантическая и прагматическая специфика // Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Гуманитарные и общественные науки, 2021, т. 5, № 4(20). С. 328-337.
15. Садовский В.Н. Основания общей теории систем. Логико-методологический анализ. М.: «Наука», 1974. 280 с.
16. Эшби У.Р. Теоретико-множественный подход к механизму и гомеостазису / в сборн. «Исследования по общей теории систем. Сборник переводов». М.: «Прогресс», 1969. 520 с. с. 398-441.
17. Зеленский А.А., Кузнецов А.П., Илюхин Ю.В., Грибков А.А. Реализуемость управления движением промышленных роботов, станков с ЧПУ и мехатронных систем. Часть 1 // Вестник машиностроения, 2022, №11. С. 43-51.
18. Горский Ю.М. О некоторых возможностях исчисления организованности при системном анализе / в сборн. «Системные исследования. Ежегодник 1974». М.: Наука, 1974. 230 с. С. 87-99.
19. Грибков А.А. Паттерны общей теории систем. Часть 2. Паттерны устойчивости систем // Контекст и рефлексия: философия о мире и человеке, 2022, №6. С. 5-15.

© Грибков Андрей Армович (andarmo@yandex.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

«ФИЛОСОФСКО-РЕЛИГИОЗНОЕ СОЛО» В.В. РОЗАНОВА

"PHILOSOPHICAL AND RELIGIOUS SOLO"
BY V.V. ROZANOVM. Kovaleva
A. Telegin

Summary: One of the most acute issues of self-reflection of domestic culture at the turn of the century is the question of whether philosophy, art, science, journalism, politics are able to decide in a new way in a situation when they are ready with all sanity and responsibility to reckon with the reality of non-philosophical, non-artistic, non-scientific, non-political, when the reality of God as the semantic limit determines their field of activity. Does this lead to a «dead end of intermediate,» demonstrated in Russia at the turn of the XIX-XX centuries in parallel with religious thought, the developing phenomenon of religious painting? The article attempts to comprehend the philosophical and religious quest of V.V. Rozanov. The genre originality, style, and inconsistency of his works when considering the themes of Christianity, the Church, and God-seeking made his philosophical intuitions one of the most original in Russian metaphysics.

Keywords: God, Christianity, Orthodoxy, church, world, Russian religious philosophy, sophiology, God's message.

Ковалева Марина Валерьевнакандидат философских наук, доцент, Курская академия
государственной и муниципальной службы
kmtv-46@yandex.ru**Телегин Александр Александрович**кандидат философских наук, доцент, Курский
государственный университет
taa78@mail.ru

Аннотация: Одним из острейших вопросов самоосмысления отечественной культуры на рубеже веков является вопрос о том, способны ли философия, искусство, наука, публицистика, политика по-новому определиться в ситуации, когда реальность Бога как смыслового предела определяет их поле деятельности. Не ведет ли это в «тупик промежуточности», продемонстрированный в России рубежа XIX-XX веков в параллельно религиозной мысли развивавшемся феномене религиозной живописи? В статье предпринята попытка осмыслить философско-религиозные искания В.В. Розанова. Жанровое своеобразие, стиль, противоречивость его работ при рассмотрении тем христианства, Церкви, богоискательства, сделало его философские интуиции одними из наиболее оригинальных в отечественной метафизике.

Ключевые слова: Бог, христианство, православие, церковь, мир, русская религиозная философия, софиология, богообщение.

Одним из острейших вопросов самоосмысления отечественной культуры на рубеже веков является вопрос о том, способны ли философия, искусство, наука, публицистика, политика по-новому определиться в ситуации, когда они со всей вменяемостью и ответственностью готовы считаться с реальностью внефилософской, внехудожественной, вне научной, внеполитической, когда реальность Бога как смыслового предела определяет их поле деятельности. Не ведет ли это в «тупик промежуточности», продемонстрированный в России рубежа XIX-XX веков в параллельно религиозной мысли развивавшемся феномене религиозной живописи?

Самоназвание и самоосмысление русской религиозно-философской мысли свидетельствует о том, что в отличие от религиозных художников, русские религиозные мыслители не сознавали собственной сомнительной промежуточности. Свое дело они оценивали как религиозные искания, последние же – как философствование. Для большинства из них немислимой была перспектива стать просто и только философом или просто и только богословом. За редчайшими исключениями русские мыслители считали себя философами, стоящими на религиозных позициях и философствующими исходя из собственного философского опыта. Сам этот опыт понимался как нечто исключительно внутреннее,

интимное, неповторимое и выражающее самое существование для человека и в человеке. Менее всего в понятие такого опыта входило участие в литургической жизни Церкви, церковное восприятие догматов и тем более творений Отцов Церкви. Слишком часто под религиозным опытом подразумевалась обращенность к мирам иным, восприятие мистического как такового. Религиозным признавалось едва ли не всякое глубокое и проникновенное восприятие мира, если оно устремлялось за пределы наглядно очевидного. Совершенно не случайно русская религиозно-философская мысль никогда и никем не была названа православной или хотя бы русской христианской мыслью. Она тяготела к религиозности как таковой. В известном смысле и на самые разные лады у каждого мыслителя было то, о чем предупреждал Феофан Затворник - свое отношение с Богом и свой Бог. Встречу именно с этим Богом и опыт такого богообщения и стремился выразить каждый мыслитель в своих философских построениях. Это относится, в частности, к послеязыческим акцентам и нюансам русской софиологии, к христианско-гностическим акцентам Н. Бердяева, к демонстративной отчужденности от какого-либо вероучения у Л. Шестова, к булгаковскому нежеланию отделить мир от Бога, софиологической экспансии в православное богословие у П. Флоренского и т.д. Все эти версии ярко демонстрировали контуры другого полюса исключительности собственного религиозного

опыта. Этот полюс включал в высшей степени неопределенное представление о религии и религиозности. В той или иной форме подразумевалось, что существует религия и религиозность вообще. Не православие, католицизм или какая-либо из протестантских конфессий, не иудаизм, буддизм или мусульманство, а непосредственная внутренняя глубокая связь с Богом, по отношению к которой всякая конфессиональная определенность вторична, банальна и носит внешний характер. Подобная конфессиональная неопределенность была господствующей в русской религиозно-философской мысли тенденцией. А наиболее оригинальной версией этой тенденции можно считать «религиозное соло» В.В. Розанова, выводящее к типологическим характеристикам, проблемам, «изломам» постсоветского религиозного сознания. Не случайно так часто цитируют его работы спустя век после их появления современные православные миссионеры, публицисты и даже иерархи. Именно это «соло» может прояснить, чем в действительности является последователь не определившаяся религиозная мысль, возможна ли вообще реализация её заявки как на свою религиозность, так и на философичность.

Нельзя не обратить внимание на то, что среди различных вариантов проверки русской философии на философичность (чаще всего не выдерживавшейся) излюбленным приёмом являлось и является сопряжение её с религией и публицистикой, поскольку она состоялась именно в рамках текстов не собственно философских «жанров». При этом одни из русских мыслителей (В.С. Соловьев) использовали религиозно-публицистические ходы, внешним образом оформленные под философию, другие (прежде всего В. Розанов) использовали скорее обратное: публицистическая форма, которая позволяет проявляться внутри себя некоторым философским импульсам. Конечно, в тексте публицистического жанра, как это показал Ф. Ницше, может выразиться не всякая философская мысль или тема, между философской формой и ею оформляемым есть не всегда разрешимое в пределах одной биографии противоречие.

В. Розанов был (если не считать ранний трактат «О понимании») выраженным публицистом, писал на темы привычные для газет и журналов (в том числе о христианстве, а в нем особо о Православии, Церкви, монашестве). Собственной доктрины этот «сверхпублицист» не создавал, но после прочтения его текстов, обескураживающих бесперспективностью поиска в них смыслового ядра, едва ли не любое причастное к русской религиозной философии сочинение воспринимается чем-то сухим и пресным, претенциозным и натянутым, трескучим и пустым. Что же в его творчестве порождает хорошо знакомую многим способность задавать масштаб всему остальному в русской традиции?

Вглядеться в «стиль» и приемы розановского «ре-

лигиозного соло» можно на примере самых разных текстов. Это и яркие страницы периода «в жару православия», и совершенно чудовищные размышления о природе Бога в контексте «допросов православия», и еще более шокирующие тексты в стиле «Апокалипса нашего времени». В нашем распоряжении как интимное выговаривание автором самых сокровенных мыслей и переживаний в «Уединенном», «Опавших листьях», так и почти официальные тексты. Примером последних может служить доклад «О сладчайшем Иисусе и горьких плодах мира», прочитанный в религиозно-философском обществе и отраженный в книге «Темный лик». Этот текст в целом неудачный, но вопреки царящему в нем произволу он обнаруживает важные особенности, выстроен на противопоставлении заявленных в его заглавии реалий. Первая его часть посвящена не столько сладости Иисуса и горечи плодов мира, сколько их несовместимости и необходимости выбирать между ними [1, с. 442]. Говоря строго, всё в этом тексте искажено и прямо «наврано», начиная с того, что такое «с христианской точки зрения». О доктрине ли идет речь или об опыте жизни христианина, церковных правилах или возможностях их исполнения? Если первое, то в ней различается христианская жизнь в ее святости и в ее более сниженных вариантах. А если автор имеет в виду второе, то разве в опыте жизни христианина невозможны «усилие, прыжок, игра» в качестве безупречного исполнения своего христианского долга, а не как слабость и прегрешение? У автора доклада принадлежность христианству предполагает пребывание в какой-то особой надмирной сфере или выход из нее как в некоторое более или менее дозволенное послабление несовершенству человеческой природы. Как будто не было ни христианского искусства, ни литературы, ни семейной жизни, когда люди погружались в них и от Бога не отдалялись. По логике Розанова есть или Бог, или мир, и вовсе нет мира Божия. Если не во всяком искусстве и не во всякой семье можно и «прыжок совершить», и обрести Бога, то это вовсе не значит, что ни в каком. Розанов принимает как единственно возможное то, что мир сам по себе – это сладость в нем самом (терпимость и поущение человеческим слабостям) и христианству с этой сладостью ничего не поделать. Он не видит в сладости мира присутствие Бога, не признаёт того, что нет для христианина таких полутонов как «сладость мира-варенья» и евангельская «пепельная грусть» там, где речь идет о спасении или гибели, что сами эти полутона это только и слишком человеческое. «Неземным» Евангелие может быть признано только в том отношении, что «земному» предъявляет трудно (в силу нежелание видеть своего греха и своей злой воли) исполнимые требования. Но оно же открывает перспективу преображения того, к кому обращено, даже отвергающего его, и поэтому оно вполне «земное».

Автору доклада, как и светским участникам религиозно-философских собраний, не приходит в голову, что

возможна встреча неба и земли. Они как посторонние люди, сами ни за что в мире не отвечающие, взыскуя и скорбя предъявляют счет христианству и Церкви. Далее идут совершенно чудовищные размышления о природе Бога и мира, не соответствующие тому, что догматически утверждала Церковь, не только не имеющие отношения к христианству, но и вообще ни к чему, кроме авторского произвола. Не менее произвольна и заключительная часть доклада, содержащая эстетическое восприятие Христа и сближение, отождествление его со смертью. Розанов предлагает стать зрителем небывалого прекрасного зрелища, как будто не подозревая вовсе, что христианин в отношении страданий Христа никакой не зритель. В истории христианства были моменты, когда смерть Иисуса Христа выходила на передний план, заслоняя собой Воскресение (не в церковной доктрине, а в индивидуальном религиозном опыте католических святых). Но эти «вглядывания в Христа как распятого» сочетались всегда с темой сораспятия Ему. У Розанова же есть сам Розанов и христианство со своим, не его Христом, на них он смотрит с точки зрения пребывания в мире, который, по Розанову, ничем с Христианством не связан. Итак, из содержания доклада следует, что его автор предъявил своё христианство, своего Христа, своё видение связи Бога и мира, пытается приватизировать реалии, которые тем и держатся, что в принципе не могут быть чьими-то мнениями, предположениями. Даже не считаясь с церковным вероучением, Розанову необходимо было для начала соотноситься с ним, принять его во внимание (как этого требует элементарная философская культура антитетики). Но Розанову нужны свои, почерпнутые из каких угодно источников, только не из опыта Церкви, интимно близкие ему инфантильно воссозданные Христос и христианство, или не нужны никакие.

Какие смыслы розановской речи могут быть значимы поверх и сквозь неточности или неадекватности его суждений и характеристик? При чем здесь философия? Приходится считаться с тем, что предъявление себя читателю Розановым не было одним только «самовыражением». Он говорил не только со своего голоса, живо ощущая в себе реальность, бесконечно его превосходящую. В отличие от религиозно-философских публицистов в роли пророков (Мережковского, Бердяева), у него нет ни торжественности, ни возвышенного тона, он говорит буднично, как о деле давно решенном о слиянии своей жизни, мыслей и писаний с Божеским «хочу»: «...какое-то непреодолимое внутреннее убеждение мне говорило, что все, что я говорю, хочет Бог, чтобы я говорил...» [2, с. 248-249]. Эта доходившее до «раскаленности» убеждение – сопряжение с истиной. Розанов весь в земном, текущем и мимолетном, общественном и уединенном. Но он почему-то уверен, что Бог неуклонно направляет его и следует за ним в мире «слишком человеческого». Именно потому, что высшее единство дано не литератору Розанову, а Богу, Розанов позволяет себе «небреж-

ность», заведомые неточности, срывы. В нем как будто заговорил не мистик и не пророк, и не просто частный человек, а прямо-таки «маленький человек с пылью и мелочью в душе», да ещё заговорил как право имеющий судить обо всем на свете, и на земле и даже на небе. Он предполагает, что со своим «маленьким» разумением и чувствительностью видит все и вся с последней ясностью и истинностью. А если и не видит, то Бог позволяет ему так смотреть. Каким-то образом мудрость его все равно не от мира сего. Розановские писания не раз сближались с юродством [3, с.452], и в таком сближении есть смысл. Юродством веет от многих соседних цитат в «Уединенном», содержащих намеки на опаматование. Самое очевидное юродское в них то, что Розанов дразнит читателя переворачиванием мира с ног на голову, точнее же, разъяснением, где на самом деле находится голова, а где ноги. Но разрушением мира видимости и привычки он не просто ошарашивает, Розанов беспомощен, не ощущая памяти о нем Бога. А этого как раз требовало его «юродство».

Уже сама по себе возможность сближения розановских писаний с юродством свидетельствует о зыбкости его позиции как философа. Если он и философ, то весьма парадоксальный, проявляющийся поверх и сквозь своей самой откровенной и вызывающей нефилософичности. Философия Розанова так трудно узнаваема в качестве философии ещё и потому, что в ней он не желает отделять временного от вечного, чувственно-воспринимаемое от умопостигаемого. Философские константы для Розанова почти не существуют, а сама его философия, несмотря на это дает о себе знать. Она умудряется обнаруживать себя без всякого намека на теорию, учение, доктрину, которые, по его мнению, уводят человека от человеческого в себе и никакой встречи с «божественной мудростью» не обещают. Розанов предпочитает теоретической работе вспышку понимания, некоторое прозрение, в точке которого он весь сосредотачивается. Настоящую цену прозрения и вспышки понимания можно установить, заведомо приняв во внимание хроническую неокончателность его мысли. И ничего не меняет категорическая утвердительность тона, страстная захваченность проговариваемым, меткость и точность, глубина. У него, так напористо вкладывающего себя в предметы рассмотрения и создаваемые образы, оставалось смутное ощущение невысказанности главного в предмете и образе за счет преобладания в них самого Розанова. Выход из этого затруднения один – увидеть в том, о ком или о чем пишешь еще нечто радикально иное, несовместимое с ранее сказанным или прямо противоположное. Так, например, в фрагментах из писем и произведений сопричастствуют совершенно разнородные розановские голоса. Один характеризует монашество как «крылья, поэзию, полёт, свободу и философию христианства», другой через несколько минут после расставания с монастырем забывает о нем как о «легком приглянувшемся облачке». Один

кричит о смерти России и ее воскресении в молитве, тогда как другой – о смерти как переходе к жизни. Как истинный христианин от всей своей горестной души молится Богу в надежде на воскресение России. Молитва адресована Богу Живому, но по мере произнесения все более сворачивает в сторону языческих интуиций, нежелания признавать, что то, что Бог хочет от человека, может быть, не совпадает с собственным хотением человека, даже отрицает его. Невозможно разобрать, каков же его действительный, настоящий Бог. Обратился к одному, и в его чертах проступает совсем другой, причем в самом главном и важном («отчаянно важном»). И вот уже появляется намек – предположение, что никакого Бога нет, или же «богом является солнце». Так распространенная в России не подкрепленная внутренними ресурсами философская игра в вольного мыслителя, не признающего никаких правил игры, позволяла без каких-либо самоограничений рассуждать о том, что знает один Господь Бог, укоряя философию в ограниченности и отвлеченности. С такой манерой мыслить действительно трудно перед чем-либо остановиться в нерешительности, не попробовать своих сил. Другое дело, что решение проблемы в этом случае не будет ни философским, ни богословским, ни научным. Не только у Розанова сохранились

такие странные иллюзии по поводу философии, неотличимость мнений и убеждений от собственно философских знаний, нечувствительность к неперемennomu и обязательному в мысли, чуждость какой-либо философской аскезе. Это едва ли не родовая черта русской религиозно-философской мысли. В конечном итоге сознательно или бессознательно это ведет к растворению Божественного (сакрального) в космическом, делает неизбежными языческие акценты и нюансы, порождаемые склонностью к обрамлению реальности сакрального-профанного реальностью космоса-хаоса. В этом случае ближе становятся не девятьсот лет воцерковления и пребывания в Церкви, не христианская выделка души и жизнь в Боге, а многотысячелетняя толща язычества. Розанов по крайней мере не претендует на окончательное и всеобъемлющее философское слово. К счастью, не всякая философия претендует на то, чтобы быть великой и классической, хотя последняя не только питается относительно бесформенным философствованием, но и вряд ли была бы возможна без него. И это еще раз обращает внимание на религиозное соло В.В. Розанова, необходимость извлечь из него подлинное и живое, но преодолеть ведущую в тупик неспособность принять ни религиозное, ни философское самоограничение.

ЛИТЕРАТУРА

1. Розанов В.В. Несовместимые контрасты жития. М., 1990. 605с.
2. Розанов В.В. Уединенное. Т. 2. М., 1990. 712с.
3. Сапронов П.А. Русская философия. СПб., 2008. 480с.

© Ковалева Марина Валерьевна (kmv-46@yandex.ru), Телегин Александр Александрович (taa78@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЕ ОСНОВАНИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ ОБРАЗОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННОЙ МЕДИАСРЕДЫ

Рязанова Татьяна Александровна

Новосибирский государственный технический университет
ps1970_2010@mail.ru

SOCIO-PHILOSOPHICAL GROUNDS FOR THE STUDY OF EDUCATION IN THE CONTEXT OF THE MODERN MEDIA ENVIRONMENT

T. Ryazanova

Summary: The article is devoted to the current problem of reflection of socio-philosophical knowledge on modern changes in the paradigm and content of education. The subject area of the study, when examined in detail, turns out to be quite wide, including the interpretation of definitions and the description of the content of scientific and methodological approaches. An abstract review of the sources indicates both the relevance of the chosen topic and that its research is fragmentary, concentrating on the study of individual aspects. In part, this is due to the dynamics of social changes that require socio-philosophical analysis.

Keywords: media, media space, media communications, media environment, communications, education, virtual reality, value orientations.

Аннотация: Статья посвящена актуальной проблеме рефлексии социально-философского знания на современные изменения парадигмы и содержания образования. Предметная область исследования при детальном рассмотрении оказывается достаточно широкой, включающей в себя интерпретацию дефиниций и описание содержания научно-методических подходов. Реферативный обзор источников свидетельствует как об актуальности выбранной темы, так и о том, что ее исследование фрагментарно, концентрируется на изучении отдельных аспектов. Отчасти, это обусловлено динамикой общественных изменений, которые требуют социально-философского анализа.

Ключевые слова: медиа, медиaprостранство, медиакommunikации, медиасреда, коммуникации, образование, виртуальная реальность, ценностные ориентации.

Развернутое определение информационного общества предполагает, что информация приобретает особенную ценность и основание общественных отношений во всех сферах жизни.

Однако, эта позиция неоднократно подвергалась критике, так как любое общество является информационным. А. Бард в своей концепции, получившей название нетократия, указывает лишь эволюцию средств коммуникации, которые изменяли общество.

Н. Луман уделял большое внимание понятию коммуникации.

Неофункционализм Н. Лумана возник на основе структурно-функционального анализа и дал ему новую научную жизнь в новой теоретико-методологической форме.

Социологическая теория Н. Лумана строится вокруг двух ключевых понятий «система» и «коммуникация», где коммуникация понимается как процесс фиксации и формирования социальной реальности.

В исследованиях современного цифрового общества, для понимания содержания коммуникаций ключевое значение имеет понятие медиaprостранства, в котором

происходит коммуникативное взаимодействие.

Частный, но показательный пример трансформации и социальных повседневных практик, и подходов к оценке этических категорий (ответственности) в цифровом обществе. Неформальное межличностное общение широко распространено в социальных сетях.

Важным теоретическим вопросом является обоснование подходов репрезентативных характеристик гроз социальной коммуникации в цифровом обществе. Для решения поставленной исследовательской проблемы, представляется необходимым, дать детализированное описание и определение ненасильственной социальной коммуникации в виртуальном пространстве и обозначить основные угрозы.

В качестве выводов, следует констатировать то, что сегодня отсутствует комплексное теоретическое обоснование понимания виртуальной реальности, а также понимания противодействия насилия и кибербуллинга (Интернет-травля) в цифровой коммуникации. Виртуальная реальность является отражением индивидуальных эмоционально-психологических ценностей субъекта и объекта цифровой коммуникации.

Качество межличностных отношений, опосредован-

ное глубоким проникновением цифровизации в повседневную жизнь и деятельность человека, представляет собой интересный предмет исследования.

Отмечается, как феномен культуры, технические средства медиа обогащают культурные практики и расширяют горизонт социального.

Медиасреда как пространство коммуникации принципиально агональна, конкурентна, является в конечном счете доступной массам агорой с неизбежным «баттлом», то есть войной мнений [8].

Для образования это означает как трансформация в более открытую и доступную среду, изменение образовательных технологий, так и само содержание образовательного процесса.

Однако, как социальный и культурный феномен, медиа существовали не только в цифровой среде.

Так, влияние медиа на формирование социальных компетенций обозначилось достаточно давно, как и программы по регулированию воздействия медиакоммуникации на общество.

Система медиаобразования должна изменять взаимоотношения человека и медиа как субъектов медиарелятивности [2].

Медиасреда обладает свойством глобальности и оказывает влияние на формирование социальной компетентности.

Содержание воздействия медиасреды на образование рассматривается с антропологической и культурологической концепции.

Н.Б. Ковалева в своем исследовании приходит к формулировке задач медиаобразования:

1. формирование ценностей познания и конструирования картины мира;
2. развитие способности к самообразованию на основе способности ориентироваться в информационных потоках;
3. разработка и применение медиакультурных моделей;
4. формирование исследовательских навыков;
5. учет возрастных особенностей;
6. развитие способностей к дискуссии через практику рефлексии [4].

Реферативный обзор публикаций по теме исследования указывает на то, что направлением социально-философского исследования является сама интерпретация основных понятий.

Это затрагивает не только дефиниции «медиакоммуникации», «медиапространство», «медиаобразование» через выявление и описание их репрезентативных характеристик, но и дополнение понятий образование, коммуникация, компетенции с позиции современной парадигмы цифрового общества.

Ответ на эти вопросы, по мнению автора, лежит в плоскости ответа на вопрос о роли и месте философии в медиапространстве.

Е.Н. Ищенко опирается на вневременную задачу философии, которую формулировал В. Дильтей и которая исходит из того, что жизненные идеалы и ценности подвергаются новой проверке [3].

Образование как форма субъект-субъектного взаимодействия, которое выполняет инструментальные функции регулирования социальной и профессиональной адаптации в обществе, а также как механизм передачи гуманистических ценностей, сталкивается с проблемами трансформации ценностей.

Наглядным примером является актуальная проблема кибербуллинга.

Очевидно, что существующие теоретические подходы, в том числе в философии ненасилия, основывается на психолого-педагогических подходах, которые не соответствуют современной виртуальной реальности.

Даже само определение и описание явлений, таких, как кибербуллинг, еще теоретически не проработаны [6].

Этические противоречия являются одной из ключевых проблем социально-философского анализа.

Как утверждают Бакштановский В.И., Богданова М.В., прикладная этика в инновационной парадигме выступает в двух ипостасях – как конкретизация морали в нормативно-нравственных подсистемах и как проектно-ориентированное знание направленное на изменение подсистем [1].

Подходы к социально-философскому анализу медиапространства разбиваются на исследование отдельных аспектов.

Автор предлагает определить направления социально-философского исследования образования в медиапространстве с нескольких позиций.

Во-первых, инструментальная, которая подразумевает изменение функциональных особенностей образования под воздействием медиасреды.

Философское осмысление современных технологий

образования, переосмысления парадигмы взаимодействия преподавателя и обучающегося, определение рисков современных технологий и открытости образовательных ресурсов являются основными задачами в рамках инструментального направления социально-философского исследования.

Во-вторых, социально-философский анализ последствий интеграции образования в медиaprостранство.

Интернет стал открытой площадкой для дискуссии, где создаются большие возможности с точки зрения свободы мнения и плюрализма, так и со стороны социальных угроз через продвижение социально опасного контента.

Современные исследования, осуществляемые в рамках сетевой парадигмы, связаны с обоснованием коммуникативной солидарности как инновационной формы социальных взаимодействий в рамках виртуальных сетевых структур. В частности отмечается, что виртуальные сети в настоящее время являются одним из самых действенных факторов привлечения молодых людей к различным деструктивным молодежным субкультурам [5].

В-третьих, важно непосредственно проанализировать влияние медиа на содержание образовательного процесса, актуальности и востребованности образования.

Интеграция медиаресурсов в образовательную среду предполагает синтез трех подходов:

1. Философско-диалогический: интерпретация медиaprостранства как среды формирования пространства диалога культур через обмен мнениями, культурными особенностями, имеющей своей целью взаимообогащение всех участников коммуникации в образовании;
2. Социально-философский: оценка медиатехнологий с позиции философской методологии;
3. Педагогический: инструментальное применение средств массовой коммуникации в достижении задач педагогического процесса [7].

Изменение и структуры, и содержания социальных отношений в контексте цифровой трансформации общества, лишь отдаляет исследователей от формирования общей интерпретации и определения ценностей.

Содержание ценностного восприятия в современном мире неоднородно в зависимости ототдельно затрагиваемых аспектов социальной жизни.

Самым ярким показателем изменений коммуникационной среды являются межличностные отношения, их конструирование и организация. Цифровизация накладывает свой отпечаток на повседневные практики межличностного взаимодействия.

Непосредственный физический контакт заменяется взаимодействием в формате и по правилам виртуальной реальности.

А что есть виртуальная реальность и какая ценностная система составляет ее фундамент? Возможно, предположить, что общечеловеческие гуманистические ценности, так как виртуальная реальность является продуктом человеческой творческой деятельности.

Но и это утверждение ставится под сомнение. Очевидно, что социальные контакты в виртуальной реальности, в том числе и на межличностном уровне носят обезличенный, латентный характер, где субъекты взаимодействия искусственно создают себе образ, наделяют его теми репрезентативными характеристиками, которыми не обладают в объективной реальности.

Границы виртуальной и объективной реальности в общественном восприятии размываются, то, что раньше было немислимо без физического и вербального взаимодействия, сейчас заменяется виртуальным аналогом.

Обеспокоенность вызывает тот факт, что Интернет и виртуальное пространство предлагают много развлекательного контента, тем самым порождая ценность удовольствия и гедонистические ценностные установки.

Акцент стоит делать даже не на содержание распространяемой информации, так как любой другой источник или материальный носитель также может нести деструктивную и вредоносную информацию. Основной проблемой является опасность разрушения и пересмотра традиционных общегуманистических ценностей с изменением самой технологии межличностного взаимодействия, неограниченного общественным контролем и возможными как юридическими, так и социально-этическими санкциями.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бакштановский В.И., Богданова М.В. Инновационная парадигма прикладной этики: миссия (не)выполнима? // Этическая мысль 2021. Т. 21. № 2. С. 143–155
2. Гаврилов А.А. Социально-философское осмысление теоретических и практических проблем медиаобразования // Омский научный вестник. № 5 (122). 2013. С. 113–116
3. Ищенко Е.Н. Философия в современном медиaprостранстве // Вестник ВГУ. Серия: Философия. №1. 2016. С. 12–21

4. Ковалева Н.Б. Медиаобразовательные перспективы рефлексивно-позиционного развития личности и способностей учащихся // Медиаобразование. MediaEducation. 2017. № 1. С. 9-25
5. Кучукян А.В. Феномен коммуникативной солидарности в молодежных протестных сообществах // Историческая и социально-образовательная мысль. Том 9. №1/2. 2017. С. 122-128
6. Назаров В.Л., Авербух Н.В., Буйначева А.В. Буллинг и кибербуллинг в современной школе // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 2. С. 169–205. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-2-169-205
7. Соловьева Е. Формирование медиареальности // Исследовательский центр медиафилософии. URL: <http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/research/mediareality6/>
8. Хайдарова Г.Р. Медиасреда как пространство культурной практики: борьба за воображаемое // Общество. Среда. Развитие. №1. 2018. С. 45-51.

© Рязанова Татьяна Александровна (ps1970_2010@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Новосибирский государственный технический университет

ФЕНОМЕН «ВЕРЫ» В ПРОЦЕССЕ НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ

Скопа Виталий Александрович

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент российской академии естествознания, Алтайский государственный педагогический университет, г. Барнаул
sverhtitan@rambler.ru

THE PHENOMENON OF "FAITH" IN THE PROCESS OF SCIENTIFIC COGNITION: HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL ANALYSIS

V. Skopa

Summary: The article deals with the phenomenon of "faith" and its role in the process of scientific knowledge through historical and philosophical analysis. The problem of the concept of "faith" was considered by philosophers, psychologists, sociologists, methodologists in various aspects and interpretations in historical chronology. Ancient thinkers noted the incompleteness of the justification of faith, the "inferiority" of its statements based on sensory experience and the traditions of everyday consciousness. The problems of faith and knowledge were significantly transformed in the Middle Ages. Faith was understood and interpreted in a purely religious sense - faith in the existence of God. In modern times, philosophy has ceased to support the idea of the primacy of faith over knowledge, but the tradition of their logical opposition has been preserved. The Age of Enlightenment transformed this category, giving it a different place. Enlighteners become alien to the naive belief in a simple and easy way of knowing the truth.

Keywords: philosophy of scientific knowledge, "faith", objectivism, scientific theory, methodology of science.

Аннотация: В статье рассматривается феномен «веры» и ее роль в процессе научного познания посредством историко-философского анализа. Проблема понятия «вера» рассматривалась философами, психологами, социологами, методологами в различных аспектах и трактовках в исторической хронологии. Античные мыслители отмечали неполноту обоснованности веры, «неполноценность» ее утверждений, основанных на чувственном опыте и традициях обыденного сознания. Проблемы веры и знания существенно трансформировались в Средневековье. Вера понималась и трактовалась сугубо в религиозном смысле – вера в существование Бога. В Новое время философия перестала поддерживать идею примата веры над знанием, но сохранилась традиция их логического противопоставления. Эпоха Просвещения трансформировала данную категорию, отводя ей иное место. Просветителям становится чужда наивная вера в простой и легкий путь познания истины.

Ключевые слова: философия научного познания, «вера», объективизм, научная теория, методология науки.

Понятие «вера» в широком плане весьма многоаспектно, поскольку включает в себя и гносеологическое содержание и психологическое [1]. Но наиболее разработанным аспектом ее выражения, на наш взгляд, является религиозный вариант, который имеет достаточно длительную историю своего происхождения и развития. Понятие вера чаще всего соотносят с религией, но в тоже время, вера – это не только религиозное, но и внерелигиозное явление, которое постоянно в жизни существования и деятельности человека, независимо от его отношения к религии [16].

В западноевропейской традиции издавна сложилось деление веры как гносеологический феномен в отношении ее к истинному знанию, и как веру, связанную с религиозным объяснением мира [5].

Необходимость специального анализа понятие «вера» возникла в связи с тем, что один из основоположников современного постпозитивизма, британский методолог науки М. Полани в процессе справедливой критики одностороннего «объективизма», господство-

вавшего в научном познании вплоть до XX века, обратил особое внимание на феномен веры в познавательной деятельности ученых [12]. Чуть позже к нему присоединились Т. Кун, П. Фейерабенд, И. Лакатос. Так, уровень влияния и роль веры в становлении научного знания был хорошо отражен в работе Т. Куна «Структура научных революций». В ходе становления новой парадигмы и кризиса старой, ученый ищет «наудачу», пытается посредством эксперимента увидеть, что произойдет. Именно на данном этапе актуализируется роль веры [8].

Как широко известный культурный феномен «вера» достаточно давно обсуждался и обсуждается в контексте научных изменений и трансформаций в философской литературе. Проблема понятия «вера» рассматривалась философами, психологами, социологами в различных аспектах и трактовках в исторической хронологии. Исследователями поднимались вопросы, касающиеся роли веры в научном познании; феномена философской веры; веры и знания; сознания и веры и, это далеко не весь перечень проблемных рассуждений [3, 4, 7, 15]. Все это в своей совокупности указывает на

высокую актуальность заявленной темы.

Основной целью статьи является определение феномена «веры» и ее роли в процессе научного познания посредством историко-философского анализа.

Даже поверхностный подход к анализу той же религиозной веры обнаруживает, что в рамках ее отношений между субъектом веры и ее предметом отсутствует общепринятый для когнитивной процедуры элемент обязательного языкового выражения, т.е. она может обойтись и без него. Как известно, почти все религиозные догматы не требуют эмпирической проверки, они полагаются на слепую веру в то, что утверждается.

История развития религии наглядно показывает различие ее ипостаси и проявления в процессе движения общества по пути прогресса. В частности, в христианской вере она выражалась «верую, ибо абсурдно», в современных теологических построениях, носящих конвергентный характер, она носит теоретически завуалированную составляющую [15].

Вера – субъектна и безусловна для личности. Она, будучи в своей основе непостижимой, наделяет смыслом все то, что можно доказать. Для целостного понимания данной категории можно обратиться к истории философской мысли, отражающей сущность самой эпохи. Так, античные мыслители отмечали неполноту обоснованности веры, «неполноценность» ее утверждений, основанных на чувственном опыте и традициях обыденного сознания, в отличие от полноценно-истинного знания, которое достигаемо лишь мышлением [3].

Проблемы веры и знания существенно трансформировались в Средневековье. Вера понималась и трактовалась сугубо в религиозном смысле – вера в существование Бога [4]. Исходя из этого она рассматривалась как единственный способ постижения истины божественной реальности.

С выделением в философии самостоятельных областей знания, таких как онтология, аксиология, гносеология разработка проблемы веры отошла к компетенции гносеологии [5]. В Новое время философия перестала поддерживать идею примата веры над знанием, но сохранилась традиция их логического противопоставления. Данное суждение встречаем в работах Дж. Локка, которые говорит о «разуме» и «вере» [9]. Мыслители данной эпохи обратились к исследованию веры как не отрефлексированной установки сознания в познавательном процессе, куда можно отнести представителей эмпиризма и сенсуализма.

Конец XVII века и практически весь XVIII век существенно меняют концептуальное понимание веры. Эпо-

ха Просвещения трансформирует данную категорию, отводя ей иное место. Просветителям становится чужда наивная вера в простой и легкий путь познания истины. Наука, опыт, разум не в состоянии сами по себе, с помощью собственных сил познать истину бытия, а вера без разума может впасть в пустосвятство и суеверие. Поэтому любой вид научного, рационально-эмпирического знания нуждается в дополнении сверхчувственным и сверхразумным знанием, которое и есть вера.

В трудах философов-просветителей утверждается мысль, что свободная личность должна быть критичной и самокритичной, ничего не принимать на веру, не признавать никаких авторитетов и полагаться исключительно на силу собственного разума.

И, пожалуй, впервые в системе философского знания вера отрывается от религиозно-конфессиональной основы в философском учении И. Канта, где она переосмысливается как особая позиция разума, принимающая то значение, что логически недоказуемо, но необходимо для обоснования не только истинного знания, но и нравственных принципов типа его категорического императива [6]. В гносеологическом аспекте звучит определение веры, данное И. Кантом при анализе соотношения «мнения, веры и знания» [6]. Кант обращает пристальное внимание на тот факт, что вера, как она в огромном большинстве случаев обнаруживала себя в истории – в суевериях, в религиозных движениях, в слепом повиновении пророкам и вождям.

В общепринятом смысле вера представляет собой форму убеждения в том, что недостаточно обоснованно с точки зрения истинности и достоверности. Именно в гносеологическом плане представлены рассуждения, связанные с верой.

Гносеологический подход в первую очередь касается отношения веры и истинного знания, т.е. того, как в различных состояниях веры проявляют себя истинные знания, в каких формах это соотношение выражается, а также многие другие эпистемологические проблемы [12]. Несомненно, также и то, что гносеологический аспект органически связан с психологическим, выражающим волевые, побудительные начала человеческой деятельности, с осознанием и переживанием исследовательских коллизий, с формированием и укреплением решимости в достижении поставленных целей вплоть до самоотречения и самопожертвования. История науки знает достаточно подобных примеров, начиная с самопожертвования великого итальянского ученого Д. Бруно до А. Богданова, который в XX веке пошел на эксперимент над собой, закончившийся летальным исходом.

Продолжая рассматривать веру в философско-историческом аспекте, интересно отметить воззрения Г. Ге-

геля. Он замечает: «...вера выражает проникновенность достоверной убежденности... но эта проникновенность... непосредственно содержит в себе и самую абстрактную углубленность, то есть само мышление; если мышление противоречит вере – это мучительное раздвоение в глубинах духа» [2, с. 285].

Таким образом, понятие «вера» в истории философии в основном противопоставлялось «знанию». Но возникают иные позиции, которые не противопоставляют веру и знание. Ясперс основывается на том, что в структуре веры не разделяет субъект и объект [17].

Совершенно очевидно, что вера связана с человеческими переживаниями, а значит и с чувственной сферой когнитивной деятельности людей, неразрывно связанной с разумом, поэтому ее роль по мнению И. Канта выполняет в определенной степени и интенциональную функцию в движении знания к своему идеалу [6]. Таким образом, вера в значительной степени определяет характер человеческих стремлений в любом направлении их деятельности, будь она практической или интеллектуальной. Как составная часть любого мировоззрения личностного или общественного сознания вера превращается в мощную побудительную силу, когда превращается фактически в уверенность. Особенно это важно с точки зрения научно-исследовательской практики.

Но если процесс познания бесконечен, то возникает вопрос: можно ли познать окружающий мир? Может ли человек справиться с этой задачей? И здесь опять процесс познания основывается на вере в исходные предположения.

Другим аспектом научной веры является вера ученого в то, что объективная реальность подчиняется определенным законам, которые также независимы от сознания, а лишь «открываются» ему в процессе научного познания [16]. Действительно, едва ли кто будет отрицать, что от характера и степени уверенности ученого во многом зависит ход исследовательского процесса, уровень его напряженности и в конечном счете успешного исхода, а именно постижения истины. Неуверенность, колебания, сомнения – плохие помощники, говоря образным языком «пристяжные» в деле поиска истинного знания. При этом не следует понимать данные суждения чрезмерно односторонне, только как негативные по отношению к познанию вообще. Ведь не понимали так сомнения ни Р. Декарт, выведивший из сомнения всё свое учение, ни известный всем мыслитель К. Маркс, который неоднократно утверждал, что необходимо «подвергать все сомнению».

Рассматриваемая в гносеологическом плане вера, более опирающаяся на чувственное постижение мира, и на этой почве набирающая интенциональное содержание,

приобретает внутренние противоречивые свойства своего выражения в общественной практике, в виде того, что она способна чаще ошибаться, чем это характерно формам разумной деятельности. Вот почему человек, опирающийся только на веру, в большей мере рискует совершать ошибочные поступки и принимать неверные решения.

Когнитивные процессы, несомненно, подвержены влиянию со стороны психико-религиозной веры, как и все другие формы человеческой деятельности. Как утверждает М. Полани, в науке достаточно часто возникает крайняя необходимость принять за истину что-либо, не нуждающееся в полном и безоговорочном подтверждении истинности со стороны чувств и разума, т. е. неспособное претендовать на объективную значимость [12].

На вере строится система взаимного доверия, явное и неявное согласие, включая и интеллектуальную конформность. По утверждениям логиков, весь набор аксиом, постулатов и принципов уходит своими корнями именно в веру. В частности, в веру о мире как совершенном и гармоничном образовании, подвластном человеческому пониманию. Как специфические формы общественного сознания, религия и наука опираются на определенные факты, но если научное знание исходит из своих предпосылок, связывающих идеи, выводы, а заключение остается в реальных пределах познаваемого, то религиозное мировоззрение связывает веру с непознаваемым, сверхъестественным, метафизическим миром, о котором знание практически невозможно.

Множество необычных и любопытных связей веры можно обнаружить при анализе науки и религии как форм общественного сознания, при рассмотрении ее в качестве мировоззренческой составляющей, а также в плане соотношения личностного и коллективного характера ее выражения [13].

Опыт истории науки свидетельствует, что вера ученого в творчески полагаемую цель способна вдохновлять на долгий труд и служит важнейшим фактором достижения фундаментальных научных результатов [10]. Пирс Ч. отмечает, что величайшим вкладом Кеплера в науку было не только его научное открытие, но и как он это сделал [11]. Пуанкаре А. констатирует, что терпение физиков, которые многократно «могли пасть от множества испытываемых неудач», поддерживалось верой в то, что «природа подчинена законам, им осталось лишь узнать эти законы» [14, с. 114]. Исходя из выше определенного можно отметить, что вера – это готовность действовать и уверенность в успехе.

Таким образом, завершая рассуждения о вере в гносеологическом плане, возможно определить ее как принятие чего-либо за истину, не нуждающуюся в необходимом, полном подтверждении достоверности со стороны

чувств и разума. Следовательно, оно не может претендовать на объективную значимость, и быть способным активно двигать деятельность ученого в любой сфере научного познания, в том числе на экспериментальном

и теоретическом уровне. Отсюда становится очевидным, что проблемы научной веры представляют предмет возрастающего интереса в содержании философии науки и ее методологии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Братусь Б.С., Инина Н.В. Вера как общепсихологический феномен сознания человека // Вестник Московского Университета. Серия 14. Психология. 2011. – С. 25-38.
2. Гегель Г.В. Ф. Философия религии: В 2 т. Т. 2. М., 1977. – 536 с.
3. Гусев Д.А. Античный скептицизм как ранняя форма рефлексии теоретического знания // Преподаватель XXI век. 2010. № 2. Т. 2. – С. 204-211.
4. Евстифиева Е.А. Вера и знание: горизонты диалога // Вестник ТвГУ. Серия «Философия». 2013. Вып. 4. – С. 102-109.
5. Иошкин В.К. Вера как гносеологический феномен. // Философия и общество. Вып. 1 (53). 2009. – С. 151-166.
6. Кант И. Критика чистого разума. М., 1994. – 592 с.
7. Козырева Т.В. Роль веры в научном познании // Вестник угроведения № 4 (19). 2014. – С. 89-96.
8. Кун Т. Структура научных революций. М., 1975. – 300 с.
9. Локк Дж. Опыт о человеческом разуме // Избранные философские произведения: В 2 т. Т. 1. М., 1960. – С. 55-696
10. Мельвилл Ю.К. Чарльз Пирс и прагматизм (У истоков американской буржуазной философии XX века). М., 1968. – 503 с.
11. Пирс Ч. С. Избранные философские произведения. М., 2000. – 448 с.
12. Полани М. Личностное знание: На пути к посткритической философии. М., 1985. – 345 с.
13. Поппер К. Логика и рост научного знания. М., 1983. – 605 с.
14. Пуанкаре А. О науке: Ценность науки. М., 1982. – 652 с.
15. Сёмушкин А.В. Философская вера экзистенциализма и ее притязания на универсальное мировоззрение // Избр. соч.: в 2 т. Т. 2. М., 2009 – 629 с.
16. Философия. Религия. Культура: Критический анализ современной буржуазной философии. М., 1982. – 398 с.
17. Ясперс К. Смысл и назначение истории. М., 1991. – 527 с.

© Скопа Виталий Александрович (sverhtitan@rambler.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

ТЕЛЕСНЫЕ ПРАКТИКИ В ИСТОРИИ КУЛЬТУРЫ

BODILY PRACTICES
IN THE HISTORY OF CULTURET. Tamarzina
T. Tsvetus-Salkhova

Summary: The study of the nature and essence of man in the context of spiritual and practical development of the surrounding reality. Consideration of the body as an instrument of knowledge of the world, in which bodily knowledge is movement and action, and the perceiving and thinking mind is a body in motion. The development of the world takes place through bodily practices.

Keywords: body, man, practice, spirituality, world, physicality, cognition, culture, cognition, individual.

Тамарзина Татьяна Владиславовна

Аспирант, старший преподаватель, Кемеровский
государственный институт культуры
tamarazina@mail.ru

Цветус-Сальхова Татьяна Эдуардовна

канд. культурологии, старший преподаватель,
Кемеровский государственный институт культуры
cvetus@mail.ru

Аннотация: Изучение природы и сущности человека в контексте духовно-практического освоения окружающей действительности. Рассмотрение тела как инструмента познания мира, в котором телесное познание - есть движение и действие, а воспринимающий и мыслящий ум являются телом в движении. Освоение мира происходит посредством телесных практик.

Ключевые слова: тело, человек, практика, духовность, мир, телесность, познание, культура, познание, индивид.

Исследования тела, в частности, проблема телесных практик как инструмента познания человеком себя и мира, то есть изучение природы и сущности человека в контексте духовно-практического освоения окружающей действительности, являются актуальными и находятся в центре внимания динамично развивающейся области гуманитарного знания.

В современной социологической теории телесность человека рассматривается как результат преобразования физиологической данности в процессе освоения культуры, то есть тело рассматривается как инструмент познания мира, где телесное познание - есть движение и действие, а воспринимающий и мыслящий ум являются телом в движении.

Интеграция тела человека в современном дискурсе связана с конкретизацией аксиологических параметров телесности в пространстве культуры. Пояснение окружающей вселенной в древних культурах предполагало утрату практик телесной индивидуальности и свободы, которые сегодня обуславливают необходимость уточнения ключевых исследовательских категорий, их соотношения с иными системными аспектами культурного бытия.

Антропологический аспект духовно-практического освоения мира, в частности, проблема человека в телесных практиках, является новым и актуальным объектом изучения, который в современном мире бросает вызов традиционным способам познания окружающей действительности.

Известно, что отражение окружающего мира, то есть познание вселенной общественным индивидуумом, ре-

ализуется в ряде главных форм, среди которых можно определить материально-практическое – преодоление «внешности», «чуждости» мира за счет его изменения в процессе труда, духовно-практическое – преодоление «чуждости» мира, внешних сил, которые преобладают над человеком в воображении, в сознании, мышлении, и, теоретическое – познание природы, закономерностей мироздания, раскрытие его тайн [4, с.30].

Взаимосвязь духовных и телесных практик с миром находит собственное отражение в большинстве научных исследованиях - рассмотрим пояснение окружающей вселенной с помощью разгадывания смысла знаков, знамений богов через мифологическое пояснение окружающей действительности.

Так, древние культуры поясняли тем, что тело воплощает определенное символическое содержание и считается некоторой знаковой системой: общеизвестно, что античный герой, зная абсолютную развязку собственной судьбы, личный близкий конец, тем не менее самоотверженно шел до конца. Так знали свою судьбу Ахиллес и Гектор. И эти знания делали их спокойными и героичными.

Стоит упомянуть, что греки и римляне – народы, которые завещали всему миру огромную культуру. Кажется, что они, рационалистично мыслящие философы, воины, математики, адвокаты, обязаны были бы быть свободными от суеверий, от определенных «идолов» разума. Однако на деле все обстоит как раз наоборот. Древние люди опасались судить неверно обо всем том, что выходит за границы их физических и умственных способностей.

Из чего следует, что, остерегаясь того, чтобы ощу-

щения не вмешались в дела разума при решении неподвластных их уму сверхзадач предвидения, они обращались ко всякого рода незаинтересованным умам, к «специалистам» – гадалкам чаще, чем к силе духа, воли и собственного разума.

Однако, с точки зрения науки, абсолютно понятна «неистинность» тех «знаний», которые располагались у каждого рода гадалек древности. Их мненья и знамения, знаки неба скажут о судьбе человека, военного подхода – так говорили древние. В итоге, в эпосе «Нарты» можно заметить, что перед гибелью все благодарили человека за подаренное отношение к людям.

Также духовно-практическое освоение мира с помощью призмы мифологического сознания не мешало лечить болезни. Об этом писали большинство путешественников, посещавших определенную местность. Однако при этом всем, стоит пояснить, что любые положительные знания были у горцев с исполнением мифологических воззрений. То есть органическое единение мифа и эмпирического знания помогало людям того времени менять модель вещей, их внешнюю сторону или явления: индивид остается по эту сторону предмета, хотя на самом деле ему кажется, что он имеет дело со всей сущностью, с анатомией, внутренней организацией предмета.

Таким образом, мифологическое мировоззрение выступает как способ духовно-практического освоения мира. Через специфическое, образное, чувственное, синкретическое представление о явлениях природы и общественной жизни.

Далее, в ходе развития духовно-практического освоения мира, человек начинает говорить не столько строго логические определения «истины и лжи», сколько термины «правды». Где «правда» уже не выступает мифом, а является истинностью рода или народа.

Так, большинство путешественников прошлого удивляются бескорыстию в гостеприимстве абазин и адыгов. Сколько бы времени не находится гость в доме у представителя этих национальностей, (которые относятся к автохтонным народам Кавказа, преимущественно проживающих в Карачаево-Черкесской Республике), последний не может брать за радушный приём подарки и подношения от гостя. В материальном смысле хозяин никакого вознаграждения не обретал. Хозяин находит вознаграждение в самом себе, в голосе совести собственной, которая говорит ему: «Ты выполнил завет отцов – священный долг гостеприимства!».

Таким образом, основополагающий принцип «правды» выражает некий идеал поведения, высшую ценность традиции народа или рода и морали, которая обосновы-

вается верностью человека в его действиях и поступках. Правда выступает как призма социальности: у каждого народа или племени – она своя и означает особенные границы жизни не только непосредственно внутри самого строя, но и даёт перспективу для познания всего мира – через «правду», таким образом, выступая субъективным фактором.

Можно сказать, что внутреннее (духовное) содержание личности – своеобразная проекция общественно-го сознания, духовной жизни социума. Соответственно, духовность можно анализировать, как основание взаимоотношений человека с социумом. Из глубин духовности и только в согласии со своей душой любой человек черпает собственные желания и устремления, и они, в определенную очередь, считаются стимулами и мотивами его актуальных и злободневных устремлений и установок: всё, что окружает человека, его мир, восприятие действительности, огромно и различно, являет собой целую вселенную. Однако он располагает как бы по ту сторону, вне плоскости духовности человека, причиной сего является невозможность предстать в качестве субъективного.

Немаловажно отметить, что многие процессы современности потребовали выведения в открытый мир большинства компонентов культуры, обращения к внутренним силам личности, которые могут возратить себе былую мощь и качественно жить в окружающем пространстве [7, с.15].

Смысл нынешнего отношения состоит в том, что человек идентифицирует себя, как субъект, «качеством» которого считается духовность. Поэтому сегодня так актуальны попытки многочисленных наук разработать важные технологии данной процедуры вследствие собственных традиций и способностей разделяют его на компоненты, что ярко видится в образе жизни и мыслей, и выступают, как фрагментарная деятельность, активизирующаяся только под влиянием появляющихся школ или курсов по самосовершенствованию. Между тем, потребность социума в возрождении цивилизации проявляется не только в трансформации ее в определенную плоскость. На данный момент уже работает довольно хорошо разработанный социальный институт антропологической культуры.

Главным компонентом аксиологического комплекса данной культуры выступает совершенный человек, онтология и творческое изменение которого будет составлять суть анализируемого феномена. Обретенные в новой среде совокупность сведений, знаний, таланта и способностей приводят к переосмыслению бытия и понимаются субъектом как его внутренний опыт, фиксирующий и передающий содержательную модель духовно-нравственной и практической действующей деятель-

ности эзотерической культуры.

Развитие духовно-практического освоения мира и применение антропологического аспекта всей культуры выходит на такой уровень бытования, когда в ее исследование активным образом подключалась наука. Она активно вливается в нормативно-ценностное сочетание повседневной образованности и интеллигентности, соответственно, ее ценностный аспект будет обеспечивать потребности улучшения, развития внутренних сил личности. Понятно, это будет приводить к тому, что ценности духовно-практического освоения мира вливаются в образовательные программы в более полном виде и помогают решать трудные проблемы развития культуры и человека.

Так, анализ разнообразия проявлений подобного культивирования на нынешнем этапе помогли определить формы применения населением ее ценностей. Были найдены популярные психофизиологические направления, которые уже не воспринимались обществом, в основном интеллигенцией, как духовные, а переходили в разряд оздоровительных программ.

Если ранее мир познавался через миф, далее – через «правду, то сегодня важным проводником является тело как проекция на процессы смыслообразования в культуре, то есть осмысление мира может осуществляться через тело и чувства. Важно, чтобы каждый индивид стремился к познанию своего тела, используя при этом все достижения наук о человеке. Это необходимо не только для совершенствования соматических движений, улучшения состояния мышц, внутренних органов и систем организма человека, но, что возможно и самое главное, в целях овладения «искусством совершенствовать нашу человечность и жить лучшей жизнью» [10, с.60]. Именно наша человечность во многом определяет и качество нашей жизни. Как мы относимся к себе, окружающим людям, как обустроиваем свою жизнь, воспитываем детей, постигаем и совершенствуем себя в профессии, это происходит не только с помощью сознания индивида, но в этом обязательно существенная роль отводится и нашей телесности, действиям и поступкам, сопровождаемым телесными движениями [10, с.63].

Техники тела в нашей жизни разнообразны. Некоторые исследователи, в частности, Марсель Мосс выделяет следующие техники тела: техники родов и акушерства, техники периода детства, юности, взрослого возраста, каждая из которых еще подразделяется на многие составляющие [6, с.304]. Они не сводятся только к техникам движений, как мы иногда примитивно себе представляем, но возможно не концентрируем на них свое внимание, тем самым несколько упрощая наше земное бытие и созерцание. Именно разнообразие техник тела,

их специфическое своеобразие и составляет основу существования человека. Техники тела «дают» или «даруют» индивиду жизнь (техники родов), а впоследствии они обеспечивают уход человека в потусторонний мир (техники захоронения).

Между техниками «дарования» жизни и проводками в мир иной существует множественное разнообразие телесно ориентированных практик, каждая из которых выполняет свою значимую роль. Например, техники юности помогают усваивать наши манеры и стили поведения, жизненно необходимые навыки, обеспечивают вступление во взрослую жизнь. Следовательно, от формирования данных техник зависит во многом и существование самого человека, насыщенность и полнота его взрослой жизни [6, с.306].

Важно заметить, что телесные практики требуют ответственного глубинного познания, так как неодинаково влияют на личность. Они предполагают чрезмерную модификацию человеческого аватара, иные вовсе направляются на искусственное вмешательство в человеческую плоть, и только единичные помогают именно гармонизации индивида, помогают ему отыскать наилучшие пути личного продвижения по жизни. Но научная общественность телесным практикам, да и самому телу будет отдавать только остаточное внимание, считая недостойного большего понимания, чем есть на самом деле.

Таким образом, человек, использующий телесные практики в повседневной жизни, осознает свое тело как ценность, а не просто как данность, как объект совершенствования. Это осознание осуществляется в процессе развития внутренних форм и стилей восприятия, познания, мышления и суждения. Тело-ценность — это и факт совершенствования нашей человечности посредством усвоения высших социально значимых форм социального поведения, как альтернативы установившимся, а иногда и претендующим на господство в обществе асоциальным нормам поведения, вызывающим девальвацию ценностного смысла и значимости телесности индивида.

Различие скрытого потенциала человека включает в себя рациональную и эмоционально-аффектную область, которые ориентируются на внешнее и внутреннее согласие. Содержание духовных процедур, нравственных ценностных ориентиров, религиозных верований, эстетических категорий фиксируется в духовности во взаимосвязи и целостности [7, с.17]. То есть освоение телесных практик направляется не столько на решение некоторых частных утилитарных задач, а в духовных и практических отношениях с иными людьми, выстраивает вначале идеалистическое, после и реалистическое житейское направленное течение, усиливая морально-нравственный и наружный потенциал.

Проблема человека в телесных практиках, в частности, телесно-ориентированный подход, является нетрадиционным и перспективным подходом к пониманию антропологического аспекта духовно-практического освоения мира, а также когнитивных систем и когнитивных процессов. Изучение данного вопроса открывает новые перспективы развития для широкого спектра областей научного познания, инженерии и социальной практики, начиная с искусственного интеллекта и робототехники до теории социальной коммуникации и теории управления.

Таким образом, в процессе осмысления нашей проблемы, то есть анализу специфик техник по освоению окружающего мира, подчеркнем, что это освоение происходит через мифологическое пояснение окружающей действительности, принципа «правды», выражающего

высшую ценность традиции народа и морали, а также через телесные практики.

Человек в системе координат окружающего мира является не критерием природной жизни, а его продолжением и воплощением, а значит, тело человека- «проводник» природы в мир человека. Благодаря развитию техник тела и движений человека в опыте осмысления мира этот процесс становится возможным, поскольку он никогда не завершается. Наше тело – карта мира, если знаешь куда идти и что делать – путь может стать очень интересным. Таким образом, духовно-практическое освоение мира в стремление изучить и понять «природу» тела человека — это часть перспективы исследования, которое заключается в попытке понять непосредственно само «тело» человеческой природы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Баскаков В.Ю. Свободное тело / Ред.-сост. В.Ю. Баскаков. М.: Институт Общегуманитарных Исследований, 2001. - 224с.
2. Баскаков В.Ю. Телесно-ориентированная психотерапия и психотехника: сравнительный анализ существующих подходов // Сб. Телесность человека междисциплинарные исследования. М., 1991, 54-61 с.
3. Быховская И.М. Физическая культура как практическая аксиология человеческого тела: методологические основания анализа проблемы // Физическая культура: воспитание, образование, тренировка. 1996. N 2. 19-27 с.
4. Киященко Н.И. Динамизм соотношения: народные, массовые и элитарные культура и искусство (методологический аспект) // Массовая культура и массовое искусство. „За” и „против”. М., 2013. – 30 с.
5. Михель Д.В. Тело в западной культуре. Саратов: Научная книга, 2000. - 171 с.
6. Мосс М. Техники тела // Мосс М. Общества. Обмен. Личность. Труды по социальной антропологии. М., 1996. - 418 с.
7. Никитич Л.А. Культурология. Теория, философия, история культуры. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2005. - 559 с.
8. Подорога В.А. Тело-без-органов // Новая философская энциклопедия: в 4 т. М.: Мысль, 2000. Т. 1. - 724 с.
9. Хрестоматия по социологии физической культуры и спорта / Сост.: В.И. Столяров, Н.Н. Чесноков, Е.В. Стопчикова. М.: Физическая культура, 2005. Ч.1 – 448 с.
10. Шустерман Р. Мыслить через тело: гуманитарное образование // Вопросы философии. 2006. N 6 – 63 с.

© Тамарзина Татьяна Владиславовна (tamarazina@mail.ru), Цветус-Сальхова Татьяна Эдуардовна (cvetus@mail.ru).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

КОНСТРУКЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ЭТИЧЕСКИХ ИДЕЙ В ФИЛЬМЕ «БЛУЖДАЮЩАЯ ЗЕМЛЯ 2»

Хуан Вэньци

Ассистент, Аньхойский университет, г. Хэфэй, Китай
hwq@ahu.edu.cn

THE NARRATIVE ETHICS CONSTRUCTION IN "THE WANDERING EARTH 2"

Huang Wenqi

Summary: Social ethics studies social relationships and is used to analyze social phenomena and ethical issues. The Chinese film «The Wandering Earth 2» is rich in cultural connotations and is constructed through multiple narrative ethics. This article, with the help of theories related to social interaction ethics, categorizes the narrative ethics in the film into the ethical perspectives between master and student, national ethics, and international ethics. By interpreting these concepts, it helps the audience better understand the film «The Wandering Earth 2» and the Chinese cultural connotations it conveys.

Keywords: The Wandering Earth 2, Chinese Culture, Social Ethics, Chinese Film.

Аннотация: Социальная этика изучает социальные отношения и используется для анализа социальных явлений и морально-этических вопросов. Китайский фильм «Блуждающая Земля 2» обладает богатой культурной подоплекой, созданной с помощью множественной этики. В данной статье, с использованием теорий, связанных с этикой социального взаимодействия, мы разделяем социальную этику данного фильма на этику между наставником и учеником, национальной этику и международную этику. Расшифровка этих концепций позволит зрителям лучше понять фильм «Блуждающая Земля 2» и осознать передаваемую в нем культурную подоплеку Китая.

Ключевые слова: «Блуждающая Земля 2», китайская культура, социальная этика, китайский фильм.

В 2023 году вышел китайский научно-фантастический фильм «Блуждающая Земля 2», режиссером которого является Го Фань. Фильм рассказывает историю о том, как человечество сталкивается с выбором выживания и предпринимает усилия для самореализации перед наступлением «солнечного кризиса». «Блуждающая Земля 2» является продолжением фильма «Блуждающая Земля» и вызвал широкие обсуждения в обществе благодаря впечатляющим спецэффектам и глубокому содержанию. Фактически, основная логика этого фильма строится на этическом противоречии. Этическое противоречие, проявляющееся в поведении людей перед приближающимся огромным катаклизмом, не только определяет развитие сюжета, но и влияет на эмоциональное состояние и нервы зрителей за экраном. Теории социальной этики предоставляют эффективные аналитические инструменты для исследования этого.

Социальная этика описывает моральные отношения людей в обществе, которые являются основой социального порядка и реализации социальной справедливости. Взаимосвязь между правами и обязанностями, общественной властью и этическим духом, а также этические вопросы в экономике, политике, системе, общении, науке и других областях являются предметом изучения социальной этики. В данной статье мы используем концепцию «социальной этики», которая включает нормы и принципы поведения между индивидуумами, между индивидуумами и группами, а также между группами в процессе взаимной координации и взаимодействия.

Далее мы рассмотрим социально-этические явления, проявляющиеся в фильме «Блуждающая Земля 2», с точки зрения этики между наставником и учеником, национальной этики и международной этики.

1. Этика между наставником и учеником

Отношение между наставником и учеником является важным выражением этического аспекта китайской культуры, отражающим идею «единства знания и деяния» в традиционном китайском образовании. В фильме «Блуждающая Земля», выпущенном в 2019 году, поведение деда Хань Цзыана, отца Лю Пэйцяна и сына Лю Ци отражает передачу ответственности в рамках семейных уз, проявляя семейную этику. В фильме «Блуждающая Земля 2» тема «ответственности» продолжается через отношения между мастером и учеником.

Поведение Чжан Пэна и Лю Пэйцяна соотносится с концепцией «защиты» в отношении между наставником и учеником. Эта концепция имеет сходство с семейной этикой [1]. Семья является основной единицей общества и важным измерением воспитания ответственности. Семейный образ жизни – это форма деятельности и поведения, формируемая людьми под воздействием определенных социальных условий и ценностных ориентаций, соответствующая их собственному образу жизни [2]. В этой рамке родители бескорыстно и безоговорочно заботятся о своих детях, старшие поколения заботятся о младших. Этические отношения ответственности в се-

мье можно сравнить с отношениями между наставником и учеником. Лю Пэйцян является учеником Чжан Пэна, но Чжан Пэн смотрит на него как на своего собственного ребенка. В начале фильма, Чжан Пэн молится перед родителями Лю Пэйцяна и обещает заботиться о нем. Эта сцена создает основу для отношений между наставником и учеником в фильме. Еще одним символическим жестом, отражающим отношения между наставником и учеником, является характерный жест, когда Чжан Пэн тыкает двумя пальцами в лоб Лю Пэйцяна. Этот жест символизирует заботу и внимание Чжан Пэна к своему ученику. Во время кризиса, Чжан Пэн всегда беспокоится о безопасности Лю Пэйцяна. Когда он узнает, что его ученик собирается участвовать в опасной миссии, Чжан Пэн торопится выбежать. Это поведение и реакция сходны с тем, как родители реагируют, увидев, что их дети получили травму или потерпели убытки. Все эти действия и поступки являются проявлением отношения между Чжан Пэном и Лю Пэйцяном и отражают этические аспекты между ними, подобно отношениям между родителями и их детьми.

В традиционной китайской культуре, учитель оказывает значительное влияние на ученика в плане знаний и нравственности. Можно сказать, что процесс получения знаний и образования учеником является передачей мастерства и духовных ценностей учителя. С одной стороны, ученик, получая руководство и наставления от учителя, осваивает соответствующие навыки и компетенции, и в процессе повседневной практики постоянно имитирует, тренируется и совершенствуется, передавая мастерство учителя дальше. С другой стороны, ученик осваивает духовные ценности от учителя. В этом процессе передачи между учителем и учеником передается не только мастерство и технические навыки, но и система ценностей и моральных норм. Во время взаимодействия с учителем в процессе обучения ученик постепенно осознает духовные качества, присутствующие у учителя, включая профессионализм и инновационное мышление. В результате ученик внутренне усваивает профессиональные навыки и ценностные установки учителя и передает их дальше. В этом процессе этические ценности играют важную роль: учитель несет ответственность за передачу знаний и пропаганду позитивных идей на основе этических и моральных принципов, а ученик должен следовать этическим нормам, разумно применять полученные знания и выражать уважение и благодарность учителю.

Отношение между Чжоу Чжэчжи и Хао Сяоси воплощает принцип наставничества и передачи знаний. В фильме они работают как представители Китая в здании Организации Объединенных Наций. Вначале Хао Сяоси проявляет страх и нерешительность перед выступлением и обращается к наставнику Чжоу Чжэчжи с вопросом: «Мне выступать на такой важной конференции?» Ответ

Чжоу Чжэчжи звучит: «На каждой конференции речи важны, просто читай их точно и без ошибок». В конце фильма, уже став самой наставницей, Хао Сяоси задается тем же вопросом, и она отвечает так же, как ранее Чжоу Чжэчжи. Такое параллельное изображение событий является одним из методов, используемых сценаристами в структуре киносюжета. Сравнение деятельности персонажей в разное время делает образы более выразительными, и отражает принцип наставничества и передачи знаний. Хао Сяоси преодолевает начальное беспокойство и неуверенность, и в конечном итоге способна разумно реагировать на сложные решения, что полностью отражает этические принципы, основанные на морали и ответственности.

2. Национальная этика

Патриотизм является требованием духа национальной этики. В новую эпоху патриотизм является моральным принципом, регулирующим отношения между личностью и государством. В фильме «Блуждающая Земля 2» смена сцен и изображение персонажей добавляют национальные и символические элементы на экране. Эти символические знаки отражают этическую ответственность китайского народа в распространении патриотического чувства родины.

Красное знамя с пятью звездами является важным символом национального духа «Стремительное продвижение» с момента образования Китайской народной республики. Когда Хао Сяоси задает вопросы другим представителям других стран, она предлагает, чтобы Китай позволил всем людям войти в подземный город. На этой сцене на столе слева от Хао Сяоси виден флаг Китая. Когда представители других стран сомневаются в решениях китайцев, Чжоу Чжэчжи смотрит в окно, на заднем плане которого виден флаг Китая в конференц-зале. Этот символический знак флага Китая представляет историю государства и национальный дух, наследованный от китайской нации. Повторное появление этого символа в фильме «Блуждающая Земля 2» направлено на поддержание национальной идентичности зрителей и формирование национального самосознания. Этот символ также присутствует в первой части «Блуждающая Земля», а также в фильмах «Я и моя Родина», «Победа» и других патриотических фильмах.

Кроме национального флага, диалоги актеров также отражают дух патриотизма. В китайском фильме «Блуждающая Земля 2» помимо стандартного китайского языка и языков других стран, присутствует китайские диалекты. Диалект является формой выражения речи и отражает местные языковые привычки; его произношение и звуковая характеристика являются значимыми знаками, а его содержание несет культурное содержание. В фильме использованы шанхайский, шаньдунский

и другие диалекты, которые играют важную роль в создании образов персонажей и создании комического эффекта в общем повествовании. Можно сказать, что эти диалекты не только соответствуют символам личности и символам духа персонажей, но и отражают реалистическую и местную культурную особенность, вкрапленную в этот научно-фантастический фильм с международным видением. Также в офисе китайских сотрудников были упомянуты термины «Праздника Луны» и «лунной лепешки». Эти слова являются символами традиционной китайской культуры, передающими прекрасное значение семейного единства.

Кроме того, на мобильных телефонах иностранцев появляется китайская шахматная игра, которая содержит философскую мысль китайской культуры и выражает национальную мудрость и национальный дух древних китайцев. Одежда Чжоу Чжэчжи также является проявлением китайской культуры. Чжоу Чжэчжи появляется в зале заседаний здания Организации Объединенных Наций и других важных мероприятиях в китайском национальном костюме «Чжуншань», который имеет простой и изящный дизайн, нейтральные цвета и сочетает в себе традиционные элементы восточной и западной культур. Он несет в себе традиционный эстетический дух китайского народа и уважение современных китайцев к традиционной культуре, а также отражает революционный дух Китая в новую эпоху.

3. Международная этика

Идея «Сообщества единой судьбой человечества» была предложена Китаем и постепенно развивается в богатую и логически завершенную систему мысли. Это сознание основано на принципах «взаимного уважения, равноправного отношения друг к другу, быть открытыми и толерантными, учиться друг у друга, идти в ногу со временем и по пути инновационного развития» [3], истоки которых прослеживаются через постоянные исследования и практику. Идея «Сообщества единой судьбой человечества» пронизывает фильм «Блуждающая Земля 2» и выражается через международное сотрудничество и другие действия.

Ряд действий китайских дипломатов при решении кризисных ситуаций отражает их ответственность как великой державы. «Сообщество единой судьбой человечества» указывает, что мы должны сотрудничать, нести ответственность вместе, объединяться, чтобы справиться с глобальными проблемами, такими как изменение климата, безопасность энергоресурсов, кибербезопасность, серьезные природные катаклизмы и т.д., совместно охранять нашу земную родину, на которой существует человечество [4]. Чжоу Чжэчжи на различных мероприятиях в роли представителя Китая показал миру две фотографии, которые являются знаками-символами, отражающими

идею «Сообщества единой судьбой человечества». Одна из фотографий была сделана аппаратом в прошлом веке. Чжоу Чжэчжи твердо верит, что человечество способно своими силами защитить Землю и оберегать будущие поколения. Затем он показал фотографию кости человека, которая переломалась 15 тысяч лет назад, а затем заросла. Чжоу Чжэчжи с помощью этих фотографий объясняет миру принцип «все вещи произрастают и плодоносят, пути суть протекать и не противоречить друг другу». Под его руководством люди объединились и совместными усилиями справились с бедствием. Кроме того, Хао Сяоси в своем участии в различных международных событиях проявляет спокойствие и уверенность. Это поведение отражает особенность китайцев – быть ответственными и взвешенными во всех делах.

Концепция сотрудничества и взаимовыгодного сотрудничества между Китаем и международным сообществом является основным элементом, который проявляется в действиях персонажей китайского и российского происхождения в фильме «Блуждающая Земля 2». Ответственность по работе с ядерным оборудованием возлагается на российского специалиста, который в критический момент осознает незавершенную задачу и проявляет крайнюю тревогу и напряжение. Поведение этого персонажа отражает дух единства и сопереживания российского народа. Также внутри космической станции российский космонавт проявляет величественные духовные качества, относясь к смерти без страха и готовясь пожертвовать собой. Такой характер был описан в книге «Русская идея» российского религиозного философа Н.А. Бердяева: «Есть соответствие между необъятностью, безгранностью, бесконечностью русской земли и русской души, между географией физической и географией душевной» [5]. Также стоит отметить, что дружеские отношения между Чжан Пэнном и русским космонавтом Андреем Гораховым в фильме являются отражением реальной жизни и отражают постоянное укрепление всесторонних отношений стратегического партнерства между Китаем и Россией в новую эпоху.

Кроме того, концепция «сообщества единой судьбой человечества» также проявляется в связанных с международным сотрудничеством сюжетных линиях. Во время лунного кризиса Чжоу Чжэчжи произносит речь, призывая всю человеческую расу объединиться; различные страны совместно работают над восстановлением глобальной сети Интернета; космонавты разных стран, находящиеся на лунной космической станции, готовы пожертвовать своей жизнью для выполнения задачи; восторженные реакции глобальной публики при успешном разрешении лунного кризиса... Все эти символические действия персонажей являются конкретным проявлением концепции «сообщества единой судьбой человечества» в фильме и отражают соответствующие принципы межличностной этики.

4. Заключение

«Блуждающая Земля 2» стала таким большим хитом не только благодаря увлекательному сюжету и реалистичным научно-фантастическим спецэффектам, но и потому, что в фильме представлены этические выборы китайцев в сложных и ожесточенных этических конфликтах [6][7]. Отношения между учеником и наставником, где наставник защищает ученика, а ученик передает наследие, образуют этическую концепцию. Уникальные характеристики китайской культуры, такие как нацио-

нальный флаг, наречия, одежда «Чжуншань» и др., соответствуют национальной этике патриотизма. Поведение китайского представителя в общественных мероприятиях, его ответственность и сотрудничество с международным сообществом, являются важными аспектами международной этики в контексте идеи «сообщества единой судьбы человечества». Конечно, помимо социальной этики взаимоотношений, «Блуждающая Земля 2» также затрагивает этическую проблематику между человеческой цивилизацией и цифровой цивилизацией, этот вопрос заслуживает дальнейшего исследования.

ЛИТЕРАТУРА

1. 苏娜,戚万学.我们为什么需要家庭责任伦理教育?——基于2672名中学师生的实证分析[J].中国教育学刊,2022(12):59.
2. 王文哲.《无声告白》中的家庭伦理叙事探析[J].常州工学院学报(社科版),2022,40(04):31.
3. 习近平.深化文明交流互鉴 共建亚洲命运共同体[N].人民日报,2019-05-16(2).
4. 中共中央文献研究室.习近平关于社会主义生态文明建设论述摘编[M].北京:中央文献出版社,2017:128.
5. Бердяев Н.А., Русская идея. Париж: YMCA-press, 1971.
6. 侯东晓.《流浪地球2》:叙事增殖、意义坍塌与情感的询唤式表达[J].影剧新作,2023(01):75.
7. 徐曼ью, Распространение и развитие китайской научной фантастики в России (на примере научнофантастического романа Лю Цысиня), *Образование и право*, 2020, №7, стр. 210.

© Хуан Вэньци (hwq@ahu.edu.cn).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Аньхойский университет

Наши авторы

Afanasev N. – candidate of philological sciences, associate professor, North-Eastern Federal university, Yakutsk

Chursina A. – Lecturer, St. Petersburg State Maritime Technical University

Dementev O. – Teacher, Hebei International Studies University (Hebei University of Foreign Languages), China, Shijiazhuang; Applicant, Krasnodar State Institute of Culture

Ding Weixing – Graduate student, Russian State Specialized Academy of Arts

Gribkov A. – Doctor of Engineering, Chief Researcher, Moscow State University of Technology "STANKIN"

Huang Wenqi – assistant, Anhui University, Hefei, China

Ipatova K. – Post-graduate student, Pavlov First Saint Petersburg State Medical University

Kovaleva M. – Ph.D., Associate Professor, Kursk Academy state and municipal service

Kozhevina A. – Ph.D. in Psychology, Associate Professor, Baikal State University, Irkutsk

Marinchenko O. – postgraduate student, Northwestern Institute of Management Russian Academy of Public Administration and national economy

Minaev M. – Russian State Social University

Our authors

Pinigina O. – candidate of pedagogical sciences, Associate Professor, FSBEI HE "Arctic State Institute of Culture and Arts"

Ryazanova T. – Novosibirsk State Technical University

Shalamova I. – Baikal State University (Irkutsk)

Shevelenkova T. – candidate of psychological sciences (Phd), associate professor, Russian State University for the Humanities

Skopa V. – Doctor of Historical Sciences, Professor, Corresponding Member of the Russian Academy of Natural Sciences, Altai State Pedagogical University, Barnaul

Sleptsova E. – FGBOU VO "Arctic State Institute of Culture and Arts"

Stankevichute E. – Lecturer, St. Petersburg State Maritime Technical University

Stolbov M. – postgraduate student, FSBEI HE «State University of Education»; general director, OOO «Leader»

Tamarzina T. – postgraduate student, senior lecturer, Kemerovo State Institute of Culture

Telegin A. – Ph.D., Associate Professor, Kursk State University

Tsvetus-Salkhova T. – cand. cultural studies, senior lecturer, Kemerovo State Institute of Culture

Wang Yan – Associate Professor, Dalian Academy of Arts, China

Требования к оформлению статей, направляемых для публикации в журнале

Для публикации научных работ в выпусках серий научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» принимаются статьи на русском языке. Статья должна соответствовать научным требованиям и общему направлению серии журнала, быть интересной достаточно широкому кругу российской и зарубежной научной общественности.

Материал, предлагаемый для публикации, должен быть оригинальным, не опубликованным ранее в других печатных изданиях, написан в контексте современной научной литературы, и содержать очевидный элемент создания нового знания. Представленные статьи проходят проверку в программе «Антиплагиат».

За точность воспроизведения дат, имен, цитат, формул, цифр несет ответственность автор.

Редакционная коллегия оставляет за собой право на редактирование статей без изменения научного содержания авторского варианта.

Научно-практический журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» проводит независимое (внутреннее) рецензирование.

Правила оформления текста.

- ◆ Текст статьи набирается через 1,5 интервала в текстовом редакторе Word для Windows с расширением “.doc”, или “.rtf”, шрифт 14 Times New Roman.
- ◆ Перед заглавием статьи указывается шифр согласно универсальной десятичной классификации (УДК).
- ◆ Рисунки и таблицы в статью не вставляются, а даются отдельными файлами.
- ◆ Единицы измерения в статье следует выражать в Международной системе единиц (СИ).
- ◆ Все таблицы в тексте должны иметь названия и сквозную нумерацию. Сокращения слов в таблицах не допускается.
- ◆ Литературные источники, использованные в статье, должны быть представлены общим списком в ее конце. Ссылки на упомянутую литературу в тексте обязательны и даются в квадратных скобках. Нумерация источников идет в последовательности упоминания в тексте.
- ◆ Список литературы составляется в соответствии с ГОСТ 7.1-2003.
- ◆ Ссылки на неопубликованные работы не допускаются.

Правила написания математических формул.

- ◆ В статье следует приводить лишь самые главные, итоговые формулы.
- ◆ Математические формулы нужно набирать, точно размещая знаки, цифры, буквы.
- ◆ Все использованные в формуле символы следует расшифровывать.

Правила оформления графики.

- ◆ Растровые форматы: рисунки и фотографии, сканируемые или подготовленные в Photoshop, Paintbrush, Corel Photopaint, должны иметь разрешение не менее 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.
- ◆ Векторные форматы: рисунки, выполненные в программе CorelDraw 5.0-11.0, должны иметь толщину линий не менее 0,2 мм, текст в них может быть набран шрифтом Times New Roman или Arial. Не рекомендуется конвертировать графику из CorelDraw в растровые форматы. Встроенные - 300 dpi, формата TIF, без LZW уплотнения, CMYK.

По вопросам публикации следует обращаться к шеф-редактору научно-практического журнала «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики» (e-mail: redaktor@nauteh.ru).